

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Локк Джон Опыт о человеческом разумии Книга 3
Глава первая О СЛОВАХ, ИЛИ О ЯЗЫКЕ ВООБЩЕ

1. Люди способны производить членораздельные звуки. Задумав человека как существо общественное, бог не только создал его со склонностью к общению с другими подобными ему существами и сделал это общение необходимым для него, но и даровал ему язык, который должен был стать великим орудием и общей связью общества. Поэтому органы у человека по природе устроены так, что способны издавать членораздельные звуки, которые мы называем словами. Но этого было недостаточно для возникновения языка, ибо довольно ясному произведению членораздельных звуков можно научить попугаев и разных других птиц, которые, однако, совершенно не обладают даром речи 1.

2. Люди способны делать звуки знаками идей. Поэтому кроме членораздельных звуков было еще необходимо, чтобы человек был способен пользоваться этими звуками как знаками внутренних представлений и обозначать ими идеи в своем уме, чтобы они могли сделаться известными другим и чтобы люди могли сообщать друг другу свои мысли.

3. Люди способны делать эти звуки общими знаками. Но и этого было недостаточно для того, чтобы слова принесли ту пользу, какую должны принести. Для совершенства языка недостаточно, чтобы звуки могли стать знаками идей, если эти знаки не могут быть использованы так, чтобы они обнимали собой много отдельных вещей; употребление слов было бы затруднено их множеством, если бы каждая отдельная вещь нуждалась для своего обозначения в особом названии. Для устранения этого неудобства язык получил дальнейшее усовершенствование в пользовании общими терминами, благодаря которому одно слово стало обозначать множество отдельных предметов. Такого выгодного пользования звуками достигли только благодаря различию идей, знаками которых стали эти звуки: общими становятся те имена, которыми обозначаются общие идеи, а единичными имена остаются тогда, когда единичны идеи, для которых они употребляются.

4. Кроме имен, обозначающих идеи, есть другие слова, которыми пользуются для обозначения не идей, а недостатка или отсутствия каких-либо простых или сложных идей или всех идей вместе; таковы, например, в латыни nihil, а в нашем языке - <неведение> или <бесплодие>. Про все эти негативные, или отрицательные, слова нельзя, собственно, сказать, что они не относятся к идеям и не обозначают их, ибо тогда они были бы совершенно незначащими звуками; они касаются положительных идей и обозначают их отсутствие, 5. Слова, в конце концов, происходят от слов, обозначающих чувственные идеи. Мы приблизимся немного к источнику всех наших понятий и всего нашего познания, если заметим, как велика зависимость наших слов от обыкновенных чувственных идей и как слова, которыми пользуются для обозначения действий и понятий, весьма далекие от чувства, происходят из этого источника и от идей, явно чувственных, переносятся на более неясные значения, обозначая идеи, не относящиеся к области наших чувств. Так, <вообразать>, <понимать>, <постигать>, <соглашаться>, <представлять себе>, <внушать>, <отвращение>, <тревога>, <спокойствие> - все это слова, взятые от действий чувственных вещей и приложенные к определенным формам мышления. <Дух> в своем первичном значении есть <дыхание>, <ангел> - <вестник>. И я не сомневаюсь, что, будь мы в состоянии проследить слова до их источников, мы нашли бы, что названия, обозначающие вещи, не относящиеся области наших чувств, во всех языках имели свое первое начало от чувственных идей. Исходя из этого, мы можем высказать определенную догадку о роде и происхождении понятий, наполнявших ум первых творцов языка, а также о том, как природа, даже при наименовании вещей, бессознательно внушала людям начала и принципы всего их познания. Когда давали имена, которые могли бы сделать известными другим всякие внутри ощущаемые действия и любые иные идеи, не относящиеся к области чувств, люди были принуждены заимствовать слова от известных обычным путем идей ощущения и при их посредстве облегчать другим понимание испытываемых внутри действий, внешне чувственно не проявляющихся. И когда люди узнали и установили по общему согласию имена для обозначения этих внутренних действий своего ума, у них оказалось доста-

точно средств, чтобы при помощи слов сделать известными все свои другие идеи, ибо последние могли состоять либо из внешних чувственных восприятий, либо из внутренних действий ума в отношении этих восприятий. Как было доказано, у нас вообще нет идей, кроме тех, которые первоначально получают или от внешних

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
чувственных предметов, или от того, что мы чувствуем внутри себя в результате внутренних действий нашего духа, сознаваемых нами внутри себя.

6. Порядок рассмотрения. Но для лучшего понимания пользы языка для обучения и познания удобно будет рассмотреть: 1) челн/непосредственно дают в языке названия; 2) так как все имена (за исключением собственных) общие и, таким образом, обозначают не ту или другую единичную вещь, а виды и разряды вещей, то потом необходимо будет рассмотреть, что такое виды и роды вещей, или, если вам нравятся больше латинские названия, что такое species и genera, в чем они состоят и как образуются. После надлежащего исследования этих вопросов мы лучше узнаем, как правильно употреблять слова, каковы естественные преимущества и недостатки языка и средства избежать затруднения, вызываемые неясностью или неопределенностью значения слов. А без этого невозможно сколько-нибудь ясно или последовательно рассуждать о познании: трактую о положениях, и по большей части положениях всеобщих, познание более связано со словами, нежели думают об этом.

Вот почему эти вопросы будут рассмотрены в следующих главах.

Глава вторая О ЗНАЧЕНИИ СЛОВ

1. Слова – чувственные знаки, необходимые для общения. Хотя у человека бывает великое множество разных мыслей, и притом таких, от которых и другие могут, подобно ему, получить пользу и удовольствие, однако все они находятся в груди его, невидимы, скрыты от других и сами по себе не могут стать явными, А так как удобство и выгоды общественной жизни не могут существовать без сообщения мыслей, то необходимо было, чтобы человек открыл некоторые внешние чувственные знаки, при посредстве которых можно было бы делать известными для других невидимые идеи, из которых

состоят мысли. Для данной цели как по их обилию, так и по быстроте удобнее всего были членораздельные звуки, производить которые человек чувствовал себя способным с такой легкостью и в таком разнообразии. Итак, мы можем понять, каким образом слова, по своей природе уже приспособленные к этой цели, стали употребляться в качестве знаков идей не по какой-нибудь естественной связи, имеющейся между отдельными членораздельными звуками и определенными идеями (ибо тогда у всех людей был бы только один язык), а по произвольному соединению, в силу которого такое-то слово произвольно было сделано знаком такой-то идеи 2. Стало быть, употребление слов состоит в том, что они суть чувственные знаки идей, и обозначаемые ими идеи представляют собой их настоящее и непосредственное значение.

2. Слова – чувственные знаки идей того человека, который ими пользуется. Люди пользуются этими знаками или чтобы закрепить свои мысли в помощь своей памяти, или чтобы, так сказать, показать свои идеи и выставить их перед другими; и потому в своем первичном или непосредственном значении слова обозначают только идеи, имеющиеся в уме того человека, который пользуется этими словами, как бы несовершенно или небрежно ни были совлечены (collected) эти идеи с вещей, которые они должны представлять. Когда человек говорит другому, то это для того, чтобы его можно было понять; а цель его речи в том, чтобы звуки в качестве знаков могли сделать известными слушателю его идеи. Следовательно, то, знаками чего являются слова, – это идеи говорящего, и слова в качестве знаков никто не может употреблять непосредственно ни для чего, кроме как для своих собственных идей. Иначе человек делал бы слова знаками своих собственных понятий, а употреблял бы их для других идей, так что слова в одно и то же время и были и не были бы знаками его идей и, таким образом, в действительности вовсе не имели бы никакого значения. Слова, будучи произвольными знаками, не могут быть ими, если человек прилагает их к вещам, ему неизвестным. Это значило бы сделать слова знаками ни для чего, звуками без смысла. Человек не может сделать свои слова знаками свойств в вещах или знаками таких понятий в уме другого, которых нет в его собственном уме. Пока человек не имеет некоторых собственных идей, он не может предполагать, что они соответствуют понятиям другого человека, и не может

употреблять для последних никаких знаков, ибо такие знаки были бы знаками того, чего он не знает, т. е. фактически знаками ни для чего. Но когда он представляет себе идеи других людей при помощи некоторых своих собственных и соглашается давать им те же имена, что и другие люди, то это тем не менее относится к его собственным идеям, к тем идеям, которые у него имеются, а не к тем, которых у него нет.

3. Поскольку это необходимо при пользовании языком, то в этом отношении знающие и невежды, ученые и неученые – все употребляют свои слова (с каким-нибудь значением) одинаково. В устах каждого человека слова обозначают те идеи, которые у него имеются и которые он хотел бы выразить ими. Ребенок, обратив внимание только на блестящий ярко-желтый цвет металла, называемого другими, как он слышит, золотом, употребляет слово <золото> только для своей идеи этого цвета, и ни для чего иного, поэтому он называет золотом этот же цвет и в хвосте павлина. Другой, более наблюдательный, прибавляет к светло-желтому цвету большой вес; тогда употребляемый им звук <золото> обозначает сложную идею светло-желтого цвета и весьма тяжелого вещества. Третий прибавит к этим качествам плавкость, и для него слово <золото> обозначает тело яркое, желтое, плавкое и весьма тяжелое. Четвертый прибавит ковкость. Все одинаково употребляют слово <золото>, когда им приходится выражать идею, для которой применяют это слово, но каждый, очевидно, может употребить его только для своей идеи и не может сделать его знаком такой сложной идеи, которой у него нет.

4. Люди часто тайно относят слова прежде всего к идеям в уме других людей. Хотя слова, как их люди употребляют, собственно и непосредственно могут обозначать только идеи, имеющиеся в уме говорящего, однако в своих мыслях люди тайно относят их к двум другим предметам.

Во-первых, люди предполагают, что их слова являются знаками идей и в уме других людей, с которыми они общаются, ибо они говорили бы понапрасну и не могли бы быть поняты, если бы звуки, употребляемые ими для одной идеи, слушателем употреблялись для другой, что значит говорить на двух языках. Но люди обыкновенно не стараются исследовать, является ли та идея, которую имеют в уме они и те, с кем они разговаривают, одной и той же; они считают достаточным употреблять слово

в обычном, на их взгляд, значении в данном языке, причем предполагают, что идея, знаком которой они делают слово, совершенно тождественна с той, которой дают то же имя понимающие люди данной страны.

5. Во-вторых, [слова] относят к действительным вещам. Во-вторых, желая, чтобы их считали говорящими не просто о чем-то таком, что является их воображением, но о вещах, как они существуют в действительности, люди часто предполагают, что их слова обозначают также действительные вещи. Но так как это относится более всего к субстанциям и их именам, как, быть может, ранее сказанное относилось к простым идеям и модусам, то об этих двух различных способах употребления слов мы будем говорить подробнее, когда придем к специальному рассуждению о названиях смешанных модусов и субстанций. Впрочем, позвольте мне сказать здесь же, что, обозначая словами что-либо, кроме идей, имеющихся в нашем уме, мы пользуемся ими превратно и вносим в их значение неизбежную неясность и путаницу.

6. Слова от частого употребления легко вызывают идеи. Относительно слов нужно далее заметить еще следующее. Во-первых, поскольку слова являются непосредственно знаками человеческих идей и, таким образом, орудиями, с помощью которых люди сообщают друг другу свои понятия и выражают свои мысли и представления, имеющиеся в их душе, то от постоянного употребления между определенными звуками и идеями, которые ими обозначаются, образуется столь тесная связь, что названия, когда их слышат, почти так же легко вызывают определенные идеи, как если бы сами предметы, способные вызывать эти идеи, на самом деле воздействовали на чувства. Так, очевидно, бывает со всеми явными чувственными качествами и со всеми субстанциями, которые встречаются нам часто и близко.

7. Слова часто употребляются без значения. Во-вторых, хотя настоящее и непосредственное значение слов это идеи в уме говорящего, но вследствие привычного употребления с колыбели мы весьма совершенно усваиваем некоторые членораздельные звуки и имеем их наготове у себя на языке и всегда в распоряжении нашей памяти. Мы, однако, не всегда с надлежащим вниманием исследуем или точно устанавливаем их значения, и поэтому часто случается, что люди направляют свои мысли больше на слова, чем на вещи, даже когда они предаются сосредоточенному размышлению. Более

того. так как многим словам научаются раньше, чем становятся известны обозначаемые ими идеи, некоторые, не только дети, но и взрослые, говорят

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
различные слова совершенно как попугаи только потому, что они выучили эти звуки и привыкли к ним. Но поскольку словам присущи [определенное] употребление и значения, постольку существует постоянная связь между звуком и идеей и звук предназначен обозначать идею; без такого употребления слова суть не что иное, как ничего не значащий шум.

8, Значение слов совершенно произвольно. Как было сказано, вследствие долгого и привычного употребления слова так постоянно и легко вызывают у людей определенные идеи, что люди склонны предполагать естественную связь между ними. Но что слова обозначают только собственные идеи отдельных людей, притом в силу совершенно произвольного присоединения [слов к идеям], очевидно из того, что слова часто не вызывают у других людей (даже говорящих на том же языке) тех идей, за знаки которых мы их принимаем. Каждый человек обладает такой неотъемлемой свободой обозначать словами какие угодно идеи, что никто не в силах заставить других при употреблении одинаковых с ним слов иметь те же самые идеи, что и он. Поэтому сам великий Август, обладавший властью над миром 3, признавал свое бессилие образовать новое латинское слово, т. е. он хотел сказать, что не может установить по своему произволу, знаком какой идеи должен быть тот или другой звук в устах и на обычном языке его подданных. Правда, общее употребление в силу молчаливого соглашения во всех языках приноравливает определенные звуки к определенным идеям; и это настолько ограничивает значение данного звука, что человек, собственно, не говорит, если не употребляет его для одной и той же идеи. Позвольте мне прибавить, что человек говорит невразумительно, если его слова не вызывают в слушателе тех самых идей, которые он обозначает этими словами в своей речи. Но каковы бы ни были последствия разного употребления слов, будут ли следовать их обычному смыслу или особому пониманию их лицом, к которому они обращены, одно достоверно – значение слов при употреблении их человеком ограничено его идеями и слова не могут быть знаками чего-нибудь другого.

Глава третья ОБ ОБЩИХ ТЕРМИНАХ

1. Слова в большинстве своем носят общий характер. Так как все существующие вещи единичны, то могло бы казаться разумным, что такими будут также и слова (я имею в виду их значение), которые должны быть сообразны вещам; однако мы видим совершенно противоположное. Наибольшая часть слов, составляющих все языки, – общие термины; и это результат не небрежности или случая, а здравого смысла и необходимости.

2. Каждая отдельная вещь не может иметь свое название. Во-первых, невозможно, чтобы каждая отдельная вещь имела свое особое название. Значение и употребление слов зависит от создаваемой умом связи между идеями и звуками, употребляемыми в качестве их знаков; поэтому необходимо, чтобы ум, давая названия вещам, имел отличные друг от друга идеи вещей, а также удерживал в памяти особое название, относящееся к каждой идее, с его особым применением для данной идеи. Между тем образовать и удержать в памяти отличные друг от друга идеи всех отдельных вещей, с которыми мы сталкиваемся, – это выше человеческих сил: каждая птица и каждое животное, увиденные человеком, каждое дерево и растение, оказавшие воздействие на наши чувства, не могут найти места в самом обширном уме. Хотя рассматривают как пример поразительной памяти способность некоторых полководцев называть по имени каждого солдата в своем войске, однако нам легко понять, почему люди никогда не пытались дать имя каждой овце в своем стаде или каждой вороне, пролетающей над их головами, тем более дать особое название каждому листу растения или каждой песчинке на дороге.

3. Это было бы бесполезно. Во-вторых, если бы даже это было возможно, это было бы бесполезно, ибо расходилось бы с главной целью языка. Люди напрасно накапливают названия отдельных вещей, они не были бы им полезны для передачи их мыслей – люди обучаются словам и употребляют их в разговоре с другими только для того, чтобы их поняли; а достигается это лишь тогда, когда благодаря употреблению или соглашению звук, который я произношу своими органами речи, вызывает в уме слушателя идею, к которой я отношу его в моем уме, когда говорю. Этого нельзя достигнуть при помощи названий, относимых к единичным вещам, идеи которых имеют-

ся лишь в моем уме, так что названия их не могли бы иметь значение или быть понятными для других людей, незнакомых со всеми теми отдельными вещами, которые попались мне на глаза.

4. В-третьих, если даже и это признать возможным (а я этого не думаю), все же особое название для каждой отдельной вещи не принесло бы большой пользы совершенствованию знания, которое хотя и основано на единичных вещах, но расширяется благодаря общим воззрениям, чему прямо содействует сведение вещей в виды под общими названиями. Такие виды вместе с относящимися к ним названиями держатся в известных границах и не увеличиваются каждое мгновение, [переходя] за пределы того, что может охватить ум или чего требует практика. Поэтому люди по большей части останавливаются на этом, однако не настолько, чтобы мешать себе различать особыми именами отдельные вещи, где этого требует удобство. Поэтому люди пользуются именами собственными для своего вида [живых существ], с которым у них всего больше дела и применительно к которому им часто бывает необходимо говорить об отдельных лицах; здесь отдельные индивидуумы имеют отдельные имена.

5. Какие вещи имеют собственные имена? Помимо лиц особые названия по той же самой причине есть обычно и у стран, городов, рек, гор и других подобных определенных мест, ибо людям часто необходимо отмечать их в отдельности и, так сказать, представлять их перед другими в своих разговорах с ними. Я не сомневаюсь, что, будь у нас основание говорить об отдельных лошадях так же часто, как про отдельных людей, собственные имена первых были бы так же обычны для нас, как имена вторых: <Буцефал> 4 было бы таким же употребляемым словом, как и <Александр>. Вот почему мы видим, что у жокеев лошади имеют собственные имена, по которым оня их узнают и различают так же, как обычно своих слуг, ибо им часто бывает нужно упоминать ту или другую лошадь, когда ее нет перед глазами.

6. Как образовались общие термины? Затем следует рассмотреть вопрос о том, как образовались общие термины. Ведь все вещи существуют только в отдельности; как же мы приходим к общим терминам или где находим те общие сущности вещей, которые, как полагают, обозначаются ими? Слова приобретают общий характер оттого, что их делают знаками общих идей. А идеи становятся

общими оттого, что от них отделяют обстоятельства времени и места и все другие идеи, которые могут быть отнесены лишь к тому или другому отдельному предмету. Посредством такого абстрагирования идеи становятся способными представлять более одного индивида, и каждый индивид, имея в себе сообразность с такой отвлеченной идеей, принадлежит (как мы говорим) к этому виду.

7. Но чтобы сделать немного более определенные выводы относительно этого, быть может, будет кстати проследить наши понятия и имена с их начала и изучить, как мы постепенно продвигаемся и как мы шаг за шагом расширяем свои идеи с раннего детства. Совершенно очевидно, что у детей идеи лиц, с которыми они разговаривают (возьмем в пример только их), подобно самим лицам, только единичны. Идеи кормилицы и матери хорошо обозначены в их уме и, как изображения их там, представляют только данные индивидуумы. Имена, которые они дали впервые этим идеям, ограничены этими индивидами; слова <кормилица> и <мама>, употребляемые ребенком, относятся лишь к данным лицам. Впоследствии, когда время и более широкое знакомство дадут детям возможность заметить, что на свете есть очень много других предметов, которые, имея нечто общее во внешнем облике и разных других качествах, похожи на их отца и мать и других общавшихся с ними лиц, они составляют идею, которая, как они находят, охватывает эти многочисленные личности; и такой идее вместе с другими они дают, например, имя <человек>. Так они приходят к общему имени и общей идее. При этом они не образуют ничего нового; они лишь исключают из своей сложной идеи Петра и Якова, Марьи и Анны то, что было особенного в каждом из них, и удерживают только то, что у них всех есть общего.

8. Таким же путем, каким они приходят к общему имени и идее <человек>, люди легко приобретают более общие имена и понятия. Замечая, что разные вещи, которые отличаются от их идеи <человек> и потому не подходят под это имя, тем не менее имеют некоторые сходные с человеком качества, они удерживают только эти качества, соединяют их в одну идею и снова, таким образом, получают другую и более общую идею; а дав ей имя, они получают термин с более широким объемом. Эта новая идея образуется не от прибавления чего-то нового, но, как и прежде, только посредством исключения внешнего облика некоторых других свойств, обозначаемых словом <человек>, причем удерживаются только тело с жизнью, чувствами и самопроизвольным движением; все это охватывается словом <животное>.

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org

9. Общая природа вещей есть не что иное, как отвлеченная идея. Что именно таким путем люди впервые образовали общие идеи и общие имена для них, это, по моему мнению, настолько очевидно, что не нуждается в каких-либо других доказательствах помимо наблюдения над собою или над другими и над обычными действиями ума при познании. И тот, кто считает общую природу вещей или общие понятия чем-либо иным, а не отвлеченными или частичными идеями, составляющими часть более сложных идей и взятыми первоначально от отдельных предметов, я боюсь, не в состоянии будет найти их где-нибудь. В самом деле, пусть всякий подумает и скажет мне, чем идея <человек> отличается от идеи <Петр> и <Павел> или идея <лошадь> от идеи <Буцефал>, как не тем, что исключает то, что свойственно только каждой особи и удерживает из этих отдельных сложных идей различных отдельных предметов лишь то, в чем они сходятся? Если из сложных идей, обозначаемых словами <человек> и <лошадь>, исключить лишь особенности, которыми они различаются, удержать только то, в чем они сходятся, образовать из этого новую, отличную от других сложную идею и дать ей имя <животное>, то получится более общий термин, обнимающий собой вместе с человеком различные другие существа. Исключите из идеи <животное> чувство и самопроизвольное движение, и получаемая в остатке сложная идея, состоящая из остающихся простых идей <тело, жизнь и питание>, становится более общей под более широким термином *vivons* 5. И чтобы не останавливаться дальше на этих столь очевидных обстоятельствах, скажем, что тем же самым путем ум приходит к понятиям <тело>, <субстанция> и в конце концов к понятиям <сущее>, <вещь> и к таким общим терминам, которыми обозначают любую из наших идей. Итак, вся тайна родов и видов, которая производит столько шума в университетах, а вне их вполне справедливо обращает на себя так мало внимания, – это лишь более или менее обширные отвлеченные идеи, снабженные именами. При всем этом постоянно и неизменно здесь лишь то, что каждый более общий термин обозначает такую идею, которая составляет лишь часть какой-нибудь из идей, им объемлемых.

10. Почему в определениях обыкновенно употребляют

[слово] <род>? Это может показать нам причину того, почему при определении слов, представляющем собой лишь разъяснение их значения, мы пользуемся [словом] <род>, или ближайшим общим словом, которое объемлет собою определяемое слово. Делается это не потому, что иначе невозможно, а только чтобы избавиться от перечисления различных простых идей, обозначаемых ближайшим общим словом, или родом, а иногда, может быть, и от того, что стыдно сознаться в неспособности сделать это. Но хотя определение через *genus* и *differentia* 6 (прошу разрешения употребить эти технические термины, хотя они и латинские по происхождению, потому что они наиболее точно соответствуют понятиям, для которых употребляются), хотя, говоря я, определение через *genus* есть кратчайший путь, однако, на мой взгляд, можно сомневаться, является ли он наилучшим. Уверен я в одном, что это не единственный и потому не безусловно необходимый путь, ибо дать определение – значит лишь дать другому понять при помощи слов, какую идею обозначает определяемый термин. А потому определение всего лучше делать через перечисление тех простых идей, сочетание которых содержится в значении определяемого термина. Если же вместо подобного перечисления люди привыкли к употреблению ближайшего общего термина, то сделали это ради быстроты и удобства, а не по необходимости и не для большей ясности. Положим, кто-нибудь желал узнать, какую идею обозначает слово <человек>. Если бы ему сказали, что человек – это твердая, протяженная субстанция, имеющая жизнь, чувство, самопроизвольное движение и способность рассуждать, то, несомненно, он понял бы значение слова <человек> столь же хорошо и ознакомился бы с обозначаемой им идеей по меньшей мере столь же ясно, как и тогда, когда человека определили бы как <разумное животное>; данное выражение посредством последовательно друг за другом высказываемых определений слов <животное>, <живое существо> и <тело> разлагается на эти перечисленные идеи. При объяснении слова <человек> я следовал здесь обычному философскому определению, которое, хотя и не является, быть может, самым точным, в достаточной мере служит моей настоящей цели. На этом примере можно видеть, что привело к правилу, что определение должно состоять из *genus* и *differentia*; этот же пример в достаточной степени показывает нам, что нет большой необходимости в таком правиле или выгоды от его строгого соблюдения,

ибо, как было сказано, определения представляют собой лишь объяснение одного слова несколькими другими, с тем чтобы можно было узнать с несомненностью его значение, или обозначаемую им идею. Языки не всегда образовывались в таком согласии с правилами логики, чтобы значение каждого термина можно было точно и ясно выразить двумя другими. Опыт достаточно убеждает нас в противном, а установившие это правило поступили дурно, что дали нам так мало сообразных с ним

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
определений. Но подробнее об определениях в следующей главе.

11. Общее и всеобщее – это создания разума. Вернемся к общим словам. Из сказанного выше ясно, что общее и всеобщее не относятся к действительному существованию вещей, а изобретены и созданы разумом для его собственного употребления и касаются только знаков – слов или идей. Слова бывают общими, как было сказано, когда употребляются в качестве знаков общих идей и потому применимы одинаково ко многим отдельным вещам; идеи же бывают общими, когда выступают как представители многих отдельных вещей. Но всеобщность не относится к самим вещам, которые по своему существованию все единичны, не исключая тех слов и идей, которые являются общими по своему значению. Поэтому, когда мы отбрасываем единичное, то общее, которое остается, есть лишь то, что мы сами создали, ибо его общая природа есть не что иное, как данная ему разумением способность обозначать или представлять много отдельных предметов; значение его есть лишь прибавленное к нему человеческим разумом отношение 7.

12. Отвлеченные идеи составляют сущность родов и видов. Ближайшим предметом исследования должен быть поэтому вопрос: какого рода значение имеют общие слова? Ведь ясно, что они не обозначают просто отдельную вещь, ибо тогда они были бы не общими терминами, а именами собственными. С другой стороны, очевидно, что они не обозначают и множества, ибо в таком случае слова <человек> и <люди> обозначали бы одно и то же, а различие [единственного и множественного] <чисел> (как их называют грамматика) было бы излишним и бесполезным. Значит, общие названия обозначают виды вещей; и каждое из таких слов достигает этого благодаря тому, что оно есть знак отвлеченной в уме идеи; и, поскольку существующие вещи оказываются соответствующими этой идее, постольку их ставят под ее имя, или, что то же самое, [говорят, что] они принадлежат к этому

виду. Отсюда очевидно, что сущности видов, или (если больше нравится латинское слово) *species* вещей, суть не что иное, как эти отвлеченные идеи. Так как вещь становится принадлежащей к данному виду оттого, что обладает сущностью этого вида, и так как право называться этим видом дает сообразность с идеей, с которой связано это имя, то обладание этой сущностью и обладание этой сообразностью необходимо должно быть одним и тем же, ибо одно и то же – принадлежать к какому-то виду и иметь право называться этим видом. Так, например, одно и то же: быть человеком или принадлежать к виду <человек> и иметь право называться человеком. Опять-таки одно и то же: быть человеком или принадлежать к виду <человек> и обладать сущностью человека. И так как быть человеком или иметь право называться человеком может только то, что сообразно с отвлеченной идеей, обозначаемой словом <человек>, и так как быть человеком или иметь право принадлежать к виду <человек> может только тот, кто обладает сущностью этого вида, то из этого следует, что обозначаемая названием отвлеченная идея и сущность вида – одно и то же. Отсюда легко заметить, что сущности видов вещей и, следовательно, деление вещей на виды есть работа разума, абстрагирующего и составляющего эти общие идеи.

13. Отвлеченные идеи суть продукт разума, но имеют своим основанием сходство вещей. Мне не хотелось бы, чтобы думали, будто я здесь забываю и тем более отрицаю то обстоятельство, что природа, производя вещи, многие из них делает сходными; нет ничего очевиднее этого, в особенности у пород животных и всего, что размножается от семени. Тем не менее, мне думается, мы можем сказать, что деление вещей на виды и обозначение их по ним есть работа разума, который использует наблюдаемое между вещами сходство для образования отвлеченных общих идей и устанавливает их в уме вместе с относящимися к ним именами в качестве образцов или форм. Именно в этом смысле слово <форма> имеет очень подходящее значение: когда отдельные существующие вещи оказываются соответствующими [данной] форме, их относят к данному виду, они получают его наименование или причисляются к данному классу. Когда мы говорим, что это человек, а то лошадь, это справедливость, а то жестокость, это часы, а то кружка, мы только размещаем вещи под различные видовые имена, поскольку они соответствуют тем отвлеченным идеям, знаками которых мы

сделали эти имена. И что такое сущности этих объявленных и обозначенных именами видов, как не те отвлеченные идеи в уме, которые являются как бы связью между отдельными существующими вещами и именами, под которыми эти вещи следует разместить? Когда у общих имен есть некоторая связь с отдельными предметами, то это получается посредством этих отвлеченных идей, соединяющих их, так что сущности видов, которые мы различаем и которым даем имена, не являются и не

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org могут быть чем-либо иным, кроме таких именно отвлеченных идей в нашем уме. Поэтому если предполагаемые реальные сущности субстанций отличаются от наших отвлеченных идей, то они не могут быть сущностями видов, на которые мы разделяем вещи. Два вида могут быть одним на таком же основании, как и две разные сущности – сущностью одного вида. И я спрашиваю, какие изменения могут или не могут происходить в лошади или свинце, не делая того или другого принадлежащим к другому виду? Если определять виды вещей при посредстве наших отвлеченных идей, то вопрос этот разрешить нетрудно. Но мне кажется, в затруднении будет тот, кто станет руководствоваться в данном случае предполагаемыми реальными сущностями: он никогда не будет в состоянии решить, когда именно вещь перестает принадлежать к виду лошади или свинца.

14. Каждая отличная от других отвлеченная идея есть отдельная сущность. Если я говорю, что эти сущности, или отвлеченные идеи (представляющие собой меры названий и пределы видов), есть работа разума, этому не удивится тот, кто подумает, что по крайней мере сложные идеи у разных людей часто представляют собой различные совокупности простых идей; поэтому для одного алчность не то, что для другого. Более того, даже отвлеченные идеи субстанций, которые кажутся полученными от самих вещей, не всегда бывают одинаковыми. Не одинакова бывает даже идея самого близкого к нам вида, с которым мы имеем самое близкое знакомство: относительно произведенного на свет женщиной существа бывало не раз сомневались, человек это или нет, даже в такой степени, что спорили, нужно или не нужно кормить и крестить его. Этого не могло бы быть, если бы отвлеченная идея или сущность, к которой относится слово <человек>, была делом природы, а не неопределенной и разнообразной совокупностью простых идей, которые разум соединяет вместе, а затем' путем абстрагирования этой совокуп-

ности дает ей какое-то имя. Так в действительности каждая отдельная отвлеченная идея есть отдельная сущность, а имена, обозначающие такие отдельные идеи, представляют собой имена вещей, существенно различных. Так и круг по своей сущности отличается от овала, как овца от козы, а дождь так же по своей сущности отличается от снега, как вода от земли, ибо отвлеченную идею, которая есть сущность одной вещи, нельзя сообщить другой. И таким образом, всякие две отвлеченные идеи, чем-нибудь отличающиеся друг от друга, со своими особыми именами образуют два отдельных вида, или, если угодно, species, так же различных по своей сущности, как две самые далекие или противоположные вещи на свете.

15. Реальные и номинальные сущности. Но так как некоторые (и не без основания) считают сущности вещей совершенно неизвестными, то не лишним будет рассмотреть различные значения слова <сущность>.

Во-первых, сущностью можно считать бытие какой-либо вещи, благодаря чему она есть то, что она есть. Так, сущностью вещей можно называть их реальное внутреннее строение (обычно неизвестное в субстанциях), от которого зависят их обнаруживаемые качества. Это и есть собственное, первоначальное значение слова, как видно из его образования: *essentia* в своем первичном смысле обозначает собственно <бытие>. В этом смысле оно еще употребляется тогда, когда мы говорим о сущности отдельных вещей, не давая им никакого названия.

Во-вторых, вследствие того, что в университетских научных занятиях и диспутах много толковали о родах и видах, слово <сущность> почти потеряло свое первичное значение и вместо реального строения вещей почти целиком применялось к искусственному строению рода и вида. Правда, обычно предполагают, что существует реальное строение разрядов вещей, и нет сомнения, что должно быть некоторое реальное строение, от которого зависит всякая совокупность совместно существующих простых идей. Но так как вещи явно причисляются под определенным именем к разряду, или виду лишь постольку, поскольку они соответствуют определенной отвлеченной идее, которой мы дали это имя, сущностью каждого рода, или разряда является, оказывается, не что иное, как отвлеченная идея, которая обозначается родовым, или разрядным (если можно сказать так от слова <разряд>, как говорят <родовой>, от слова <род>) названием. И мы

найдем, что в этом значении [слово] <сущность> употребляется всего чаще. Эти два разряда сущностей, на мой взгляд, можно кстати назвать: один – реальной, другой – номинальной сущностью.

16. Постоянная связь между именем и номинальной сущностью. Между номинальной

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
сущностью и именем существует столь тесная связь, что имя какого-нибудь разряда вещей можно приписать лишь такому отдельному предмету, который обладает этой сущностью и потому соответствует отвлеченной идее, знаком которой является данное имя.

17. Предположение, что виды различаются своими реальными сущностями, бесполезно. О реальной сущности телесных субстанций (ограничимся ими), если я не ошибаюсь, существуют два мнения 8. Одни, употребляя слово <сущность> вместо неизвестно чего, предполагают, что есть некоторое число таких сущностей, по которым созданы все естественные вещи и к которым точным образом причастна каждая вещь, отчего вещи и принадлежат к тому или другому виду. Другого, и более разумного, мнения придерживаются те, кто считает, что все естественные вещи имеют реальное, но неизвестное нам строение своих незаметных частей, из которого проистекают чувственные качества, позволяющие нам отличать вещи друг от друга сообразно с имеющейся у нас возможностью причислять их к разрядам под общими наименованиями. Первое из этих мнений, согласно которому сущность есть определенное число форм, или образцов, в которых отлиты и к которым в равной мере причастны все существующие естественные вещи, на мой взгляд, очень много затрудняло познание естественных вещей. Частое появление уродов у всех видов животных, а также идиотов и других странных порождений в [роде] человеческого представляет собой трудности, не согласующиеся с этой гипотезой; ибо существование различных свойств у двух вещей, точно причастных одной и той же реальной сущности, невозможно, как невозможно существование различных свойств у двух фигур, причастных одной и той же реальной сущности окружности. Но если бы даже не было других доводов против этого мнения, предположение о непознаваемых сущностях, которые тем не менее представляют как то, что различает виды вещей, столь совершенно бесполезно и непригодно для любой части нашего познания, что этого одного достаточно, чтобы отвергнуть это предположение и довольствоваться такими

сущностями разрядов или видов вещей, которые находятся в пределах нашего познания. А такими сущностями, как я говорил выше, при серьезном рассмотрении окажутся те отвлеченные сложные идеи, которым дают особые общие названия.

18. В простых идеях и модусах реальная и номинальная сущности тождественны, в субстанциях – различны. Разделив, таким образом, сущности на номинальные и реальные, мы можем далее заметить, что в простых идеях и модусах разных видов те и другие всегда тождественны, в субстанциях же всегда совершенно различны. Так, фигура, в которой пространство ограничено тремя линиями, есть и реальная и номинальная сущность треугольника; это не только отвлеченная идея, с которой связано общее имя, но также истинная *essentia*, или <бытие> самой вещи, основа, из которой вытекают все ее свойства и с которой все они неразрывно связаны. Совсем не то с кусочком материи, составляющим кольцо на моем пальце, у которого эти две сущности очевидно различны. От реального строения его незаметных частиц зависят все те свойства – цвет, вес, плавкость, [химическая] устойчивость, – которые мы в нем находим. Этого строения мы не знаем и, не имея отдельной идеи его, не имеем и названия, которое было бы его знаком. Но именно его цвет, вес, плавкость, [химическая] устойчивость и т. д. делают кольцо золотом или дают ему право так называться, в чем и состоит его номинальная сущность, ибо золотом может быть названо только то, что по своим качествам сообразно с отвлеченной сложной идеей, с которой связано это имя. Но это различие сущностей, относящееся специально к субстанциям, мы будем иметь случай разобрать подробнее, когда дойдем до рассмотрения имен субстанций.

19. Сущности вещей не рождаются и не разрушаются. Что такие отвлеченные идеи со своими именами, о чем была речь, представляют собой сущности, видно, далее, из того, что нам говорят о сущностях, а именно что все они не рождаются и не разрушаются. Это не может быть верно для реального строения вещей, которое возникает и гибнет вместе с ними. Все существующие вещи, кроме их творца, подвержены изменению, в особенности те вещи, которые мы знаем и распределяем на разряды под различными названиями или знаками. Так, например, то, что сегодня было травой, завтра будет мясом овцы, а еще через несколько дней частью человека. Ясно, что

при всех этих и подобных переменах реальная сущность этих различных вещей, т. е. строение, от которого зависят их свойства, разрушается и гибнет вместе с вещами. Но если принимают сущности за идеи, установленные в уме вместе с относящимися к ним названиями, то считают, что они остаются неизменно теми же самыми, каким бы изменениям ни подвергались отдельные субстанции. Что бы ни случилось с

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
Александром и Буцефалом, идеи, связанные с названиями <человек> и <лошадь>, тем не менее считаются неизменными; следовательно, сущности этих видов сохраняются целыми и неразрушенными, каким бы изменением ни подверглись некоторые или все особи этих видов. Поэтому сущность вида остается целой и невредимой, хотя бы не существовало ни одной особи данного сорта. Если бы теперь нигде в мире не было ни одного круга (а, быть может, в точном начертании фигура эта и не существует нигде), связанная с этим названием идея все-таки не перестала бы быть тем, что она есть, и не перестала бы служить образцом для того, чтобы определить, какие встречающиеся нам отдельные фигуры имеют и какие не имеют права называться кругом, и, следовательно, чтобы показать, какие из них принадлежат к этому виду благодаря обладанию его сущностью. Пусть в природе нет и не было такого животного, как единорог, и такой рыбы, как сирена, тем не менее, если мы предположим, что эти слова обозначают сложные отвлеченные идеи, не заключающие в себе никакого противоречия, сущность сирены является столь же понятной, как и сущность человека, а идея единорога столь же определенной, постоянной и неизменной, как идея лошади. Из сказанного очевидно, что, как доказывает учение о неизменности сущностей, последние представляют собой лишь отвлеченные идеи; это учение опирается на [представление об] отношении, установленном между идеями и определенными звуками как их знаками, и будет верным все время, пока одно и то же имя может иметь одно и то же значение.

20. Краткое повторение. В заключение вот что я хотел бы сказать вкратце: весь важный вопрос о родах и видах и об их сущностях сводится лишь к тому, что вследствие образования отвлеченных идей и закрепления их в уме вместе с относящимися к ним именами люди становятся способны рассматривать вещи как бы целыми связками и соответственно говорить о них, стремясь к более легкому и быстрому совершенствованию и сообще-

нию своего познания; последнее подвигалось бы медленно, если бы слова и мысли людей ограничивались лишь отдельными предметами.

Глава четвертая ОБ ИМЕНАХ ПРОСТЫХ ИДЕЙ

1. У каждого имени простых идей, модусов и субстанций есть нечто свое. Хотя, как я показал, все слова обозначают непосредственно только идеи в уме говорящего, однако при ближайшем рассмотрении мы найдем, что у имен простых идей, смешанных модусов (под которыми я разумею и отношения) и естественных субстанций есть нечто свое, отличающее их друг от друга. Например:

2. Во-первых, имена простых идей и субстанций указывают на реальное существование. Во-первых, имена простых идей и субстанций [которые соединены с] отвлеченными идеями в уме, непосредственно обозначая их, указывают также на некоторое реальное существование, от которого получен первоначальный образец этих идей. Но имена смешанных модусов замыкаются в [самих] идеях, находящихся в уме, и не ведут мысли дальше, как мы подробнее уясним в следующей главе.

3. Во-вторых, имена простых идей и модусов всегда обозначают и реальную и номинальную сущности. Во-вторых, имена простых идей и модусов всегда обозначают и реальную и номинальную сущности их видов. Но имена естественных субстанций обозначают редко, а может быть и никогда, что-нибудь еще кроме одной лишь номинальной сущности этих видов, как мы покажем в главе, специально рассуждающей об именах субстанций.

4. В-третьих, имена простых идей не поддаются определению. В-третьих, имена простых идей не могут быть определены; имена же всех сложных идей могут. До сих пор, насколько я знаю, никто не обращал внимания на то, какие слова могут быть определены и какие нет. И отсутствие такого исследования (как я склонен думать) бывает нередко причиной больших споров и неясности в рассуждениях людей. Одни требуют определения таких терминов, которые не могут быть определены; другие считают, что следует довольствоваться объяснением через более общее слово и его ограничение (или, употребляя технические термины, через род и видовое отличие), даже если после такого согласного с правилом определения

слушатели часто получают не более ясное, нежели прежде, понятие о значении слова. Я по крайней мере думаю, что указание того, какие слова могут быть определены и какие нет и в чем состоит хорошее определение, имеет некоторое отношение к нашему предмету и может пролить столько света на природу этих знаков и наших идей, что это заслуживает более подробного рассмотрения.

5. Если бы все слова поддавались определению, то этот процесс шел бы *in infinitum*. Я не буду утруждать себя доказательством того, что не все термины поддаются определению, опирающемуся на последовательность *in infinitum*, к [упованию на] которую, очевидно, приводит нас предположение, что определены могут быть все названия. В самом деле, если термин одного определения нужно было бы всегда определять другим, то где в конце концов мы бы остановились? Но, исходя из природы наших идей и значения наших слов, я покажу, почему одни имена могут быть определены, а другие нет и каковы они.

6. Что такое определение? По-моему, все согласны, что определение есть не что иное, как <указание на значение одного слова при помощи нескольких других не синонимических терминов>. Значения слов – это лишь те идеи, которые обозначает этими словами тот, кто их употребляет; а потому значение какого-либо термина указано и слово определено тогда, когда посредством других слов идею, знаком которой является связанное с нею слово в уме говорящего, как бы представляют или предлагают взору другого, и таким образом устанавливается ее значение. Это единственная польза и цель определения и потому единственное мерило того, является ли определение хорошим или нет.

7. Почему простые идеи не поддаются определению? Выдвинув эту предпосылку, я утверждаю, что <имена простых идей>, и только они, <не могут быть определены>. Причина этого в том, что различные термины определения обозначают различные идеи и потому все вместе никак не могут представлять идею, которая вообще не является составной. Вот почему определение (а оно есть не что иное, как указание на значение одного слова при помощи нескольких других, каждое из которых не обозначает одного и того же) не может иметь места у имен простых идей.

8. Примеры: движение. Несоблюдение этого различия наших идей и их имен привело к той удивительной

путанице понятию у схоластов, которую так легко заметить в данных ими определениях немногих из этих простых идей, ибо самую большую часть Простых идей даже эти искусники в определениях вынуждены были оставить нетронутыми исключительно из-за невозможности найти для них определение. Может ли человеческий ум придумать более вычурный язык, нежели такое определение: <Действие обладающего силой, поскольку он имеет силу (*in power*)?> Оно поставило бы в тупик каждого рассудительного человека, который не знал бы заранее этого знаменитого своей нелепостью определения и должен был бы догадаться, объяснением какого слова можно считать его. Если бы Туллий спросил голландца, что такое *beweeginge*, и получил бы объяснение на своем родном языке, что это *actus entis in potentia quatenus in potentia* 9, я спрашиваю, можно ли воображать, чтобы он после этого понял значение слова *beweeginge* или догадался, какую идею голландец имеет обыкновенно в уме своем и желает обозначить для других этими звуками, когда употребляет их?

9. Немногим больше был успех нынешних философов, которые, стремясь отбросить жаргон схоластов и говорить понятно, определяли простые идеи или путем объяснения их причин или каким-нибудь иным образом. Когда атомисты определяют движение как перемещение из одного места в другое, разве не ставят они только один синоним вместо другого? Ибо что такое перемещение, как не движение? И если бы их спросили, что такое <перемещение>, разве могли бы они определить его лучше, нежели как <движение>? И разве сказать <перемещение есть движение с одного места на другое> не значит выразиться по крайней мере столь же правильно и понятно, как сказать <движение есть перемещение>? Если у нас есть два слова с одним и тем же значением и мы заменяем одно другим, то это перевод, а не определение. Если одно слово понятнее другого, то перевод поможет открыть, какую идею обозначает неизвестное слово; но он очень далек от определения, если только мы не станем утверждать, что всякое английское слово в словаре есть определение соответствующего латинского слова и что слово <motion> есть определение слова <motus>. При надлежащем исследовании не лучше окажется и картезианское определение движения как последовательного приложения частей поверхности одного тела к частям поверхности другого

10. Свет. <Действие прозрачности, поскольку оно прозрачно> 11 – вот еще одно перипатетическое определение некоторой простой идеи. Не будучи нелепее, чем предыдущее определение движения, оно яснее выдает свою бесполезность и бессмысленность, потому что опыт легко убедит каждого, что оно вовсе не делает

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
понятным слепому смысл слова <свет> (которое оно претендует определить) ; между тем определение движения с первого взгляда таким же бесполезным не кажется, потому что ускользает от такого рода проверки. Простая идея движения образуется в результате равно как осязания, так и зрения, и потому невозможно указать случай, чтобы у человека не было другого пути приобрести идею движения, кроме как через определение этого названия. Кто говорит нам, что свет - это большое число небольших шариков, быстро ударяющих в дно глаза, говорит понятнее, чем схоласты. Но как бы хорошо ни были понятны эти слова, для человека, не понимавшего раньше слова <свет>, они сделают идею, обозначаемую этим словом, столь же мало известной, как если бы ему сказали, что свет - просто собрание небольших теннисных мячей, которые феи весь день ракетками пускают в лоб некоторым людям, минуя других. Если и признать это объяснение верным, все-таки идея причины света, как бы она ни была точна, даст нам идею самого света - поскольку он является нашим особым восприятием, - нисколько не больше, чем идея формы и движения остроуго куска стали может дать идею той боли, которую он способен причинить нам. Причина какого-нибудь ощущения и само ощущение для всех простых идей какого-либо одного вида ощущения суть две разные идеи, и они различны и удалены одна от другой так, как только это возможно. Поэтому, сколько бы шарики Декарта ни ударялись о сетчатку глаза человека, который ослеп вследствие катаракты, он никогда не получит от этого идеи света или чего-нибудь близкого к свету, хотя бы он отлично понимал, что такое небольшие шарики и что такое удар о другое тело. Потому картезианцы очень хорошо отличают свет, который является причиной нашего ощущения, от вызываемой им в нас идеи, которая и есть свет в собственном смысле.

11. Дальнейшее объяснение того, почему простые идеи не поддаются определению. Как было показано, простые идеи можно приобрести только через те впечатления, которые сами предметы через особые свойственные каждому роду входы производят на наш ум. Если они не

получены этим путем, то все слова в мире, употребляемые для объяснения или определения какого-нибудь из их названий, не смогут никогда вызвать в нас обозначаемой им идеи. Будучи звуками, слова могут вызвать в нас только простые идеи этих самых звуков и могут вызвать у нас некоторые простые идеи только благодаря тому, что бывает известно существование произвольной связи между этими словами и теми простыми идеями, знаками которых их сделало общее употребление. Пусть тот, кто думает иначе, проверит, могут ли какие-нибудь слова дать ему вкус ананаса или составить ему верную идею вкуса этого знаменитого превосходного плода. Поскольку ему будут говорить, что этот вкус похож на какие-то [иные] вкусовые ощущения, идеи которых, запечатленные нечуждыми его небу чувственными объектами, он уже имеет в своей памяти, постольку он может приблизиться к этому вкусу в уме своем. Это, однако, не снабдит нас данной идеей через определение, а вызовет у нас другие простые идеи посредством их известных названий, и эти идеи всегда будут весьма отличаться от истинного вкуса этого самого плода. Со светом и цветом и всеми другими простыми идеями бывает то же самое, ибо значение звуков не дано от природы, а только присоединено [людьми], и притом произвольно. И никакое определение света или красноты не пригодно и не способно вызвать у нас ту или другую из этих идей в большей степени, чем самые звуки <светлый> и <красный>. Надеяться на то, чтобы вызвать какую-нибудь идею света или цвета посредством какого бы то ни было звука, все равно что ждать, чтобы звуки стали видимыми, а краски - слышимыми, или возлагать на уши обязанность всех других чувств; это все равно что утверждать, будто мы можем ушами ощущать вкус, обонять и видеть, - философия, достойная разве только Санчо Пансы, обладавшего способностью видеть Дульсинею только оттого, что о ней слышал 12. Кто поэтому естественным путем заранее не приобрел в уме своем простой идеи, обозначаемой каким-нибудь словом, тот никогда не узнает значения этого слова с помощью каких бы то ни было других слов или звуков, соединенных по всем правилам определения. Для него единственный путь узнать это значение - испытать своими чувствами действие самого объекта и таким образом вызвать в себе идею, название для которой он уже выучил. Один любознательный слепой, который ломал себе голову, усиленно размышляя о зримых предметах, и пользовался

объяснениями своих книг и друзей, стараясь понять часто встречавшиеся ему названия света и цветов, однажды похвалился, что он теперь понимает, что такое багряный цвет. Тогда друг его спросил: <Что же такое багряный цвет?> Слепой отвечал: <Он похож на звук трубы>. Точно такого же понимания названия всякой другой простой идеи добьется тот, кто надеется получить его только посредством определения или других слов, употребляемых для объяснения этого названия.

12. Обратное бывает со сложными идеями, что показано на примере статуи и радуги. Совершенно иначе бывает со сложными идеями. Так как они состоят из различных простых идей, то слова, обозначающие разные входящие в их состав идеи, в состоянии запечатлеть в уме сложные идеи, которых там раньше никогда не было, и таким образом сделать понятными их имена. Для таких совокупностей идей, объемлемых одним и тем же именем, определение, или разъяснение значения одного слова несколькими другими, имеет место и может растолковать нам имена вещей, никогда не входивших в область действия наших чувств, и составить идеи, соответствующие идеям, имеющимся в уме других людей при употреблении ими тех же самых имен, если только ни один термин определения не обозначает такой простой идеи, какой еще никогда не было в мысли у получающего разъяснение. Так, слово <статуя> можно объяснить слепому другими словами, а слово <картина> нет, ибо чувства слепого дали ему идею формы, но не дали ему идеи красок, поэтому слова не могут возбудить ее в нем. Это доставило живописцу победу над ваятелем: тот и другой доказывали превосходство своего искусства; ваятель хвалился, что его искусство выше, потому что простирается дальше, и даже потерявшие зрение могут воспринять его превосходство. Живописец согласился положиться на суждение одного слепого. Того привели туда, где находилась статуя, выполненная одним, и картина, написанная другим, и сначала подвели к статуе. Слепой ощупал руками все очертания лица и тела и с великим восхищением одобрил мастерство художника. Когда его подвели к картине, он положил руки и на нее. По мере того как его рука двигалась по картине на холсте, ему говорили, что теперь он трогает голову, потом лоб, глаза, нос и т. д. Не находя ни малейшего различия, он воскликнул, что вне всякого сомнения и непременно это должно быть изумительное и божественное произведение искусства, 13

так как оно являет присутствующим все эти части человеческого существа там, где сам он ничего не ощущает и не воспринимает.

13. Если бы кто сказал слово <радуга> человеку, знающему все ее цвета, но еще никогда не видавшему этого явления, то, перечисляя форму, величину, положение и порядок цветов, он определил бы это слово настолько хорошо, что оно могло бы стать вполне понятным. Но как бы ни было это определение точно и совершенно, слепому оно никогда не разъяснило бы смысла слова; так как он не получил путем ощущения и опыта некоторых простых идей, составляющих сложную идею, то никаким словам не возбудить их в его уме.

14. Когда слова могут сделать понятными названия сложных идей? Как было показано, простые идеи можно приобрести только путем опыта от тех предметов, которым свойственно вызывать в нас данные восприятия. Если мы этим путем обогатили ими свой ум и знаем для них имена, то мы в состоянии определить и с помощью определения понять имена составленных из них сложных идей. Но если какой-нибудь термин обозначает простую идею, которой человек никогда не имел в уме своем, то никакие слова не могут разъяснить ему ее значения. Если же термин обозначает знакомую человеку идею, но человек не знает, что этот термин есть ее знак, то другое, привычное для него имя той же самой идеи может уяснить ему ее значение. Но ни в каком случае имя простой идеи не поддается определению.

15. В-четвертых, имена простых идей всего менее сомнительны. В-четвертых, то обстоятельство, что имена простых идей для установления их значения не получают помощи от определения, не мешает им быть в общем менее сомнительными и неопределенными, чем имена смешанных модусов и субстанций. Так как они обозначают только одно простое восприятие, то люди по большей части легко приходят к полному согласию относительно их значения, и для ошибок и споров об их смысле остается мало места. Кто уже знает, что <белизна> – название того цвета, который он наблюдал в снеге или молоке, тот не сможет некстати употреблять это слово, пока он удерживает в памяти эту идею; если же он совсем утратит ее, то он не может ошибиться относительно ее смысла, а только видит, что не понимает ее. Не имеет места ни многочисленность соединяемых вместе простых идей, откуда истекает сомнительность имен

смешанных модусов, ни [наличие] предполагаемой, но неизвестной реальной сущности с зависящими от нее свойствами, точное число которых также неизвестно, что создает затруднения в именах субстанций. Напротив, в простых идеях все значение имени узнается сразу, а не состоит из частей, большая или меньшая доля которых могла бы изменять идею и делать, таким образом, неясным или неопределенным значение ее имени.

16. В-пятых, простые идеи имеют мало ступеней *in linea praedicaementali*. В-пятых, о простых идеях и об их именах можно заметить еще то, что они имеют лишь немного ступеней *in linea praedicaementali* (как говорят схоласты) от низшего вида до *summum genu*- 14. Это получается оттого, что низший вид состоит только из одной простой идеи и поэтому из него нельзя ничего исключить, так чтобы по удалении различия он мог соответствовать какой-нибудь другой вещи в общей для обеих идее, которая, имея одно название, есть род для обеих. Так, например, из идей белого и красного ничего нельзя исключить для того, чтобы они сходились в одном общем явлении и имели одно общее имя, между тем как устранение разумности из сложной идеи человека делает ее согласной с идеей животного в более общей идее и имени <живое существо>. Поэтому, когда во избежание нудных перечислений люди хотят охватить под одним общим названием и белое, и красное, и другие подобные простые идеи, они вынуждены делать это при помощи слова, указывающего только тот путь, которым эти идеи получают в уме. Ибо когда белое, красное и желтое охвачены одним родом, или названием <цвет>, то это только обозначает, что такие идеи вызываются в уме посредством одного лишь зрения и имеют доступ только через глаза. А когда они хотят образовать еще более общий термин, обнимающий и цвета, и звуки, и другие подобные простые идеи, они делают это при помощи слова, обозначающего все такие идеи, которые получают в уме только посредством какого-либо одного чувства. Так, общий термин <качество> в своем обычном значении охватывает цвета, звуки, вкусы, запахи и осязательные качества в отличие от протяженности, числа, движения, удовольствия и страдания, которые воздействуют на ум и порождают свои идеи более чем одним чувством.

17. В-шестых, имена простых идей обозначают идеи вообще не произвольно. В-шестых, между именами простых идей, субстанций и смешанных модусов есть еще та

==485

разница, что названия смешанных модусов обозначают идеи совершенно произвольно; имена субстанций не совершенно произвольны, но соответствуют прообразам, хотя и не совсем строго определены; имена же простых идей всецело взяты от существования вещей и вообще не произвольны. К какому различию в значении названий идей это приводит, увидим в следующих главах.

Имена простых модусов немногим отличаются от имен простых идей.

Глава пятая ОБ ИМЕНАХ СМЕШАННЫХ МОДУСОВ И ОТНОШЕНИЙ

1. Подобно другим общим именам, они обозначают отвлеченные идеи. Будучи общими, имена смешанных модусов, как было показано, обозначают роды и виды вещей, которые имеют каждый свою собственную сущность. Сущности этих видов тоже, как было показано, лишь отвлеченные идеи в уме, которым дано имя. В этом отношении имена и сущности смешанных модусов имеют только то, что является у них общим с другими идеями. Но если мы рассмотрим их немного ближе, мы найдем в них некоторые особенности, быть может заслуживающие нашего внимания.

2. Во-первых, обозначаемые ими идеи составляются разумом. Первая наблюдаемая в них особенность – это то, что отвлеченные идеи, или, если вам угодно, сущности различных видов смешанных модусов, составляются разумом и этим отличаются от сущностей простых идей, которых ум образовать не может и которые он получает лишь в том виде, в каком их представляет ему реальное существование воздействующих на него вещей.

3. Во-вторых, их составляют произвольно и без образцов. Затем сущности видов смешанных модусов не только образуются умом, но образуются весьма произвольно, без образцов или соотнесения с какой-нибудь реально существующей вещью. Этим они отличаются от сущностей субстанций, предполагающих некоторое реальное существование, от которого они взяты и с которым сообразны. Но в своих сложных идеях смешанных модусов ум свободен не следовать в точности существованию вещей. Некоторые совокупности он объединяет и удерживает в качестве отличных друг от друга особых идей; другие, которые часто встречаются в природе и на которые ему

==486

указывают внешние предметы, он оставляет без внимания и без особых названий или

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org обозначений. Идей смешанных модусов ум не исследует по реальному существованию вещей, как он исследует сложные идеи субстанций, и не проверяет их по образцам, содержащим такие особые сочетания в природе. Чтобы узнать, правильна ли его идея прелюбодеяния или кровосмешения, разве человек будет искать ее где-нибудь между существующими вещами? Или разве она правильна потому, что кто-нибудь был свидетелем такого действия? Нет, здесь достаточно, чтобы люди соединили соответствующую совокупность простых идей в одну сложную идею, которая и является прообразом и особой идеей независимо от того, были ли совершены *in regum natura* 15 такие действия или нет.

4. Как это происходит? Чтобы понять это как следует, мы должны рассмотреть, в чем состоит образование этих сложных идей. Оно состоит не в образовании какой-нибудь новой идеи, а в соединении идей, имевшихся в уме прежде. При этом ум делает три вещи: 1) выбирает известное число идей; 2) связывает их и образует из них одну идею; 3) объединяет их вместе каким-нибудь названием. Если мы исследуем, как и с какой свободой ум совершает эти действия, мы легко заметим, что сущности видов смешанных модусов есть продукт деятельности ума и, следовательно, сами виды образованы людьми.

5. Они явно произвольны, поскольку идеи часто предшествуют существованию. В том, что идеи смешанных модусов образуются через соединение идей в уме, зависимое от нашей воли, но независимое от какого бы то ни было первоначального образца в природе, не может сомневаться поразмысливший над тем, что такого 'рода сложные идеи можно образовывать, абстрагировать, называть, и тем самым устанавливать отдельный вид еще до того, как существовала какая-нибудь особь этого вида. Кто может сомневаться, что идеи святотатства или прелюбодеяния могут быть образованы в уме людей, наименованы и таким образом сделаны видами смешанных модусов до того, как то или другое преступление когда-нибудь было совершено; что пока они существовали только в разуме, о них можно было бы толковать и рассуждать и открывать в отношении их определенные истины так же хорошо, как и теперь, когда они слишком часто реально имеют место? Отсюда ясно, в какой степени виды смешанных модусов являются творениями разума, в котором они существуют, служа всем целям реальной

==487

истины и познания, как если бы они существовали в действительности. Мы не можем сомневаться в том, что законодатели часто составляли законы относительно таких видов действий, которые были лишь творением их собственного разума и существовали только в их уме. Никто, я думаю, не станет отрицать, что воскресение [из мертвых] было в уме видом смешанных модусов раньше, чем существовало в действительности.

6. Примеры: убийство, кровосмешение, закалывание. Чтобы видеть, как произвольно ум образует сущности смешанных модусов, достаточно рассмотреть хотя бы некоторые из них. Небольшое исследование их убедит нас, что именно ум соединяет отдельные разбросанные идеи в одну сложную идею и посредством данного им общего названия делает их сущностью определенного вида, не руководствуясь никакой связью между ними в природе. Разве в природе идея человека настолько больше связана с убийством, чем идея овцы, что в первом случае создали особый вид действия, обозначаемый словом <убийство>, а в другом случае этого не сделали? Разве в природе союз идеи отношения отца с убийством настолько теснее, чем идеи сына или соседа, что первые две идеи соединены в одну сложную идею и тем самым образуют сущность особого вида - <отцеубийство>, тогда как другие идеи никак не образуют особого вида. Но хотя убийство отца и матери составляет особый вид, отличный от убийства сына или дочери, однако в некоторых других случаях слова [сын] и [дочь] берутся наравне со [словами] <отец> и <мать>, и все одинаково входят в один и тот же вид, например в вид <кровосмешение>. Так ум в смешанных модусах произвольно соединяет в сложные идеи такие идеи, какие он считает нужным соединить, между тем как другие идеи, имеющие в природе совершенно такую же связь, оставляет разрозненными и никогда не соединяет в одну идею, так как нет надобности в одном для них названии. Таким образом, очевидно, что ум по своему свободному выбору соединяет определенное число идей, связанных друг с другом в природе не более других идей, которые он исключает. Иначе как объяснить то, что на ту часть оружия, которою наносится рана, обращают внимание, чтобы образовать особый вид, названный закапыванием 16, а форму и материал оружия при этом исключают. Я не говорю, что это происходит без причины, и мы это постепенно увидим; но я говорю, что это происходит по свободному выбору ума, преследующего

свои

==488

собственные цели, и что поэтому виды смешанных модусов представляют собой продукт деятельности разума. И совершенно очевидно, что при образовании таких идей ум по большей части не ищет себе образцов в природе и не относит своих идей к реальному существованию вещей, но соединяет такие идеи, которые всего лучше могут" служить его собственным целям, не связывая себя точным подражанием какой-нибудь реально существующей вещи.

7. Но эти идеи всегда служат цели языка. Но хотя эти сложные идеи, или сущности смешанных модусов, зависят от ума и образуются, им с большой свободой, все же они образуются не наугад и не перемешиваются вовсе без оснований, и, хотя эти сложные идеи не всегда копированы с природы, они, однако, всегда соответствуют цели, для которой образуют отвлеченные идеи. И хоть они представляют собой сочетания идей, которые сами по себе разрозненны и так же мало связаны, как разные другие идеи, никогда не связываемые и не объединяемые умом в одну идею, однако их всегда образуют для удобства общения – главной цели языка. Язык исполняют для того, чтобы короткими звуками легко и быстро передавать общие понятия; эти понятия могут объять собою не только значительное количество отдельных вещей, но также большое разнообразие независимых [простых] идей, собранных в одну сложную идею. Поэтому, образуя виды смешанных модусов, люди обращали внимание только на такие сочетания, о которых им необходимо было друг другу говорить. Их они соединяли в различающиеся сложные идеи, которым давали имена. Между тем другие сочетания, в природе столь же тесно связанные, оставались ими в уме разрозненными и без внимания. Чтобы не ходить далеко, скажем о самих человеческих действиях: если бы люди образовали отличные друг от друга отвлеченные идеи для всего многообразия, которое можно наблюдать в них, то число идей должно было бы быть бесконечным и память оказалась бы запутанной от их обилия, как и – к небольшой выгоде для человека – чрезмерно обремененной. Людям достаточно образовывать и называть столько сложных идей этих смешанных модусов, сколько они считают необходимым иметь имен для них при обычном течении своих дел. Если они соединяют идею убийства с идеей отца или матери и, следовательно, образуют вид, отличный от убийства сына или соседа, то делают это вследствие особой гнусности преступления и особого характера наказания, следуемого за убийство отца или

==489

матери, отличного от наказания, которое должно быть наложено за убийство сына или соседа; потому они и признают необходимым говорить об этом преступлении при помощи отдельного названия, что и является целью образования данного особого сочетания. Но хотя в отношении идеи убийства идея матери и идея дочери рассматриваются столь различно, что первую соединяют с идеей убийства и образуют особую отвлеченную идею с особым именем и тем самым особый вид, а вторую – нет, однако в отношении к плотской связи обе идеи включаются в кровосмешение, и все это во избежание многоречивости и неприятных описаний и для удобства выражения под одним именем и рассмотрении под одним видом таких нечистых смешений, которые отличаются от других особой гнусностью.

8. Доказательством этого являются непере译имые слова различных языков. Даже скромное знание разных языков легко убедит каждого в истинности этого положения: так, легко заметить в одном языке большое количество слов, которым нет никаких соответствующих слов в другом. Это ясно показывает, что население одной страны по своим обычаям и своему образу жизни сочло необходимым образовывать и наименовать такие разные сложные идеи, которых население другой никогда не создавало. Этого не могло бы случиться, будь такие виды продуктом постоянной работы природы, а не совокупностями, которые ум образует и абстрагирует в целях наименования и для удобства общения. Терминам нашего права, которые не являются пустыми звуками, едва ли найдутся соответствующие слова в испанском или итальянском языках, языках не бедных; еще меньше, думается мне, можно перевести их на язык карибский или язык весту; а слово *versura* римлян или слово *corban* у евреев 17 не имеют в других языках соответствующих себе слов; причина этого ясна из сказанного выше. Более того, если мы вникнем в дело немного глубже и точно сравним различные языки, то найдем, что хотя в переводах и словарях в этих языках предполагаются соответствующие друг другу слова, однако среди названий сложных идей, и в особенности смешанных модусов, едва ли найдется одно слово из

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
десяти, которое обозначало бы совершенно ту же идею, что и другое слово, которым оно передается в словарях. Нет идей более обычных и менее сложных, чем меры времени, протяжения и веса, и латинские слова <hora>, <pes>, <libra> без труда передаются нашими словами <час>,

==490

<фут>, <фунт>, однако совершенно очевидно, что идеи, которые связывал с теми латинскими словами римлянин, весьма отличались от идей, которые выражает этими английскими словами англичанин. И если бы один из них пользовался мерами, которые говорящие на другом языке обозначили своими названиями, он совершенно ошибся бы в своем счете. Это слишком очевидное доказательство, чтобы можно было сомневаться, и в гораздо большей степени мы найдем это в названиях более отвлеченных и сложных идей. Такова большая часть названий, составляющих рассуждения о нравственности; если из любопытства станут сравнивать такие слова с теми, которыми они переведены на другие языки, то найдут, что очень немногие из последних слов точно соответствуют им во всем объеме их значения.

9. Это показывает, что виды образуются для сообщения друг другу. Я обращаю на это такое особое внимание, чтобы мы не ошибались относительно родов и видов и их сущностей, [полагая], будто они суть нечто регулярно и постоянно образуемое природой и реально существующее в вещах, между тем после более внимательного исследования они оказываются лишь искусственными созданиями разума, служащими более легкому обозначению таких совокупностей идей, которые часто необходимо сообщать другим с помощью одного общего термина, подходящего для охвата различных отдельных предметов, поскольку они соответствуют данной отвлеченной идее. И если двусмысленность слова <вид> может сделать неприятным для слуха некоторых мое утверждение, что <виды смешанных модусов образуются разумом>, -то, я думаю, никто не может отрицать, что именно ум образует эти сложные отвлеченные идеи, которым даются видовые названия. И если верно то (а это действительно верно), что ум создает образцы для деления вещей на разряды и для наименования их, то я оставляю для особого рассмотрения вопрос о том, кто устанавливает границы видов, или species (для меня слова <species> и <вид> различаются только тем, что одно есть латинское выражение, а другое - выражение на нашем языке).

10. В смешанных модусах именно название связывает вместе сочетание простых идей и делает его видом. Тесная связь между видами, сущностями и их общими названиями, по крайней мере в смешанных модусах, обнаруживается далее, когда мы замечаем, что именно название, по-видимому, сохраняет эти сущности и дает им их

==491

длительное существование. Так как связь между независимыми частями этих сложных идей устанавливается умом, то их единство, не имеющее своего особого основания в природе, вновь прекратилось бы, если бы не было чего-то как бы скрепляющего его и предохраняющего части от разъединения. Поэтому, хотя именно ум составляет совокупность идей, название является, так сказать, узлом, связывающим их вместе. Какое огромное множество разных идей соединяет слово <триумф> 18 и представляет нам как один вид. Если бы это слово никогда не было образовано или было совершенно потеряно, мы, несомненно, могли бы иметь описание того, что происходило на этом торжестве [у римлян]; но то, что соединяет различные части в единство одной сложной идеи, есть, на мой взгляд, само название, связанное с нею. Без него различные части триумфального шествия считались бы составляющими одно целое несколько не более, чем какое-нибудь другое зрелище, которое никогда не было объединено в одну сложную идею под одним наименованием, потому что было устроено лишь один раз. В какой, следовательно, степени необходимое для сущности единство в смешанных модусах зависит от ума и в какой степени сохранение и закрепление этого единства зависит от общепринятого названия, связанного с ним, я оставляю на рассмотрение тем, кто считает сущности и виды реально установленными в природе вещами.

11. Соответственно этому мы находим, что люди, говоря о смешанных модусах, редко представляют себе и принимают за их виды другие модусы, кроме тех, которые выделяются названием. Так как человек образует их только в целях наименования, то никакие виды их не обращают на себя внимания и не считаются существующими, если к ним не присоединяется имя в качестве знака того, что несколько разрозненных идей соединено в одну. Это имя дает прочное единство частям, которые иначе перестали бы иметь какое бы то ни было единство, как только ум

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
отложил бы данную отвлеченную идею и перестал бы действительно думать о ней. Но раз сложной идее дано имя, благодаря которому ее части приобретают прочное и постоянное единство, то ее сущность, так сказать, установлена и вид считается завершенным. В самом деле, зачем памяти обременять себя такими сочетаниями, если не для того, чтобы путем абстрагирования делать их общими? И зачем делать их общими, если не для того, чтобы они имели общие названия для удобства

==492

разговора и сообщения? Так, мы видим, что убийство шпагой и убийство топором не рассматриваются как разные виды действия. Но если острие шпаги сперва вонзится в тело, это считается особым видом [убийства] там, где [для этого] имеется особое название, например в Англии, где это называется *stabbing*, но в других странах, где этому действию не случилось получить особое название, оно не считается особым видом. Не то с видами телесных субстанций; хотя именно ум образует их номинальную сущность, но так как связанные в нем идеи предполагаются имеющими единство в природе независимо от того, соединяет ли их ум или нет, то их считают особыми видами без содействия ума, которое он оказывает путем абстрагирования или наименования данной сложной идеи.

12. Первообразы смешанных модусов мы ищем только в уме; это также показывает, что они продукт разума. Сообразно со сказанным выше о сущностях видов смешанных модусов, что они являются скорее творениями разума, нежели произведениями природы, сообразно, говорю, этому мы находим, что их названия направляют наши мысли к уму, а не дальше. Когда мы говорим о справедливости или благодарности, мы не воображаем себе никакой существующей вещи, которую мы бы постигли; наши мысли кончаются отвлеченными идеями этих добродетелей и не идут дальше, как это бывает при разговоре о лошади или железе, видовые идеи которых мы рассматриваем не только в уме, но и в самих вещах, дающих нам первоначальные образцы этих идей. Но для смешанных модусов, по крайней мере для самой значительной части их, касающейся нравственности, мы рассматриваем первоначальные образцы в уме и на них ссылаемся для различения отдельных предметов по названиям. Вот почему, думается мне, сущности видов смешанных модусов более специально называются понятиями как имеющие прямое право на то, чтобы их связывали с разумом.

13. То, что разум создает их без образцов, указывает на причину такого их составления. Отсюда мы также можем узнать, почему сложные идеи смешанных модусов вообще больше, чем идеи естественных субстанций, отличаются своей сложностью. Идеи смешанных модусов суть продукт разума, преследующего только свои собственные цели: ради удобства краткого выражения идей, которые он желает сообщить другим, он часто соединяет очень свободно в одну отвлеченную идею вещи, по своей природе ничем не связанные, и таким образом под одним терми-

==493

ном связывает вместе великое множество разных сложных и составных идей. Таково, например, слово <процессия>. Какая смесь независимых идей лиц, одежды, факелов, приказаний, движения, звуков содержится в этой сложной идее, которую человеческий ум составил произвольно для выражения ее одним этим названием! Между тем сложные идеи видов субстанций обыкновенно состоят из небольшого числа простых идей, а в видах животных обыкновенно две идеи - идеи формы и голоса - составляют всю номинальную сущность.

14. Имена смешанных модусов всегда обозначают их реальную сущность. Кроме того, из сказанного мы можем заметить, что имена смешанных модусов всегда обозначают (когда они имеют определенное значение) реальные сущности своих видов. Так как эти отвлеченные идеи суть продукт ума и не имеют отношения к реальному существованию вещей, то нельзя предполагать, чтобы такое название обозначало что-нибудь, кроме созданной самим умом сложной идеи. Только ее хотел ум выразить этим именем, от нее зависят все свойства вида, и из нее одной они выводятся. Таким образом, в смешанных модусах реальная и номинальная сущности тождественны. Какое значение это имеет для достоверного познания общей истины, мы увидим потом 19.

15. Почему имена смешанных модусов обыкновенно приобретаются раньше их идей? Это также может разъяснить нам, почему имена смешанных модусов по большей части приобретаются раньше, чем становятся вполне известными обозначаемые ими идеи. Из всех видов смешанных модусов внимание обращают обыкновенно только на те, что

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosofff.org
имеют имя, причем эти виды, или скорее их сущности, суть сложные отвлеченные идеи, произвольно образованные умом, а потому удобно, если не необходимо, знать имена этих сложных идей, прежде чем пытаться образовать их, если только не хотят забивать себе голову целым рядом сложных отвлеченных идей, которые из-за отсутствия у других людей имен для них можно только отложить и опять позабыть. Я считаю, что при возникновении языков необходимо было иметь идею, прежде чем дать ей имя; так бывает и теперь всякий раз, когда, составляя новую сложную идею и давая ей новое имя, образуют новое слово. Но это не касается языков сложившихся, обыкновенно в достаточной мере снабженных идеями, которые людям необходимо часто получать и сообщать. И я спрашиваю, разве не обычным в таких языках

==494

является то, что дети узнают названия смешанных модусов прежде, чем получают их идеи? Составляет ли хоть один человек из тысячи отвлеченную идею славы и честолюбия раньше, чем он услышит их имена? С простыми идеями и субстанциями, я признаю, бывает иначе: так как такие идеи имеют реальное бытие и связь в природе, они приобретаются то раньше имен, то наоборот, как случится.

16. Почему я так подробно рассматриваю этот вопрос. Сказанное здесь о смешанных модусах с весьма небольшой разницей применимо и к отношениям. И так как каждый может сам это заметить, я могу избавить себя от труда распространяться об этом, тем более что сказанное мною в этой третьей книге о словах некоторые, возможно, найдут гораздо более многословным, чем требовал столь незначительный вопрос. Я допускаю, что можно было бы написать более сжато, но мне хотелось остановить внимание своего читателя на аргументе, который кажется мне новым и немного необычным (одно несомненно, что я не думал о нем, когда начал писать), чтобы при тщательном исследовании и всестороннем рассмотрении вопроса та или другая сторона его встретилась с мыслями каждого и подала повод самым нерасположенным к размышлению и самым легкомысленным людям подумать об общей ошибке, на которую обращают мало внимания, хотя она и имеет большое значение. Когда поразмыслят, какая сумятица возникла из-за сущностей и как сильно всякого рода познание, рассуждение и общение страдают и приходят в расстройство от небрежного и беспорядочного употребления и приложения слов, то, возможно, признают стоящим делом подробное раскрытие этого и меня простят за то, что я надолго остановился на аргументе, который считаю необходимым втолковать, потому что ошибки, обычно совершаемые здесь людьми, не только являются величайшей помехой для истинного познания, но и пользуются [в то же время] таким признанием, что их считают за познание. Если бы люди смотрели дальше модных слов и замечали, какие идеи подразумеваются или не подразумеваются под теми словами, которыми они так вооружены во всех пунктах и которыми так уверенно сражаются, они часто видели бы, что в заносчивых мнениях, которыми они гордятся, содержится лишь небольшая, а может быть и вовсе никакая доля разума и истины. Я буду считать себя оказавшим некоторую услугу истине, миру и просвещению, если подробным рассмотрением этого вопроса я буду в состоянии заставить людей подумать об употреб-

==495

лении ими языка и дам им повод подозревать, что коль скоро это часто бывает с другими, то и они могут иногда в своих речах и писаниях употреблять прекрасные и всеми одобряемые слова, но с очень неопределенным, небольшим значением или вовсе без значения и что поэтому у них есть основание быть в этом осмотрительными и не относиться недоброжелательно к исследованию этих слов другими. С таким намерением я продолжу свое изложение этого вопроса.

Глава шестая ОБ ИМЕНАХ СУБСТАНЦИЙ

1. Обычные имена субстанций обозначают виды. Подобно другим общим терминам, обычные имена субстанций обозначают виды, т. е. они сделаны знаками таких сложных идей, которым соответствуют или могут соответствовать разные единичные сущности, вследствие чего их можно охватить одним общим представлением и обозначить одним именем 20. Я говорю <соответствуют или могут соответствовать>. В самом деле, хотя в мире только одно солнце, но если так абстрагировать идею солнца, чтобы ей могло соответствовать несколько субстанций (если бы их было несколько), получится вид, [согласно которому] солнц будто бы столько, сколько звезд. У тех, кто думают, что солнц много и что для человека, находящегося на надлежащем расстоянии, каждая неподвижная звезда соответствует идее, обозначаемой словом <солнце>, есть свои основания. Это, между прочим, может

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
показать нам, насколько виды, или, если вам угодно, genera и species, вещей (эти латинские слова имеют для меня то же самое значение, что и слово <вид>) зависят от составленных людьми совокупностей идей, а не от действительной природы вещей, ибо нет ничего невозможного в том, что, собственно говоря, для одного солнце то, что звезда для другого.

2. Сущность каждого вида есть отвлеченная идея. Мера и граница каждого вида, или species, которыми устанавливается данный отдельный вид и которые отличают его от других, есть то, что мы называем его сущностью; она представляет собой не что иное, как отвлеченную идею, с которой связано имя, так что все заключающееся в данной идее существенно для данного вида. Хотя это и есть вся известная нам сущность природных субстанций, по которой мы различаем их по видам, однако я даю ей особенное название <номинальная сущность>,

==496

чтобы отличить ее от того реального строения субстанций, от которого зависят и номинальная сущность, и все свойства данного вида и которое можно поэтому, как было сказано 21, назвать реальной сущностью. Так, например, номинальная сущность золота – это та сложная идея, которую обозначает слово <золото>, пусть это будет для примера желтое тело определенного веса, определенной ковкости, плавкости и твердости. Реальная же сущность – это строение незаметных частиц этого тела, от которого зависят эти и все другие свойства золота. Насколько различны эти две вещи, хотя они обе называются сущностью, легко обнаружить с первого взгляда.

3. Номинальная и реальная сущности отличаются друг от друга. Если произвольное движение вместе с чувством и разумом присоединить к телу определенного облика, то получается сложная идея, которой я вместе с другими даю название <человек> и которая является, таким образом, номинальной сущностью вида, который мы так называем. Но никто не скажет, что эта сложная идея есть реальная сущность и источник всех действий, которые можно встретить у каждого индивида данного вида. Основой всех качеств, входящих в состав нашей сложной идеи, является нечто совсем иное. Если бы мы обладали таким знанием того строения человека, из которого истекают его способности движения, ощущения, мышления и другие его возможности и от которого зависит его столь привычный облик, – если бы мы обладали таким знанием этого строения, каким обладают, быть может, ангелы и, без сомнения, обладает творец, то, какова бы ни была тогда наша идея сущности человека, она была бы совершенно отлична от теперешнего содержания определения этого вида. Между полученной нами в этом случае идеей отдельного человека и теперешней разница была бы так же велика, как велика она между идеей знаменитых страсбургских башенных часов 22 у человека, знающего все их пружины, колеса и другие части механизма, и идеей этих часов у глазающего на них крестьянина, который видит лишь движение стрелки, слышит бой часов и замечает только нечто внешнее.

4. Нет сущностного в единичных вещах. То, что <сущность> в обычном значении слова относится к видам, а у единичных предметов она принимается во внимание, лишь поскольку их причисляют к тому или другому виду, явствует вот из чего: стоит только устранить те отвлеченные идеи, по которым мы под обычными назва-

==497

ниями распределяем особи по видам, и мысль о чем бы то ни было существенном для какой-нибудь из этих особей сейчас же исчезает: об одном мы не имеем понятия без другого, и это ясно указывает на связь между ними. Для меня необходимо быть тем, что я есть: бог и природа создали меня таким; но во всем, что у меня есть, нет ничего существенного для меня. Какое-нибудь происшествие или болезнь могут сильно изменить цвет моей кожи и мой облик; лихорадка или падение могут отнять у меня рассудок или память или то и другое; апоплексический удар может лишить меня чувств или разума или даже жизни. Другие существа моего вида могут быть созданы по сравнению со мной с большими или лучшими или с меньшими и худшими способностями, иные же могут обладать разумом и чувствами, имея внешний вид и тело, совершенно отличные от моего. Ничто из перечисленного не существенно ни для того, ни для другого индивида, ни для какой-нибудь особи вообще, пока ум не отнесет это к некоторому виду, или species, вещей; и тогда сейчас же что-нибудь становится существенным, согласно с отвлеченной идеей данного вида. Пусть кто-нибудь обратит внимание на свои собственные мысли; он найдет, что, когда он думает или говорит о существенном, на ум ему сразу же приходит некоторый вид или

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
сложная идея, обозначаемая каким-нибудь общим именем, и что именно в отношении к ней о том или о другом качестве говорится как о существенном. Так что, если спросят, существенно ли для меня или для другого отдельного телесного существа обладание разумом, я отвечу: нет, столь же мало, сколь для этого белого предмета, на котором я пишу, иметь на себе слова. Но если это отдельное существо причислить к виду <человек> и дать ему имя <человек>, то тогда разум будет входить в его сущность, так как предполагают, что разум есть часть сложной идеи, обозначаемой словом <человек>, точно так же как для предмета, на котором я пишу, существенно содержать слова, если я дам ему имя <трактат> и причислю его к этому виду. Таким образом, <существенное> (сущностное) и <несущественное> (несущностное) относятся лишь к нашим отвлеченным идеям и к связанным с ними именами и сводятся лишь к тому, что, раз какая бы то ни было единичная вещь не обладает теми же качествами, которые заключаются в отвлеченной идее, обозначаемой каким-нибудь общим термином, она не может быть причислена к этому виду и называться его именем, потому

==498

что эта отвлеченная идея и есть сама сущность этого вида.

5. Таким образом, если идея тела, по мнению некоторых, есть одна лишь протяженность, или пространство, то плотность несущественна для тела. Если же другие составляют идею, которой они дают имя <тело>, из плотности и протяженности, то тогда плотность существенна для тела. Значит, только то считается существенным, что составляет часть сложной идеи, которая обозначается именем вида, так что без этой части никакая отдельная вещь не может быть причислена к данному виду и называться его именем. Если бы нашли частицу материи, имеющую все другие качества железа, кроме свойства притягиваться к магниту и получать от него устремление, то разве можно было бы считать, что ей недостает чего-нибудь существенного? Разве не нелепо было бы спрашивать, недостает ли реально существующей вещи чего-нибудь существенного? Или разве можно было бы доискиваться, составляет ли эта особенность сущностное и видовое отличие или нет? Ведь у нас нет другого мерила для сущностного, или видового, кроме наших отвлеченных идей. А говорить о видовых отличиях в природе без отношения к общим идеям и названиям – значит говорить невразумительно. Я хотел бы всякому поставить вопрос: что же является достаточным для образования в природе существенного различия между двумя отдельными предметами, не касаясь отношения [этого различия] к некоторой отвлеченной идее, которая считается сущностью и мерилем вида? Если совсем отбросить все такие образцы и мериле, то в отдельных предметах, рассматриваемых лишь сами по себе, все качества окажутся одинаково существенными, и в каждом отдельном предмете все будет существенно для него или, скорее, вообще ничего не будет существенно. Возможно, что вопрос, существенно ли для железа свойство притягиваться к магниту, вполне разумен. Но я думаю, очень неподходящим и пустяковым будет вопрос о том, существенно ли это для отдельного кусочка материи, которым я чиню свое перо и не рассматриваю его [при этом] под названием <железо>, или как относящееся к этому] определенному виду? И если, как было сказано, наши отвлеченные идеи со своими названиями являются границами вида, то существенным может быть только то, что содержится в этих идеях.

6. Я, правда, часто говорил о реальной сущности субстанций, отличной от их отвлеченных идей, которые

==499

я называю их номинальной сущностью. Под реальной же сущностью я подразумеваю реальное строение вещи, представляющее собой основание всех тех свойств, которые соединены в номинальной сущности и обнаруживаются постоянно существующими вместе с нею, то особое строение, которое каждая вещь имеет внутри себя, без всякого отношения к чему-нибудь внешнему. Но даже и в этом смысле сущность относится к виду и предполагает вид: будучи реальным строением, от которого зависят свойства, она необходимо предполагает вид вещей, потому что свойства принадлежат только видам, а не отдельным предметам. Если, например, считать номинальной сущностью золота то, что оно есть тело с таким-то особым цветом и весом, с ковкостью и плавкостью, то его реальная сущность – строение частиц материи, от которого зависят эти качества и их соединения; оно же является основанием растворимости золота в царской водке и других свойств, сопутствующих данной сложной идее. Здесь есть сущности и свойства, но лишь при предположении вида или

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
общей отвлеченной идеи, которую считают неизменной; однако нет отдельной частицы материи, с которой какие-нибудь из этих качеств были бы так связаны, чтобы были существенны для нее и неотделимы от нее. Существенное относится к ней как условие, в силу которого она принадлежит к тому или другому виду; но если перестают рассматривать ее под именем некоторой отвлеченной идеи, то не остается ничего необходимого для нее, ничего неотделимого от нее. Действительно, что касается реальных сущностей субстанций, то мы только предполагаем их бытие, не зная в точности, что они такое; но то, что связывает их с видом, – это номинальная сущность, предполагаемым основанием и причиной которой они являются.

7. Номинальная сущность определяет виды. Следующим предметом исследования является вопрос: какая из этих сущностей разделяет субстанции на виды, или species? Ясно, что номинальная сущность, ибо только ее одна обозначает имя, признак вида. Поэтому ничто не может определять виды вещей, распределяемых нами по общим именам, кроме той идеи, знаком которой является данное имя; а это, как было показано, и есть то, что мы называем номинальной сущностью. Почему мы говорим: <Это лошадь, а это мул; это животное, а это трава>? Разве не потому всякая отдельная вещь причисляется к тому или другому виду, что обладает данной номинальной

==500

сущностью, или, что то же самое, соответствует отвлеченной идее, с которой связано данное имя? Мне хотелось бы, чтобы каждый, кто хочет узнать, какого рода сущности обозначаются именами субстанции, исследовал бы собственные мысли тогда, когда он слышит или произносит то или другое имя [некоторой] субстанции.

8. Что виды вещей для нас представляют собой лишь распределение их под отдельными именами в согласии с нашими сложными идеями, а не в согласии с точными, отличными друг от друга реальными сущностями самих вещей, очевидно из того, что многие отдельные предметы, которые причислены к одному виду, имеют одно общее имя и, таким образом, принимаются за принадлежащие к одному виду, обладают качествами, зависящими от их реального строения и отличными друг от друга настолько же, насколько и от других качеств, которые считаются отличными от них по виду. Это легко заметить всем имеющим дело с природными телами. Особенно часто печальный опыт убеждает в этом химиков: они иногда безуспешно ищут в некотором количестве серы, сурьмы 23 или купороса те же свойства, которые нашли в другом их количестве. Хотя это тела одного и того же вида, с одной и той же номинальной сущностью, с одним и тем же именем, однако при точном исследовании они часто обнаруживают столь различные между собой качества, что обманывают ожидания и сводят на нет труды самых осторожных химиков. Между тем, если бы вещи разделялись на виды согласно своей реальной сущности, найти разные свойства в двух отдельных субстанциях одного и того же вида было бы так же невозможно, как найти разные свойства у двух окружностей или двух равнобедренных треугольников. Сущностью для нас является, собственно, то, благодаря чему каждую особь относят к тому или другому классу, или, что то же самое, к тому или другому общему имени. А этим может быть только отвлеченная идея, которой дается данное имя. Таким образом, сущность имеет отношение в действительности не столько к бытию отдельных вещей, сколько к их общим наименованиям.

9. Виды определяются не реальными сущностями, которых мы не знаем. Распределять вещи на разряды и виды и, следовательно, давать им названия (а в этом цель распределения на разряды) по их реальным сущностям мы тоже не можем, потому что не знаем их. Наши способности доводят нас в познании и различении субстанций

==501

только до совокупности тех чувственных идей, которые мы в них замечаем. А с какой бы тщательностью и точностью ни способны мы были составлять эту совокупность, она дальше от истинного внутреннего строения, определяющего качества вещей, чем идея крестьянина, о котором я упоминал, от внутреннего механизма знаменитых страсбургских башенных часов, в которых он видит только внешние очертания и движения. Нет такого ничтожного растения или животного, которое не могло бы привести в смущение самый широкий ум. Хотя привычное пользование окружающими нас вещами и приводит к тому, что мы перестаем удивляться, это не избавляет нас от нашего невежества. Когда мы начинаем исследовать камни, по которым ступаем, или железо, которое ежедневно держим в

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
руках, мы сейчас же убеждаемся, что не знаем их строения и не можем объяснить различные качества, которые мы в них находим. Ясно, что внутреннее строение, от которого зависят их свойства, нам неизвестно. Чтобы не ходить дальше самых простых и бросающихся в глаза примеров, какие мы можем найти среди вещей, спросим себя, какое сцепление частиц, какая реальная сущность делает свинец и сурьму плавкими, а дерево и камни неплавкими? Что делает свинец и железо ковкими, а сурьму и камни нековкими? А как еще бесконечно далеки эти предметы от тонкого устройства и непостижимой реальной сущности растений и животных, известно каждому. Искусство премудрого и всемогущего бога в великой мастерской мира и во всех частях его превышает способности и понимание самого пытливого и проницательного человека в гораздо большей степени, чем лучшее изобретение самого даровитого человека превышает понятия самого невежественного из разумных существ. Поэтому совершенно тщетны наши намерения разделять вещи и по названиям распределять их на определенные классы по их реальным сущностям, которые совершенно не выявлены или не поняты нами. Распределить вещи на разряды по внутреннему строению, которое неизвестно, так же легко, как слепому распределить их по их цвету и утратившему обоняние отличить розу от лилии по их запаху. Кто считает себя в состоянии отличить овец от коз по их реальным сущностям, неизвестным ему, тот пусть, если ему угодно, испытает свое умение на видах, называемых <казуары> и <кверичинии> 24, и по их внутренней реальной сущности определит пределы этих видов, не зная сложной идеи чувст-

==502

венных качеств, которую обозначают оба этих слова в тех странах, где встречаются указанные животные.

10. И не субстанциальными формами, которые мы знаем еще меньше. Поэтому тех, кого учили, что у различных видов субстанций есть свои особые, внутренние субстанциальные формы и что именно эти формы распределяют субстанции на их истинные роды и виды, еще больше ввели в заблуждение бесплодными вопросами о совершенно непонятных субстанциальных формах, о которых мы едва ли имеем хотя бы смутное и путаное общее представление.

11. Что номинальная сущность есть то, благодаря чему мы различаем виды, ясно, далее, из идей духов. Что наше распределение и различение естественных субстанций по видам происходит по их номинальным сущностям, которые образует ум, а не по реальным сущностям, которые нужно искать в самих вещах, видно, далее, из наших идей духов. Ум получает те простые идеи, которые он приписывает духам, только путем размышления о своей собственной деятельности. Поэтому он имеет или может иметь понятие о духе только благодаря тому, что он приписывает некоторому разряду существ всю ту деятельность, которую находит в себе самом, не принимая во внимание материи. Даже самое возвышенное наше понятие о боге возникает лишь через приписывание ему тех самых простых идей, которые мы приобрели путем размышления о том, что мы находим в самих себе, и которые, как мы считаем, дают больше совершенства, чем могло бы быть без них. При том, говоря я, эти простые идеи, когда мы получаем идею бога, приписываются ему в неограниченной степени. Таким образом, если мы приобрели путем размышления о самих себе идеи существования, знания, силы и удовольствия и считаем, что лучше иметь их, чем не иметь, и что, чем больше [от содержания] каждой из них мы имеем, тем лучше, то, соединяя вместе все эти идеи и приписывая каждой бесконечность, мы получаем сложную идею существа вечного, всеведущего, всемогущего, бесконечно мудрого и блаженного. И хотя нам говорят, что есть различные виды ангелов, однако мы не знаем, как образовать отличные друг от друга видовые идеи их, не потому что мысль о существовании более одного вида духов, невозможна, а потому что к таким существам приложимо лишь небольшое число простых идей (мы не в состоянии образовать их больше), которые мы заимствуем от себя самих, от деятельности нашего собствен-

==503

ного ума при мышлении, переживании восторга и приведении в движение разных частей нашего тела. Поэтому в своих представлениях мы можем отличить друг от друга различные виды духов, только приписывая им в больший или меньшей степени ту деятельность и те силы, которые мы находим в себе самих; таким образом, у нас нет очень четких видовых идей духов, за исключением идеи боги, которому мы приписываем как продолжительность, так и все те другие идеи в бесконечной степени, а другим духом - ограниченно. Но и между богом и другими духами,

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
насколько я скромно представляю себе, мы в своих идеях проводим различия не с помощью какого-то числа простых идей, какие имели о нем, но не имели о других духах, а только с помощью идеи бесконечности. Так как все отдельные идеи существования, знания, воли, силы, движения и т. п. заимствованы от деятельности нашего ума, то мы приписываем все их всем видам духов с единственным различием в степени, до самой высшей, доступной нашему воображению, даже до бесконечности, когда мы хотим, насколько можно, составить идею первого существа. А оно по действительному превосходству своей природы, несомненно, бесконечно дальше от высшего и совершеннейшего из всех сотворенных существ, чем величавший человек, даже чистейший серафим от самой презренной части материи, и, следовательно, должно бесконечно превысить то, что наш ограниченный разум может представить себе о нем.

12. Вероятно, существуют бесчисленные виды духов. Нет ничего невозможного и противного разуму в представлении, что может быть много видов духов, настолько же отделенных и отличающихся друг от друга разными свойствами, идей которых у нас нет, насколько виды чувственных вещей отличаются друг от друга качествами, которые мы знаем и наблюдаем в них. Что видов разумных существ выше нас должно быть больше, чем чувственных и материальных предметов ниже нас, кажется мне вероятным потому, что во всем видимом телесном мире мы не замечаем разрывов или пустых промежутков. Нисхождение от человека идет малыми ступенями и представляет собой непрерывный ряд вещей, на каждой ступени весьма мало отличающихся друг от друга. Есть рыбы с крыльями, чувствующие себя нечужими в воздухе; есть птицы, живущие в воде, у которых кровь так же холодна, как у рыбы, а мясо по вкусу столь похоже на рыбье, что даже щепетильные люди разре-

==504

шают их себе в постные дни. Есть животные, столь близкие по своей природе и к птицам и к зверям, что занимают среднее положение между теми и другими. Амфибии образуют связь между земными и водными существами; тюлени живут на земле и в воде; у морских свинок теплая кровь и внутренности свиные; мы не упоминаем о том, что с такой уверенностью рассказывают о сиренах, или о морских людях. У некоторых животных, кажется, столько же знания и разума, сколько у некоторых из тех, кого называют людьми. Животное и растительное царства так тесно связаны между собой, что если взять низший вид первого и высший вид второго, то едва ли можно будет усмотреть между ними сколько-нибудь значительную разницу. И так далее, до низших и самых неорганических частиц материи, мы найдем повсюду, что различные виды связаны вместе и отличаются друг от друга в почти незаметной степени. А если мы обратим внимание на бесконечную силу и мудрость творца, у нас будет основание думать, что величественной гармонии вселенной, великой цели и бесконечной благодати ее строителя соответствует то, чтобы виды сотворенного восходили от нас к его бесконечному совершенству точно так же плавными переходами, как они постепенно нисходят от нас. Если же это вероятно, то мы имеем основание быть убежденными в том, что видов существ выше нас имеется гораздо больше, чем ниже нас; ибо по степени совершенства мы гораздо дальше от бесконечного бытия божьего, чем от низшей ступени существования вещей, которая всего больше приближается к небытию. И тем не менее по указанным выше причинам у нас нет ясных и отличных друг от друга идей всех этих различных видов.

13. Доказательство того, что номинальная сущность есть сущность вида, на примере воды и льда. Однако возвратимся к видам материальных субстанций. Если бы я спросил кого-нибудь, составляют ли лед и вода два различных вида вещей, то я не сомневаюсь, что получил бы положительный ответ; и нельзя отрицать, что считающий их двумя различными видами прав. Но если бы выросший на Ямайке англичанин, который, быть может, никогда не видел льда и не слышал о нем, приехал в Англию зимой и утром нашел, что значительная часть воды в тазу замерзла за ночь, то, не зная особенного названия, он назвал бы ее <затвердевшая вода>; и я спрашиваю, будет ли это для него новый вид, отличный от воды? Я думаю, здесь нужно ответить: нет, это не

==505

составит для него нового вида, все равно как замороженное холодное желе не представляет собой другой вид, отличающийся от того же самого желе в жидком и теплом состоянии, или как жидкое золото в тигле не есть другой вид, отличающийся от твердого золота в руках работника. А если это так, то ясно, что наши различные виды есть не что иное, как различные сложные идеи с различными данными

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org им именами. Правда, каждая существующая субстанция имеет свое особое строение, от которого зависят замечаемые в ней чувственные качества и силы; но мы причисляем вещи к видам, – что представляет собой лишь распределение их на разряды под разными именами, и осуществляем это согласно нашим о них идеям. Этого достаточно для различения вещей по именам, так что мы можем говорить о них, не имея их перед собой; но если мы предположим, что это делается на основании реального внутреннего строения вещей и что существующие вещи по своей природе разделяются на виды благодаря своим реальным сущностям сообразно с тем же, как мы разделяем их на виды по именам, то это поведет нас к большим ошибкам.

14. Возражения против наличия определенного числа реальных сущностей. Для того чтобы, согласно обычному предположению о существовании определенных точных сущностей, или форм, вещей, которыми все существующие особи от природы распределяются на виды, различать по видам отдельные субстанции, необходимо следующее.

15. Во-первых, необходимо быть уверенным в том, что природа при создании вещей всегда имеет в виду сделать их причастными определенным упорядоченным, установленным сущностям, которые должны быть образцами для всех создаваемых вещей. Это положение в том неуточненном смысле, в каком оно обыкновенно выставляется, нуждается в несколько лучшем объяснении, прежде чем можно будет полностью согласиться с ним.

16. Во-вторых, необходимо знать, всегда ли природа достигает той сущности, которую она имела в виду при создании вещей. Рождение уродцев, которое наблюдается иногда] у различных пород животных, всегда даст нам основание сомневаться в том, имела ли природа намерение [породить их], или в том, способна ли она это намерение осуществлять, или же подвергнуть сомнению и то и другое вместе.

17. В-третьих, нужно определить, действительно ли эти так называемые уроды составляют особый вид, согласно

==506

схоластическим понятиям слова <вид>. Ведь несомненно, что каждая существующая вещь имеет свое особое строение; и тем не менее мы находим, что некоторые подобные уродливые порождения или имеют мало, или совсем не имеют качеств, приистекающих, как полагают, от сущности и сопутствующих сущности того вида, от которого эти уроды производны и к которому, вероятно, принадлежат по своему происхождению.

18. В-четвертых, реальные сущности тех вещей, которые мы распределяем на виды и называем согласно такому различию, должны быть известны, т. е. мы должны обладать их идеями. Но так как то, о чем говорится в этих четырех пунктах, нам неизвестно, то предполагаемые реальные сущности вещей не могут быть помимо их учета основанием для различения субстанций по видам.

19. Наши номинальные сущности субстанций суть неполные совокупности свойств. В-пятых, единственное средство, которое можно представить себе в данном случае, состоит в том, чтобы составить полные сложные идеи свойств вещей, вытекающих из различных реальных сущностей последних, и по ним распределять сущности на виды. Но и этого сделать нельзя. Не зная самой реальной сущности, нельзя знать все те свойства, которые из нее вытекают и так с ней связаны, что с устранением какого-нибудь из них мы можем с уверенностью заключать, что сущности здесь нет и что вещь не принадлежит к данному виду. Мы никогда не можем знать точного числа тех свойств золота, зависящих от его реальной сущности, с устранением хоть одного из которых исчезает реальная сущность золота и, следовательно, оно само, если мы не знаем этой реальной сущности и не определяем по ней данного вида. Под словом <золото> здесь нужно понимать некоторое количество материи, например последнюю, только что вычеканенную гинею. Ибо если бы оно в своем обычном значении обозначало здесь сложную идею, которую я или кто-нибудь еще называем <золотом>, т. е. номинальную сущность золота, то возникла бы путаница в языке, ведь так трудно указать различное значение и несовершенство слов, коль скоро мы можем сделать это только при помощи слов.

20. Из всего этого ясно, что наше разделение субстанций на виды по названиям

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
основано вовсе не на их реальной сущности и что мы не можем претендовать на
точное распределение и определение вещей по видам согласно внутренним
существенным различиям.

==507

21. Номинальная сущность субстанции есть совокупность ее свойств, которая обозначается нашим именем. Но так как, несмотря на свое незнание реальной сущности вещей, мы нуждаемся, как было отмечено, в общих словах, все, что мы можем сделать, – это собрать такое число простых идей, какое мы путем исследования находим соединенными в существующих вещах, и составить из них одну сложную идею. Не будучи реальной сущностью никакой существующей субстанции, эта совокупность, однако, есть видовая сущность, к которой относится наше имя, и может поменяться местами с последним; этим путем мы по крайней мере можем проверять истинность этих номинальных сущностей. Например, некоторые люди утверждают, что сущность тела – протяженность. Если так, то мы никогда не сможем ошибиться, заменяя саму вещь ее сущностью. В таком случае заменим в разговоре тело протяженностью. И когда нам нужно сказать, что тело движется, скажем, что протяженность движется, и посмотрим, что получится. Если бы кто-нибудь сказал, что одна протяженность толчком приводит в движение другую протяженность, то одним этим выражением он в достаточной мере раскрыл бы нелепость подобной (замены) понятий. Сущностью всякой вещи является в отношении нас вся сложная идея, охватываемая и обозначаемая данным названием; а в случае субстанций помимо составляющих сложную идею данной субстанции нескольких отличных друг от друга простых идей в нее входит еще смутная идея субстанции, или идея неизвестной основы и причины их соединения. Согласно с этим сущность тела есть не просто протяженность, а протяженная плотная вещь. Сказать: <Протяженная плотная вещь приводит в движение, или толкает другую> – все равно что сказать: <Тело приводит в движение, или толкает>, и это будет столь же понятно. Точно так же сказать: <Живое разумное существо, владеющее даром речи> – все равно что сказать: <Человек>. Но никто не скажет, что разумность владеет даром речи, потому что она составляет не всю сущность, которой мы даем название <человек>.

22. Наши отвлеченные идеи для нас – мерила видов. Пример: человек. В мире есть существа, подобные нам по внешнему виду, но покрытые волосами и лишенные дара речи и разума. Среди людей есть идиоты, совершенно сходные с нами по внешнему виду, но лишенные разума, а некоторые из них – и языка. Есть, говорят, такие существа (*sit fides penes authorem 2S*, но нет ничего

==508

противоречивого в том, что такие могут быть), которые при сходстве с нами в языке, разуме и остальном внешнем виде имеют волосатые хвосты; есть другие существа, где у мужчин нет бороды, и третьи, где бороды есть у женщин. Если спрашивают, все ли эти существа люди или нет, все ли принадлежат к человеческому виду, то ясно, что вопрос относится только к номинальной сущности, ибо те из них, которым соответствует определение слова <человек> или обозначаемая этим словом сложная идея, суть люди, а другие нет. Но если вопрос касается предполагаемой реальной сущности, а также того, есть ли в видовом отношении различие во внутреннем строении и телосложении этих разных существ, мы совершенно не можем ответить, потому что это совсем не входит в нашу видовую идею; у нас есть только основание думать, что внутреннее строение не вполне одинаково там, где есть такая большая разница в способностях или наружности. Но бесполезно исследовать, какая разница во внутреннем реальном строении образует видовое отличие, поскольку наши мерила видов суть лишь известные нам отвлеченные идеи, а не внутреннее строение, которое не является частью этих идей. Разве одна лишь разница в волосистости кожи есть признак различия во внутреннем видовом строении между идиотом и бесхвостой обезьяной, когда они сходятся во внешнем виде и в отсутствии разума и дара речи? И разве отсутствие разума и дара речи не является для нас признаком различия в реальном видовом строении между идиотом и разумным человеком? То же самое и в других случаях, если мы будем утверждать, что различие видов, или разрядов определенным образом основано на реальной форме и скрытом строении вещей.

23. Виды не различаются по происхождению. И пусть не говорят, что предполагаемые реальные виды сохраняет цельными и отличными друг от друга сила размножения – у животных через совокупление самца и самки, а у растений при посредстве семян. Это положение, даже если признать его верным, поможет нам различать виды вещей

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
только в семействах животных и растений. Что же нам делать с остальными? Но и для животных и растений этого недостаточно. Если история не лжет, у женщин бывало зачатие от обезьян; возникает новый вопрос: каким реальным видом по этому мерилу будет в природе подобное потомство? А у нас есть основание не считать это невозможным, потому что на свете весьма часто встречаются мулы от помеси осла и кобылы и

==509

ублюдки от помеси быка и кобылы. Я сам раз видел существо – помесь кошки и крысы, с очевидными признаками обеих, причем природа, по-видимому, не следовала ни тому, ни другому образцу в отдельности, а перемешала оба вместе 26. Если прибавить сюда так часто встречающееся в природе рождение уродов, то окажется трудным, даже у животных, определить по родословной, к какому виду относится каждое поколение животных. И в затруднении будет тот, кто считает несомненным, что реальная сущность передается из поколения в поколение и что она одна имеет право на видовое имя. Кроме того, если виды животных и растений должны различаться только по своему размножению, то для того, чтобы узнать, есть ли это тигр, а это чай, неужели я должен отправляться в Индию смотреть на родителя и родительницу тигра и на растение, с которого собрали семя, произведшее этот чай?

24. И не по субстанциальным формам. После всего сказанного очевидно, что люди делают сущностями разных видов субстанций имеющиеся у них [людей,] совокупности чувственных качеств и что большая часть людей при распределении вещей на виды не принимает во внимание их реального внутреннего строения. Еще менее думает о каких-то субстанциальных формах кто-нибудь, кроме тех, кто именно в нашей части света научился языку схоластики. И неученые люди, которые не претендуют на проникновение в реальные сущности, не беспокоятся о субстанциальных формах, а довольствуются различием вещей одной от другой по их чувственным качествам, оказываются часто лучше знакомыми с их отличительными признаками, в состоянии точнее различать их для своей пользы и знают лучше, чего могут ожидать от каждой из них, чем те ученые и проницательные люди, которые так глубоко проникают в вещи и так уверенно толкуют о более скрытом и существенном.

25. Видовые сущности создает ум. Если даже предположить, что реальные сущности субстанций могли бы быть выявлены теми, кто очень усердно занимался бы их исследованием, все же у нас нет оснований думать, что при делении вещей на виды под общими именами руководствуются внутренним реальным строением или чем-нибудь, кроме очевидных проявлений [этого строения у разных вещей] : ведь языки во всех странах образовались гораздо раньше наук. Так что общие названия, которые в ходу у различных народностей, созданы не

==510

философами, не логиками и не теми, кто беспокоился о формах и сущностях. Во всех языках более или менее широкие термины по большей части получили свое начало и значение от людей неученых и необразованных, распределявших и называвших вещи по тем чувственным качествам, которые они в них находили, для того чтобы, в случае если этих вещей нет налицо, обозначать их для других, когда необходимо было говорить о виде или об отдельной вещи.

26. Поэтому видовые сущности очень разнообразны и неопределенны. Так как очевидно, что мы распределяем на виды и называем субстанции по их номинальным, а не реальным сущностям, то необходимо рассмотреть следующий вопрос: как и кем создаются эти сущности? Что касается последнего вопроса, то очевидно, что их создает ум, а не природа: если бы они были произведением природы, они не могли бы быть так разнообразны у различных людей, как нам это показывает опыт. При исследовании мы найдем, что номинальная сущность какого-нибудь одного вида субстанций не одинакова у всех людей, даже для тех видов, с которыми мы знакомы всего ближе. Если бы отвлеченная идея, которой дается название <человек>, была создана природой, то она не могла бы быть различна у разных людей и не могла бы быть для одного *animal rationale*, а для другого - *animal implete, bipes, latis unguibus* 27. Кто связывает название <человек> со сложной идеей, состоящей из чувства и самопроизвольного движения, сообщенного телу известной формы, тот имеет одну сущность вида <человек>; кто при дальнейшем исследовании прибавит разумность, тот имеет другую сущность вида, который он называет человеком', таким образом, один и тот же индивид будет настоящим человеком для одного и не

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org будет таковым для другого. Я думаю, едва ли кто-нибудь признает, что существенное отличие вида <человек> есть столь хорошо известное вертикальное положение; и тем не менее совершенно очевидно, что люди часто определяют разряды животных более по [внешнему] облику, чем по происхождению. О некоторых человеческих новорожденных существах не раз спорили, нужно ли их сохранять и крестить или нет, только потому, что их внешние очертания отличались от обычного сложения детей, и не было известно, одарены ли они разумом в такой же степени, как дети, созданные по другому образцу, из которых иные, несмотря на нормальный облик, всю свою жизнь не обнаруживают хот

==511

бы столько разума, сколько можно найти у обезьяны и слона, и никогда не обнаруживают признаков того, -что ими управляет разумная душа. Отсюда ясно, что сущностью человеческого вида делали [определенный] внешний облик, так как только его отсутствие принималось во внимание, а не способность разума, про которую никто заранее] не мог знать, проявится ли она в должный срок или нет. Ученый теолог и правовед должен в таких случаях отказаться от своего богословского определения *animal rationale* и заменить его какой-нибудь другой сущностью человеческого вида 2S. Господин Менаж (с. 278- 280) приводит нам по этому поводу заслуживающий внимания случай 29. <Когда,- говорит он,- родился этот аббат монастыря Сен-Мартен, он по своему внешнему виду был так мало похож на человека, что его скорее считали уродом. Некоторое время колебались, крестить его или нет. Тем не менее, его окрестили и объявили человеком, условно, [пока время не покажет, что из него выйдет]. Природа скроила его так неловко, что его всю жизнь называли аббатом Malotru, т. е. <образина>. Был он из Кана>. Мы видим, что этого ребенка чуть ли не исключили из человеческого рода только за его облик. Он едва спасся со своей наружностью. И нет сомнения, что если бы его облик был еще немного более странным, то его отвергли бы и умертвили, как существо, которое нельзя признавать за человека. И однако, нельзя указать причину, почему бы разумная душа не могла находиться в нем, если бы черты его лица были немного иные, почему бы несколько более длинное лицо, более приплюснутый нос, более широкий рот не могли ужиться, так же как и остальные части его нескладного облика, с такой душой, с такими способностями, которые сделали его, хотя и обезображенного, способным стать прелатом церкви.

27. В чем же, хотелось бы мне знать, состоят точные и неподвижные границы этого вида? При исследовании становится очевидным, что они не созданы и не установлены среди людей природой. Ясно, что мы не знаем реальной сущности ни этого, ни какого-либо другого рода субстанций; и потому в наших номинальных сущностях, которые мы сами образуем, она так неопределенна, что если бы разных людей спросили о нескольких новорожденных со странным обликом, люди это или нет, то, несомненно, получили бы различные ответы. Этого не могло бы случиться, если бы номинальные сущности, по которым мы разграничиваем и различаем виды суб-

==512

станций, не были в некоторой степени свободно образованы человеком, а были точно скопированы с установленных природой границ, по которым природа распределяет все субстанции на определенные виды. Кто бы взял на себя определение того, к какому виду принадлежало чудовище, упоминаемое Лицетом (*lib. I, c. 3*) , с головой человека и телом свиньи или другие, с человеческим телом и головой животных - собак, лошадей и т. д.? Если бы некоторые из этих существ жили и могли говорить, это увеличило бы трудность. Если бы верхняя часть до половины была человеческого облика, а нижняя - как у свиньи, то было ли бы убийством уничтожение такого существа? Нужно ли было бы советоваться с епископом, допускать ли такое существо до купели или нет, как, мне рассказывали, случилось во Франции несколько лет тому назад при подобных до некоторой степени похожих обстоятельствах. Столь неопределенны для нас границы видов животных, и у нас нет другой меры для них, кроме составленных нами сложных идей; и столь далеки мы от достоверного знания того, что такое человек, хотя, быть может, всякое сомнение в этом сочтут большим невежеством. И тем не менее я, кажется, могу сказать, что верные границы этого вида настолько неопределенны, а точное число простых идей, составляющих его номинальную сущность, так далеко от того, чтобы быть установленным и вполне известным, что на этот счет могут все еще возникать весьма существенные сомнения. И я думаю, ни одно из уже существующих у нас определений слова <человек> или описаний этого рода живых существ не отличается таким совершенством и такой точностью, чтобы удовлетворить рассудительного, пытливого

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org человека, а тем более получить всеобщее признание, и чтобы люди повсюду держались его при разборе сомнительных случаев и при решении вопроса о жизни и смерти, крещении или некрещении созданий, которые могут появиться.

28. Но, создавая сущность вида, мы поступаем не столь произвольно (arbitrary), как в случае смешанных –мвеусов. Хотя номинальные сущности субстанций образует ум, однако он их образует не так произвольно, как сущности смешанных модусов. Для образования номинальной сущности необходимо: 1) чтобы составляющие ее идеи были –так соединены, чтобы образовали одну идею, как бы сложна она ни была; 2) чтобы соединенные таким образом отдельные идеи были точно одни и те же, не больше и не меньше. Ибо если две отвлеченные слож–

==513

ные идеи различаются или числом, или родом своих составных частей, они образуют две разные сущности, а не одну и ту же. Что касается первого условия, то при образовании своих сложных идей субстанций ум только следует природе и не связывает вместе идей, которые не считаются объединенными в природе. Никто не соединяет голоса овцы с внешним видом лошади, а цвета свинца с весом и твердостью золота для образования сложных идей каких-либо реальных субстанций, если не хочет наполнить свою голову химерами, а свою речь – непонятными словами. Наблюдая некоторые качества постоянно связанными и существующими вместе, люди подражали в этом природе и образовали свои сложные идеи субстанций из соединенных таким образом идей. Люди, правда, могут образовать какие угодно сложные идеи и дать им какие угодно названия, но если они хотят быть поняты, когда говорят о реально существующих вещах, они должны в некоторой степени соотносить свои идеи с вещами, о которых они говорят, иначе человеческая речь походила бы на речь строителей вавилонской башни. Слова каждого человека, понятные только ему самому, перестали бы служить общению и обычным житейским нуждам, если бы обозначаемые ими идеи до некоторой степени не отвечали обычным проявлениям и отношениям между субстанциями, как они существуют в действительности.

29. Однако номинальные сущности субстанций очень несовершенны. Во-вторых, хотя человеческий ум, при образовании своих сложных идей субстанций, никогда не связывает идей, которые не существуют вместе в действительности или не предполагаются таковыми, и потому точно заимствует это соединение у природы, однако число идей, которые он сочетает, зависит от заботливости, трудолюбия и силы воображения составителя. Люди обыкновенно довольствуются немногими очевидными чувственными качествами и часто, если не всегда, упускают другие, не менее –важные и столь же прочно связанные, как и взятые ими. Есть два рода чувственных субстанций. Один род – органические тела, размножающиеся семенем; у них основным качеством, наиболее характерной стороной, определяющей вид, является внешний облик. Поэтому для растений и животных мы обыкновенно довольствуемся идеей протяженной и плотной субстанции определенной формы. И как бы высоко некоторые, как им кажется, ни ценили свое определение animal rationale,

==514

я все же уверен, что едва ли они признают за человека существо, которое обладало бы речью и разумом и было бы в высшей степени animal rationale, но не имело бы обычного внешнего вида человека. И хотя бы Валамова ослица всю свою жизнь говорила с хозяином так же разумно, как она сделала это один раз 31, сомневаюсь, чтобы кто-нибудь считал ее достойной названия <человек> и согласился ли бы признавать ее одного вида с собой. Как у растений и животных внешний облик, так у большей части других тел, не размножающихся семенем, цвет есть то, на чем мы останавливаемся, чем мы более всего руководствуемся. Так, где мы находим цвет золота, мы склонны представлять себе и все другие качества, охватываемые нашей сложной идеей [золота]. Мы обыкновенно принимаем эти два бросающихся в глаза качества, а именно внешний вид и цвет, за идеи столь подходящие для выделения] различных видов, что тут же говорим про хорошую картину: <Это лев, а это роза; это золотой, а это серебряный кубок> – только на основании различия формы и цвета, представляемых глазу рисунком.

30. Тем не менее они служат общению людей. Но хотя этого вполне достаточно для грубых и путаных понятий и неточной речи и мышления, однако люди довольно далеки от согласия относительно точного числа простых идей или качеств, принадлежащих

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
роду вещей, обозначаемых именем этого рода. И это не удивительно, потому что нужно много времени, труда, умения, строгого исследования и долгого наблюдения для того, чтобы выявить, каких и сколько имеется простых идей, которые постоянно и неразрывно соединены в природе и которые всегда должны находиться вместе в одном и том же предмете. У большинства людей не хватает ни времени, ни склонности, ни усердия, чтобы сделать это сколько-нибудь удовлетворительно; поэтому они довольствуются немногими очевидными и внешними проявлениями вещей, чтобы по ним легко различать и разделять вещи на виды для обычных жизненных потребностей, и таким образом без дальнейшего исследования дают им названия или заимствуют уже употребляемые. В обычном общении эти названия достаточно хорошо сходят за знаки немногих очевидных качеств, существующих вместе; но эти названия далеко не охватывают в определенном значении точно установленного числа простых идей, тем более всех идей, соединенных в природе. Кто после такого шума о виде и роде и стольких разговоров о видовых отличиях иссле-

==515

дует, как мало слов у нас имеют строго установленное определение, тот может не без основания представить себе, что наделавшие столько шуму <формы> суть лишь простые химеры, нисколько не объясняющие нам видовой природы вещей. А кто исследует, как далеки названия субстанций от того, чтобы иметь общепризнанное значение, тот будет иметь основание заключить, что все или большинство номинальных сущностей субстанций, хотя и считаются копиями с природы, очень несовершенны, потому что состав этих сложных идей у разных людей очень различен; поэтому границы видов таковы, как устанавливают их люди, а не природа, если только в природе есть какие-либо предустановленные границы. Правда, многие единичные субстанции так созданы природой, что соответствуют друг другу и сходны друг с другом и таким образом дают основание для своего деления на разряды. Но так как производимое нами деление вещей на разряды или образование определенных видов делается для того, чтобы дать им наименование и охватить общими терминами, то я не вижу, как можно, собственно говоря, утверждать, что природа устанавливает границы для видов вещей; или же, если это так, наши границы для видов не вполне сообразуются с природными. Нуждаясь в общих названиях для немедленного употребления, мы не ждем полного раскрытия всех тех качеств, которые могли бы нам показать всего лучше самые существенные различия и сходства вещей; мы сами делим их на виды по некоторым бросающимся в глаза проявлениям, чтобы нам можно было легче под общими именами передавать свои мысли о них. Не имея другого знания о какой-либо субстанции, кроме объединенных в ней простых идей, и замечая соответствие некоторых единичных вещей с другими вещами в отношении некоторых из этих простых идей, мы делаем эту совокупность видовой идеей и даем ей общее имя. Благодаря этому, вспоминая свои мысли или разговаривая с другими, мы можем, не перечисляя составляющих сложную идею простых идей, обозначить одним коротким словом все соответствующие ей отдельные предметы и таким образом не терять времени и слов на скучные описания, к которым, как мы видим, вынуждены прибегать те, кто хочет говорить о каком-нибудь новом виде вещей, для которого у них нет еще имени.

31. Сущности видов, имеющих одно и то же имя, бывают очень различны. Но как бы ни были достаточны эти виды субстанций для обыкновенного разговора, ясно,

==516

что сложную идею, которой, как замечают, соответствуют некоторые отдельные предметы, разные люди образуют очень различно, одни – более, другие – менее тщательно. У одних в этой сложной идее больше, у других – меньше качеств: она, очевидно, такова, какой ее образует ум. Для детей золото – это блестящий желтый цвет; другие добавляют вес, ковкость и плавкость; третьи – еще другие качества, которые они находят в таком же постоянном соединении с желтым цветом, как и вес и плавкость, ибо что касается всех этих и подобных качеств, то одно имеет такое же право, как и другое, войти в сложную идею данной субстанции, где все они соединены. Поэтому различные люди в зависимости от своего исследования, умения или наблюдения данного предмета, устраняя или вводя некоторые простые идеи, чего другие не делают, получают различные сущности золота; значит, последние должны быть образованы только людьми, а не природой.

32. Чем более общими являются наши идеи субстанций, тем более они носят неполный и частичный характер. Если даже число простых идей, составляющих номинальную сущность низших видов, или начальных [рубрик] распределения особей на разряды,

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
зависит от человеческого ума, различным образом соединяющего эти идеи, то еще очевидней, что так обстоит дело с более обширными классами, которые у учителей логики называются родами (genera). Эти сложные идеи преднамеренно несовершенны: с первого взгляда видно, что некоторые из тех качеств, которые можно найти в самих вещах, умышленно исключаются из родовых идей. Как для образования общих идей, обнимающих собой много отдельных предметов, ум исключает идеи времени, места и подобные им другие, которые не дали бы такой общей идее охватить больше одной особи, точно так же для образования других, еще более общих идей, обнимающих собой различные виды, ум исключает различающие их качества и вводит в свою новую совокупность только такие идеи, которые являются общими для разных видов. То же самое соображение удобства, которое заставило людей выразить одним названием разные партии желтого вещества, доставляемые из Гвинеи и Перу, приводит их к образованию одного названия, охватывающего и золото, и серебро, и некоторые другие тела различных видов. Достигается это путем исключения тех качеств, которые свойственны лишь отдельному виду, и путем сохранения тех общих каждому виду качеств, которые и составляют сложную идею. Если

==517

дать ей имя <металл>, то род создан. Его сущность составляет отвлеченная идея, содержащая только ковкость и плавкость, определенные вес и твердость, в чем сходятся некоторые тела разных видов, охватываемых именем <металл>, причем опущены цвет и другие качества, присущие только золоту, серебру и другим видам. Отсюда ясно, что при образовании своих общих идей субстанций люди не следуют в точности образам, предоставляемым им природой, ведь нет тела, обладающего только ковкостью и плавкостью без других качеств, таких же неотделимых, как эти. Но так как при составлении своих общих идей люди при помощи кратких и понятных знаков добивались более удобства речи и быстроты, чем [знания] истинной и точной природы вещей, как они существуют, то при образовании этих отвлеченных идей они главным образом преследовали [иную] цель – составить себе запас общих имен различного объема. Во всем этом вопросе о родах и видах род, или более обширное понятие, есть лишь часть того, что содержится в виде, а вид – частичная идея того, что можно найти в каждой особи. Если поэтому кто-нибудь подумает, что человек, лошадь, животное, растение и т. д. различаются по реальным сущностям, установленным от природы, то он должен считать природу весьма щедрой на эти реальные сущности, раз она дала одну – телу, другую – животному, третью – лошади, а Буцефала щедро наделила всеми этими сущностями. Но если мы как следует рассмотрим, что происходит при образовании всех родов и видов, или разрядов, мы найдем, что при этом не создается ничего нового, кроме знаков большего или меньшего объема, с помощью которых мы можем обозначить немногими слогами большое число единичных вещей, поскольку они соответствуют более или менее общим представлениям, составленным нами для этой цели. Во всем этом мы можем заметить, что более общий термин бывает всегда именем менее сложной идеи и что каждый род есть лишь частичное представление охватываемых видов. Так что, если эти отвлеченные общие идеи можно считать полными, то лишь в отношении известной связи, установившейся между ними и определенными именами, которыми пользуются для их обозначения, а не в отношении какой-нибудь существующей вещи, созданной природой.

33. Все это приспособлено к цели языка. Это приспособлено для истинной цели языка, т. е. для легчайшего и кратчайшего способа передачи наших мыслей. Так,

==518

желающий понять вещи и говорить о них, поскольку они соответствуют сложной идее протяженности и плотности, должен употребить лишь слово <тело>, чтобы обозначить все такие вещи. Тот, кто хочет присоединить к этим идеям другие, обозначаемые словами <жизнь>, <чувство> и <самопроизвольное движение>, должен употребить лишь слово <животное>, чтобы обозначить все, что причастно этим идеям. А тот, кто образовал сложную идею тела вместе с жизнью, чувством, движением, способностью рассуждения и определенным внешним видом, должен употребить лишь короткое трехсложное слово <человек>, чтобы обозначить все частности, соответствующие этой сложной идее. Вот собственное назначение рода и вида; и люди делают это, не принимая во внимание реальных сущностей и субстанциальных форм, которые не входят ни в область нашего знания, когда мы думаем об этих вещах, ни в значение наших слов, когда мы говорим с другими.

34. Пример с казуарами. Если бы нужно было говорить с кем-нибудь о породе птиц,

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
которых я недавно видел в Сент-Джемском парке, то, чтобы другие могли понять меня, я должен был бы сделать следующее описание: это птицы ростом в три или четыре фута, покрытые чем-то средним между перьями и волосами, темно-коричневого цвета, без крыльев, а на их месте два или три небольших отростка, спускающихся вниз подобно побегам испанского дрока; у них длинные большие ноги, только с тремя когтями [каждая], хвоста нет. Но когда мне сообщат, что название этой породы – <казуары>, я могу потом употреблять это слово для обозначения в речи всей своей сложной идеи, упомянутой в приведенном описании, хотя с помощью этого слова, ставшего теперь названием вида, я знаю о реальной сущности или о строении этого вида животных не больше, чем раньше, и хотя, вероятно, до того, как узнал это название, я знал о природе этого вида птиц столько же, сколько знают многие англичане о <лебедях> и <цаплях> – хорошо известных названиях птичьих пород, часто встречающихся в Англии.

35. Люди определяют виды. Из сказанного явствует, что люди образуют виды вещей. Так как только различие в сущностях создает различие в видах, то ясно, что те, кто образуют эти отвлеченные идеи, представляющие собой номинальные сущности, образуют тем самым вид, или разряд. Если бы нашли тело, обладающее всеми свойствами золота, кроме ковкости, то, несомненно, поставили бы вопрос, золото это или нет, т. е. принадлежит ли

==519

оно к этому виду. Определить это можно было бы только по той отвлеченной идее, с которой каждый связывает название <золото>. Вот почему это тело будет настоящим золотом и будет принадлежать к этому виду для человека, который не включает ковкости в его номинальную сущность, обозначаемую словом <золото>; с другой стороны, оно не будет настоящим золотом (и не будет принадлежать к этому виду) для человека, который включает ковкость в свою идею вида. Кто же образует эти различные виды даже под одним и тем же названием, если не люди, которые образуют две различные отвлеченные идеи, состоящие не из вполне одинаковых совокупностей свойств? А предположение о существовании тела, в котором есть все другие явные свойства золота, кроме ковкости, не есть чистое воображение. Ибо само золото, несомненно, бывает иногда так <хрупко> (как говорят ремесленники), что оно так же мало, как и стекло, выдерживает удары молота. То, что мы сказали о включении ковкости в сложную идею, с которой каждый связывает название <золото>, и об исключении ковкости из нее, можно сказать об особенном весе, твердости и других подобных свойствах золота. Что бы ни было исключено или включено, всегда именно сложная идея, с которой связывается данное имя, образует вид; поскольку какая-нибудь отдельная частица материи отвечает этой идее, постольку имя вида действительно относится к ней, и она принадлежит к данному виду. И тогда она есть настоящее золото, чистый металл. Ясно, что всякое такое определение видов зависит от человеческого разума, образующего ту или другую сложную идею.

36. Сходства – продукт природы. Дело вкратце состоит в следующем. Природа создает много единичных вещей, совпадающих друг с другом многими чувственными качествами, и, вероятно, также внутренней формой и строением. Но не эта реальная сущность разделяет их на виды. Люди на основании качеств, которые они находят соединенными в вещах и в которых различные отдельные предметы, как замечено, совпадают, распределяют вещи на виды с целью их наименования, ради удобства получения знаков, охватывающих собой значительное количество предметов; отдельные предметы сообразно с той или другой отвлеченной идеей ставятся под эти знаки, как под знамена: это синего, а это красного полка; это человек, а это обезьяна. В этом, я полагаю, состоит вся задача рода и вида.

==520

37. Я не отрицаю, что природа при постоянном созидании единичных предметов не всегда делает их новыми и разнообразными, а часто – подобными и родственными друг другу. Но тем не менее я считаю верным, что именно люди устанавливают границы видов, согласно которым они их разделяют, ибо сущности видов, различаемые по разным названиям, как было доказано, суть продукты человеческой деятельности и редко бывают адекватны внутренней природе вещей, от которой они заимствуются. Поэтому мы действительно можем говорить, что такой способ распределения вещей на виды есть дело человека.

38. Каждая отвлеченная идея представляет сущность. Я не сомневаюсь, что одно покажется очень странным в этом учении, а именно то, что из сказанного следует,

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
что каждая отвлеченная идея вместе со своим названием образует отдельный вид. Но как помочь этому, если такова истина? Так это должно остаться до тех пор, пока что-нибудь не покажет нам, что виды вещей отграничиваются и различаются чем-либо иным и что общими терминами обозначаются не наши отвлеченные идеи, а нечто от них отличное. Мне бы хотелось знать, почему пудель и гончая не такие же отличные друг от друга виды, как болонка и слон. О различной сущности слона и болонки мы имеем такую же идею, как о различной сущности пуделя и гончей: вся существенная разница, по которой мы знаем и отличаем одного от другой, состоит лишь в различной совокупности простых идей, которым мы дали эти различные имена.

39. Роды и виды существуют для наименования. В какой степени виды и роды образуются для общих имен и в какой степени общие имена необходимы если не для существования, то по крайней мере для полноты вида и признания его таковым обнаружится помимо сказанного выше о льде и воде³² из очень простого примера. Часы без боя и с боем составляют лишь один вид для людей, имеющих только одно название для тех и других; но это разные виды для того, у кого есть название <watch> для одних и <clock> для других, а также отличные друг от друга сложные идеи, к которым относятся эти названия. Быть может, скажут, что у них различны внутренний механизм и устройство, ясная идея которых есть у часовщика. И тем не менее очевидно, что и для него эти двое часов составляют только один вид, когда у него только одно название для них. В самом деле, что же во внутреннем устройстве необходимо для образования нового вида?

==521

В одних часах четыре колеса, в других – пять. Разве это составляет видовое отличие для мастера? У одних часов есть цепочки и валики, у других нет; у одних маятник свободен, у других регулируется спиральной пружиной, у третьих – свиной щетиной. Достаточно ли какого-нибудь одного или всех этих различий, чтобы составить видовое отличие для мастера, знающего все эти и другие разные приспособления во внутреннем устройстве часов? Несомненно, каждые из таких часов обладают реальным отличием от остальных; но будет ли это существенное, видовое отличие или нет, – это относится только к сложной идее, которой дается имя <часы>. Поскольку все часы соответствуют идее, обозначаемой этим именем, и поскольку это имя, как родовое имя, не объемлет различных видов, они не отличаются друг от друга ни по своей сущности, ни по облику. Но если кто-нибудь произведет более мелкие деления на основании известных ему различий во внутреннем строении часов и даст таким точным сложным идеям имена, которые получат распространение, то это будут новые виды для тех, у кого есть эти идеи вместе с их именами и кто на основании таких различий в состоянии распределять часы на разные виды; тогда слово <часы> будет родовым именем. Но все эти часы не будут различными видами для людей, не знающих механизма боя и внутреннего устройства часов и имеющих лишь идею внешней формы и размера вместе с циферблатом и стрелкой. Для таких людей все другие названия будут лишь синонимами той же самой идеи и будут обозначать только <часы>, и ничего больше. Совершенно то же, по моему мнению, бывает с природными вещами. Никто не усомнится, что колеса и пружины (если можно так выразиться) различны внутри у разумного человека и идиота, так же как есть разница в строении между обезьяной и идиотом. Но будут ли эти различия – одно или оба – существенными или видовыми? Это мы можем узнать по их соответствию или несоответствию со сложной идеей, которую обозначает слово <человек>, ибо только по ней можно определить, является ли одно из этих двух существ, или они оба, или же ни одно из них человеком.

40. Виды искусственных вещей менее запутаны, чем виды вещей природных. Из вышесказанного мы можем понять причину того, почему в видах искусственных вещей обыкновенно бывает меньше путаницы и неопределенности, чем в видах вещей природных. Так как искусствен-

==522

ная вещь есть произведение человека, который ее задумал и поэтому хорошо знает ее идею, то полагают, что ее имя обозначает только такую идею и выражает такую сущность, которая, несомненно, известна и довольно легко постижима. Ибо идея, или сущность, различных видов искусственных вещей по большей части состоит лишь из определенной формы видимых частиц, а иногда и из зависящего от нее движения, которое тот, кто создает вещь, придает материалу, так как находит это для себя удобным. Поэтому в пределах наших способностей – получить определенную идею подобной вещи и таким образом установить значение имен, по которым и различаются

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
виды искусственных вещей, с меньшими сомнениями, с меньшей неясностью и двусмысленностью, нежели мы можем установить это для вещей природных, различия и действия которых зависят от устройства, находящегося вне пределов нашей досягаемости.

41. Искусственные вещи бывают различных видов. Пусть меня извинят за мнение, что искусственные вещи бывают различных видов точно так же, как и природные. Я нахожу, что они так же ясно и в таком же порядке распределяются на виды с помощью различных отвлеченных идей вместе с данными им общими именами, которые столь же отличны друг от друга, как и виды природных субстанций. Почему, в самом деле, не считать нам часы и пистолет такими же отличными друг от друга видами, как лошадь и собака, коль скоро они выражены в нашем уме разными идеями, а для других – разными наименованиями?

42. Только субстанции имеют собственные имена.
О субстанциях следует далее заметить, что из всех наших различных видов идей только у них одних есть особенные, или собственные, имена, которыми обозначается только одна единичная вещь, ибо с простыми идеями, модусами и отношениями редко случается так, что людям приходится упоминать их в отдельности в случае их отсутствия. Кроме того, большая часть смешанных модусов, будучи действиями, которые исчезают, как только они произведены, не способна к продолжительному существованию – не так это бывает с субстанциями, которые сами действуют и в которых простые идеи, составляющие сложные идеи, обозначаемые данным именем, создают прочный союз.

43. Трудность рассуждения о словах с помощью слов. Я должен попросить читателя извинить меня за то, что я так долго остановился на этом вопросе и, быть может,

==523

говорил не совсем ясно. Но пусть обратят внимание на то, как трудно с помощью слов сообщить другому мысли о вещах, лишенных тех видовых отличий, которые мы даем им. Если я не называю вещей, я не говорю ничего, а если я даю им имя, я тем самым причисляю их к тому или другому виду и внушаю уму обычную отвлеченную идею данного вида и таким образом действую наперекор своей цели. Если, например, говорить о человеке, и в то же время оставить в стороне обычное значение имени <человек>, т. е. нашу сложную идею, обыкновенно связанную с ним, и требовать от читателя, чтобы он рассматривал человека, как он есть сам по себе и как он реально отличается от других вещей своим внутренним строением или реальной сущностью, т. е. чем-то неизвестным читателю, то это похоже на насмешку. И тем не менее так должен поступить всякий, кто станет говорить о предполагаемых реальных сущностях и видах вещей, как будто они созданы природой, хотя бы он имел в виду лишь разъяснить, что нет ничего такого, что выражено теми общими именами, которыми номинально] субстанции обозначаются. Но так как это трудно сделать с помощью известных, обычных имен, разрешите мне попытаться на одном примере сделать немного понятнее различие в способах воззрения ума на видовые имена и идеи и показать, как сложные идеи модусов иногда относятся к прообразам в уме других разумных существ, или, что то же самое, к значению, которое другие связывают с их обычными именами, а иногда вообще не относятся ни к каким прообразам. Позвольте мне также показать, как свои идеи субстанций ум относит как к прообразам всегда или к самим субстанциям, или к значению их имен, а также разъяснить природу видов, или деления вещей на разряды, как мы его понимаем и как мы им пользуемся, и природу сущностей, относящихся к этим видам. Для установления объема и достоверности нашего знания это, быть может, важнее, чем мы сначала представляем себе.

44. Примеры смешанных модусов: <кинэа> и <ниуф> 33. Представим себе Адама взрослым, с развитым разумом, но в чуждой ему местности, где все вокруг для него ново и незнакомо, и представим себе, что он обладает такими способностями для приобретения знания этих вещей, какие теперь бывают у людей его возраста. Он замечает, что Ламех печальнее обыкновенного, и приписывает это его подозрениям насчет его жены Ады (которую Ламех страстно любит), будто бы она слишком благосклонна к

==524

другому мужчине. Адам сообщает эти мысли свои Еве и просит ее постараться, чтобы Ада не делала глупостей; в этих беседах с Евой он употребляет два новых слова –

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
<кинэ> и <ниуф>. Со временем обнаруживается ошибка Адама; он узнает, что беспокорно Ламеха произошло оттого, что он убил человека. Тем не менее эти два слова – <кинэ> и <ниуф>, из которых одно обозначает подозрение мужа в неверности жены, а другое – сам акт неверности, не потеряли своих отличных друг от друга значений. Ясно, что здесь были две различные сложные идеи смешанных модусов с именами для них, два отличных друг от друга вида действий, различных по своему существу. Я спрашиваю, в чем состояла сущность этих двух отличных друг от друга видов действий? Очевидно, что она состояла в точном сочетании простых идей, отличных друг от друга. Я спрашиваю, адекватна была сложная идея в уме Адама, которую он называл <кинэ>, или нет? Очевидно, была. Что она была адекватной идеей, это с необходимостью следует из того, что она была сочетанием простых идей, которые Адам безотносительно к какому бы то ни было прообразу и без всякого сравнения с чем-нибудь как образцом соединил, абстрагировал и назвал произвольно <кинэ>, для того чтобы одним этим словом вкратце обозначить для других [людей] все простые идеи, содержащиеся и соединенные в данной сложной идее. Его собственный выбор создал это сочетание, эта идея включила в себя все, что он намерен был включить, и поэтому она не может не быть совершенной, не может не быть адекватной, так как она не находится в связи ни с каким другим прообразом, который она должна была бы представлять.

45. Эти слова – <кинэ> и <ниуф> – постепенно вошли в общее употребление, и тогда дело несколько изменилось. Дети Адама обладали теми же самыми способностями и, следовательно, той же силой, что и он, образовывать в своих умах какие угодно сложные идеи смешанных модусов, абстрагировать их и делать какие угодно звуки их знаками. Но польза от названий, состоящая в сообщении наших идей другим [людям], возможна только тогда, когда один и тот же знак обозначает одну и ту же идею у двух людей, которые хотят сообщать друг другу свои мысли и вести беседу. Поэтому те из детей Адама, которые застали эти два слова – <кинэ> и <ниуф> – в обычном употреблении, не могли принять их за ничего не значащие звуки, но должны были необходимо прийти к выводу, что, будучи общими названиями, они обозначают

==525

что-то – определенные идеи, отвлеченные идеи; эти отвлеченные идеи есть сущности видов, различаемых этими названиями. Поэтому, если бы они хотели употреблять эти слова как названия видов, уже установленных и признанных, они были бы вынуждены сообразовать .обозначаемые этими названиями идеи в их уме с идеями, которые были обозначены ими в уме других людей как с их образцами и прообразами. В этом случае их идеи данных сложных модусов могли бы быть неадекватными, потому что они (в особенности те, которые состояли из сочетаний многих простых идей) очень легко могли бы быть лишеными точного соответствия идеям в уме других людей, употреблявших те же самые названия. Впрочем, против этого обыкновенно имеется под рукой средство, а именно нужно спросить значение непонятого нам слова у того, кто его употребляет, ибо знать с достоверностью, что обозначают в уме другого человека, с которым я буду беседовать, слова <ревность> и <прелюбодеяние> (этим словам, я думаю, соответствуют древнееврейские C'>я.1л и i[C]^Li) так же невозможно, как невозможно было, когда язык начинал [возникать], знать, не получая объяснения, что обозначают <кинэ> и <ниуф> в уме другого человека, потому что у каждого они – знаки произвольные.

46. Пример с субстанциями: <захаб>. Теперь рассмотрим таким же образом и имена субстанций в их первом применении. Один из сыновей Адама, бродя в горах, наталкивается на блестящую субстанцию, которая услаждает его взор. Он приносит ее домой Адаму, который после рассмотрения ее находит, что она тверда, блестящего желтого цвета и очень большого веса. В первый раз он, быть может, обратит внимание только на эти качества и, абстрагируя эту сложную идею, которая объемлет субстанцию с особой блестящей желтизной и очень большим для данного объема весом, дает ей название <захаб>, для того чтобы наименовать и обозначать все субстанции с такими чувственными качествами. В данном случае Адам, очевидно, поступает совершенно не так, как прежде, при образовании тех идей смешанных модусов, которым он дал названия <кинэ> и <ниуф>. В тот раз он соединил идеи только силой своего воображения, а не на основании существования какой-нибудь вещи; он дал им названия, для того чтобы наименовать все, что окажется соответствующим этим его отвлеченным идеям, не рассматривая того, существует ли такая вещь или нет: образец был его собственным творением. Но при образовании своей идеи этой

==526

новой субстанции он идет прямо противоположным путем; здесь образец для него создан природой. Поэтому, когда он должен представить себе его посредством своей идеи даже в его отсутствие, он вводит в свою сложную идею лишь те простые идеи, которые он воспринял от самой вещи. Он старается, чтобы его идея была сообразна этому прообразу и чтобы название обозначало такую сообразную идею.

47. Так как эта частица материи, названная Адамом <захаб>, совершенно отлична от всего виденного им прежде, то, я думаю, никто не станет отрицать, что это определенный вид с особой сущностью и что слово <захаб> есть знак вида и имя, относящееся ко всем вещам, причастным этой сущности. А здесь ясно, что сущность, которую Адам обозначил словом <захаб>, была лишь твердым, блестящим, желтым и очень тяжелым телом. Но пылливый человеческий ум, не довольствуясь знанием этих, я бы сказал, поверхностных качеств, побуждает Адама к дальнейшему исследованию этого вещества. Он стучит и бьет его кремнем, чтобы видеть, что можно обнаружить внутри; он узнает, что оно поддается ударам, но нелегко делится на части; он узнает, что оно гнется, но не ломается. Разве не нужно теперь к прежней идее прибавить гибкость и сделать ее частью сущности вида, который обозначается словом <захаб>? Дальнейшие опыты обнаруживают плавкость и стойкость. Разве не нужно и их ввести в сложную идею, обозначаемую словом <захаб>, на том же основании, как и другие свойства? Если же нет, то разве для одного свойства можно указать больше оснований, чем для другого? А если эти свойства должны войти в состав сложной идеи, обозначаемой словом <захаб>, и, следовательно, составить сущность вида, отмеченного этим названием, то на том же самом основании нужно сделать это со всеми другими свойствами, которые будут открыты в этом веществе дальнейшими опытами. Но так как этих свойств бесконечное множество, то ясно, что идея, составленная таким путем по этому прообразу, никогда не будет адекватной.

48. Идеи субстанций несовершенны и потому разнообразны. Но это не все. Далее следует, что имена субстанций не только должны были бы иметь (как они действительно имеют), но и считаться имеющими различные значения, когда их употребляют разные люди. А это сильно затруднило бы употребление речи. Ибо если бы каждое отдельное качество, которое обнаруживается кем бы то ни было в каком-нибудь веществе, считалось необхо-

==527

димой частью сложной идеи, обозначаемой ее обычным именем, то люди необходимо должны были бы предполагать, что одно и то же слово у разных лиц обозначает различные вещи, ибо они не могут сомневаться в том, что разные лица в субстанциях одного и того же наименования могли открыть разные качества, о которых другие ничего не знают.

49. Поэтому для установления видов субстанций предполагается реальная сущность. Чтобы избежать этого, для каждого вида предположили реальную сущность, из которой вытекают все эти свойства и которую обозначают названиями видов. Но так как у людей нет никакой идеи этой реальной сущности в субстанциях, а их слова обозначают только имеющиеся у них идеи, то эта попытка привела лишь к тому, что на место обладающей реальной сущностью вещи ставят название или звук, не зная, что такое реальная сущность. Вот что делают люди, когда говорят о видах вещей, считая, что они созданы природой и отличаются реальными сущностями.

50. Но это предположение бесполезно. Ибо, ведь когда мы утверждаем, что всякое золото [химически] устойчиво (fixed), это имеет или тот смысл, что [химическая] устойчивость - часть определения, часть номинальной сущности, обозначаемой словом <золото> (тогда утверждение <всякое золото [химически] устойчиво> заключает в себе только значение термина <золото>), или же это имеет тот смысл, что [химическая] устойчивость, не будучи частью определения слова <золото>, есть свойство самой этой субстанции; в таком случае слово <золото>, очевидно, стоит вместо субстанции, обладающей реальной сущностью одного вида вещей, созданного природой. При такой замене его значение так путанно и неопределенно, что хотя положение <золото [химически] устойчиво> есть в этом смысле утверждение о чем-то реальном, однако в отдельном применении эта истина всегда будет изменять нам и потому не имеет ни реальной пользы, ни достоверности. Как бы ни было верно то положение, что всякое золото, т. е. все, обладающее реальной сущностью золота, [химически] устойчиво, какая польза от этого, если мы не знаем, что в этом

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
смысле золото и что нет? Ведь если мы не знаем реальной сущности золота, то мы не можем знать, какая частица материи обладает этой сущностью и, следовательно, является ли она действительно золотом или нет.

51. Заключение. Итак, ту же самую свободу, которую

==528

вначале имел Адам, – свободу создавать всякие сложные идеи смешанных модусов, не руководствуясь никаким образцом, кроме собственных мыслей, имеют все люди, вслед за Адамом. Так же как Адам, который, не желая преднамеренно обманывать самого себя, вынужден был сообразовать свои идеи субстанций с окружающими вещами как с созданными природой прообразами, вынуждены делать это с тех пор и все люди. Ту же самую свободу, которую имел Адам, – свободу давать всякое новое имя всякой идее – до сих пор имеют все люди (особенно создатели языков, если мы можем предположить таковых), но с тем различием, что там, где люди в обществе уже установили у себя язык, значения слов могут быть изменены лишь с большой осторожностью и экономностью. Дело в том, что после того как люди уже запаслись именами для своих идей и общее употребление связало известные имена с определенными идеями, умышленно неправильное употребление слов может быть только очень смешным. У кого есть новые понятия, тот, возможно, иногда решает изобрести новые термины для их выражения; но это считают дерзостью, и неизвестно еще, станут ли они когда-нибудь общеупотребительными. Но при общении с другими необходимо сообразовать идеи, которые мы обозначаем общераспространенными словами какого-нибудь языка, с их известным собственным значением (я это уже подробно объяснил) или же указать, какое новое значение мы им даем.

Глава седьмая О СЛОВАХ-ЧАСТИЦАХ

1. Слова-частицы связывают или части предложений, или целые предложения. Кроме тех слов, которые являются именами идей в уме, есть много других слов, употребляемых для обозначения связи, которую ум устанавливает между идеями или предложениями. Сообщая свои мысли другим, ум должен иметь знаки не только для своих идей, но и другие, чтобы показать или намекнуть на то или иное собственное действие, в данное время относящееся к данным идеям. Он достигает этого различными способами. Так, слова <есть> и <не есть> представляют собой созданные умом общие знаки утверждения или отрицания. Но кроме утверждения и отрицания, без которых в словах нет ни истины, ни лжи, ум при высказы-

==529

вании своих мыслей другим для образования связной речи соединяет друг с другом не только части предложений, но и целые предложения с их различными отношениями и зависимыми предложениями.

2. В этом состоит искусство хорошо говорить. Слова, при помощи которых обозначается связь между различными утверждениями и отрицаниями, соединяющимися в одно непрерывное рассуждение или повествование, обыкновенно называются частицами, и от их правильного употребления зависят преимущественно ясность и красота хорошего стиля. Для правильного мышления человеку недостаточно иметь в мыслях ясные и отличные друг от друга идеи и замечать соответствие или несоответствие некоторых из них, но ему необходимо мыслить связно и соблюдать взаимную зависимость своих мыслей и рассуждений. А для того чтобы хорошо выразить такие строго последовательные и целесообразные мысли, ему необходимо иметь слова, показывающие, какого рода связь, ограничение, различие, противоположение, подчеркивание и т. д. он придает каждой данной части своей речи. Ошибиться в чем-нибудь из этого – значит сбить с толку своего слушателя, вместо того чтобы осведомить его. Вот почему эти слова, которые в сущности сами по себе не являются названиями никаких идей, так постоянно употребляются и необходимы в языке и во многом способствуют тому, что люди выражаются правильно.

3. Частицы показывают отношение ума к своим собственным мыслям. Этот отдел грамматики, быть может, настолько же был запущен, насколько некоторые другие были чересчур тщательно разработаны. Легко писать (и люди один за другим пишут) о падежах и родах, наклонениях и временах, герундиях и супинах 34; на эти и тому подобные предметы ушло много усердия; сами частицы в некоторых языках как будто с большой точностью были разделены на различные разряды. Но хотя <предлоги>

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
<союзы> и т. д. – хорошо известные в грамматике названия и хотя причисляемые к ним частицы тщательно распределены по своим различным подразделам, однако тот, кто пожелал бы указать правильное употребление частиц, их значение и важность, должен употребить немного больше труда, вникнуть в свои собственные мысли и тщательно наблюдать различные позиции своего ума при разговоре.

4. Недостаточно также для объяснения таких слов передать их, как обыкновенно делается в словарях, словами

==530

другого языка, всего ближе подходящими по значению, ибо их смысл обыкновенно одинаково трудно понять как в одном, так и в другом языке. Все они суть знаки какого-нибудь действия или намека ума, и потому для надлежащего их понимания нужно старательно изучать различные взгляды, позиции, точки зрения, склонности, ограничения, исключения и разные другие мысли ума, для которых у нас или вовсе нет названий, или их очень недостаточно. Таких действий ума весьма много, гораздо больше числа частиц, которыми большая часть языков располагает для их выражения; и потому не удивительно, что большая часть этих частиц имеет различные, иногда почти противоположные значения. В древнееврейском языке есть частица, состоящая только из одной буквы, у которой насчитывается, насколько я помню, семьдесят, во всяком случае более 'пятидесяти различных значений 35.

5. Пример с частицей <но>. В нашем языке нет частицы более употребительной, чем <но>. И всякий, кто назовет ее разделительным союзом, соответствующим *sed* по-латыни и *mais* по-французски, считает ее достаточно объясненной. Но мне кажется, она указывает на различные отношения, которые ум придает различным предложениям или их частям, когда он связывает их этим односложным словом.

Во-первых, <чтобы, однако (but), ничего не говорить больше>. Здесь она указывает на то, что ум останавливается в своем движении, прежде чем он приходит к концу.

Во-вторых, <я видел только (but) две планеты>. Здесь она указывает, что ум ограничивает смысл тем, что выражено, с отрицанием всего другого.

В-третьих, <Ты молишься, однако (but) не о том, чтобы бог привел тебя к истинной религии...*>.

В-четвертых, <...но (but) о том, чтобы укрепил тебя в той, которую признаешь. Первое из этих (but) указывает на предположение в уме чего-то отличного от того, что должно было бы быть; последнее показывает, что ум прямо противопоставляет данное предыдущему.

В-пятых, <Все животные ощущают, а (but) собака – животное>. Здесь частица обозначает примерно то, что второе предложение связано с первым как меньшая посылка силлогизма.

6. Этот вопрос затронут здесь лишь слегка. Если бы моя задача заключалась в исследовании этой частицы во всем ее объеме и в рассмотрении ее везде, где можно найти ее, то к указанным значениям, несомненно, можно было бы прибавить очень много других. И если бы кто сделал это,

==531

то я не думаю, чтобы во всех случаях, где она употребляется, к ней подходило название разделительной, которое дают ей грамматики. Но я здесь не намерен дать полное объяснение знаков этого рода. Указанные примеры с одной частицей могут натолкнуть на размышления об их употреблении и значении в языке и привести нас к рассмотрению различных действий нашего ума при разговоре, на которые он нашел способ намекнуть другим посредством этих частиц. Некоторые из этих частиц постоянно, а другие в определенных конструкциях содержат в себе смысл целого предложения.

Глава восьмая ОБ ОТВЛЕЧЕННЫХ И КОНКРЕТНЫХ ТЕРМИНАХ

1. Отвлеченные термины не могут высказываться один о другом; причина этого. Обыкновенные слова языка в их обычном употреблении разъяснили бы нам природу наших идей, если бы только подверглись внимательному исследованию. Ум, как было

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org показано, обладает способностью абстрагировать свои идеи; и так последние становятся сущностями – общими сущностями, по которым различаются виды вещей. Так как каждая отвлеченная идея отлична от других, так что из всяких двух идей одна никогда не может быть другой, то ум интуитивным познанием постигает их различие. Поэтому в предложениях никогда одна целая идея не может высказываться о другой. Мы видим это в обычном употреблении языка, которое не допускает, чтобы какие-нибудь два отвлеченных слова или два имени отвлеченных идей высказывались одно о другом. В самом деле, как бы ни казались они тесно связанными между собой и как бы ни было достоверно то, что человек – одушевленное существо, что он разумен, бел, однако каждый немедленно, как только услышит, заметит ложность следующих предложений: <Человечность есть одушевленность>, или <разумность>, или <белизна>; а ведь это так же очевидно, как любое самое общепризнанное положение. Все наши утверждения поэтому неконкретны, т. е. утверждается не то, что одна отвлеченная идея есть другая, а то, что одна отвлеченная идея соединена с другой. И эти отвлеченные идеи, когда речь идет о субстанциях, могут быть всякого вида; во всех остальных случаях едва ли они бывают какими-нибудь иными идеями, кроме как идеями отношений; когда же речь идет о субстанциях,

==532

чаще всего мы имеем дело с идеями сил, или способностей. Так, предложение <Человек бел> обозначает, что вещь, обладающая сущностью человека, включает в себе также сущность белизны, которая есть не что иное, как сила, вызывающая идею белизны у того, чьи глаза могут обнаруживать обыкновенные предметы; предложение <Человек разумен> обозначает, что та же самая вещь, которая обладает сущностью человека, включает в себе также сущность разумности, т. е. способность рассуждения.

2. Отвлеченные термины показывают различие наших идей. Это различие названий показывает нам также различие наших идей. При исследовании мы найдем, что у всех наших простых идей есть и отвлеченные и конкретные имена. Первые (если выражаться языком грамматиков) суть существительные, вторые – прилагательные, как, например, <белизна – белый, сладость – сладкий>. То же самое относится к нашим идеям модусов и отношений, как, например, <справедливость – справедливый, равенство – равный>, с той лишь разницей, что некоторые конкретные названия отношений, преимущественно между людьми, суть существительные, как, например, <Paternitas>, <Pater> 36, причину чего указать было бы легко. Но для наших идей субстанций у нас очень мало или вовсе нет отвлеченных имен. Хотя схоласты и ввели слова <Animalitas>, <Humanitas>, <Corporietas> 37 и некоторые другие, однако они не соответствуют бесконечному числу имен субстанций, относительно которых схоласты никогда не были настолько смешны, чтобы пытаться сочинять для них отвлеченные имена; да и то небольшое количество имен, которое было придумано схоластами и введено в их язык, еще никогда не могло войти в общее употребление или получить общественное признание. Мне по крайней мере кажется, что в этом есть намек на признание всеми людьми, что у них нет идей для реальных сущностей субстанций, раз у них нет имен для таких идей, ибо последние, без сомнения, были бы у них, если бы сознание того, что они не знают таких идей, не удерживало их от столь тщетной попытки. Вот почему, несмотря на то что у людей достаточное число идей для различения золота от камня и металла от дерева, они лишь со страхом отважились бы на такие термины, как <Aurietas>, <Saxietas>, <Metallietas>, <Lianietas> 38 и тому подобные имена, которыми они хотели бы обозначить реальную сущность субстанций, идей которых, по их собственному

признанию, у них нет. И в самом деле, только учение о субстанциальных формах и самоуверенность впавших в заблуждение людей, претендовавших на познание, которого у них не было, привели сначала к изобретению, а затем к употреблению слов <Animalitas>, <Humanitas> и тому подобных, которые, однако, распространились немного дальше их собственных школ и никогда не могли быть приняты здравомыслящими людьми. Правда, слово <humanitas> было обычным у римлян, но имело совсем другой смысл: оно не обозначало отвлеченную сущность какой-нибудь субстанции, а являлось отвлеченным названием определенного модуса, и конкретным ему соответствующим словом было <humanus>, а не <homo> 39.

Глава девятая О НЕСОВЕРШЕНСТВЕ СЛОВ

1. Слова употребляются для закрепления и сообщения наших мыслей. Из сказанного в

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
предыдущих главах легко усмотреть, как несовершенен язык и как вследствие самой природы слов значение многих из них почти неизбежно бывает двусмысленным и неопределенным. Чтобы исследовать совершенство или несовершенство слов, необходимо прежде всего рассмотреть их употребление и цель, ибо слова бывают более совершенны или менее совершенны в зависимости от того, более пригодны они для достижения этой цели или пригодны менее. В предыдущей части настоящего рассуждения мы при случае часто указывали на двойное употребление слов: во-первых, для закрепления наших собственных мыслей; во-вторых, для сообщения наших мыслей другим людям].

2. Всякое слово служит для закрепления наших мыслей. Что касается первого употребления – закрепления наших собственных мыслей в помощь нашей памяти, благодаря чему мы как бы говорим с собой, то годятся для этой цели всякие слова. Так как звуки – произвольные и безразличные знаки для всяких идей, то можно пользоваться какими угодно словами, чтобы обозначать свои идеи для самого себя. И в словах не будет никакого несовершенства, если только один и тот же знак будет употребляться для одной и той же идеи, ибо в этом случае человек не может не понять смысл своих собственных слов. А в

этом и состоит правильное употребление и совершенство языка.

3. Сообщение посредством слов в гражданской жизни и в философской области. Во-вторых, что касается сообщения [через посредство] слов, оно также имеет двойное употребление:

I. Гражданское.

II. Философское.

Во-первых, под гражданским употреблением слов я подразумеваю такое сообщение мыслей и идей посредством слов, которое служит для поддержания между людьми обычных разговоров и сношений, касающихся обыкновенных дел и интересов гражданской жизни в человеческом обществе.

Во-вторых, под философским употреблением слов я подразумеваю такое их употребление, которое служит для передачи точных понятий вещей и для выражения в общих положениях определенных и несомненных истин, на которые ум может полагаться и которыми он может удовлетворяться в своих поисках истинного познания. Эти два вида употребления весьма различны: как мы увидим из последующего, в одном допускается гораздо меньшая точность, чем в другом.

4. Несовершенство слов состоит в сомнительном их значении. Так как главная цель языка при сообщении состоит в том, чтобы быть понятным, то слова – и в гражданской и в философской речи – мало годятся для этой цели, когда не возбуждают в слушателе той самой идеи, которую они обозначают в уме говорящего. Но так как звуки не имеют естественной связи с нашими идеями и получают все свое значение от произвольного определения его человеком, то сомнительность и неопределенность их значения, в котором состоит рассматриваемое здесь несовершенство, коренится более в обозначаемых ими идеях, нежели в различной способности звуков обозначать какую-нибудь идею, ибо в этом отношении все звуки одинаково совершенны.

Следовательно, причина того, что в значении одних слов больше сомнительности и неопределенности, чем в значении других, заключается в различии обозначаемых ими идей.

5. Причины их несовершенства. Так как слова от природы не имеют значения, то обозначаемая каждым идея должна быть выучена и сохранена в памяти желающими обмениваться мыслями и вести понятный разговор с

другим на каком-нибудь языке. Но это всего труднее сделать, во-первых, когда обозначаемые ими идеи очень сложны и составлены из большого числа соединенных вместе идей; во-вторых, когда обозначаемые ими идеи не имеют определенной связи в природе и, таким образом, нигде не существует установленного образца, по которому можно было бы исправлять и сличать их; в-третьих, когда значение слова

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org имеет подлинную основу в некотором образце, о котором трудно приобрести знание; в-четвертых, когда значение слова и реальная сущность вещи не вполне тождественны.

Таковы трудности, встречающиеся в значении различных понятных слов. Здесь нет нужды говорить о словах вообще непонятных, каковы имена обозначающие простые идеи, для приобретения которых у другого нет органов или способностей, как, например, названия цветов для слепого или звуки для глухого.

Во всех этих случаях мы найдем в словах несовершенство. Я рассмотрю эти случаи подробнее, в их особом применении к различным видам наших идей, ибо исследование их покажет нам, что имена смешанных модусов всего более бывают сомнительны и несовершенны по двум первым из указанных причин, а имена субстанций – главным образом по двум последним.

6. Сомнительность имен смешанных модусов. Прежде всего, значение многих имен смешанных модусов бывает очень неопределенным и неясным.

Во-первых, из-за сложности обозначаемых ими идей.

О. Часто из-за очень большой сложности состава таких сложных идей. Чтобы сделать слова пригодными для цели сообщения, необходимо (как было сказано), чтобы они возбуждали в слушателе точно такую же идею, какую они обозначают в уме говорящего. Без этого люди, правда наполняют друг другу головы шумом и звуками, но не сообщают своих мыслей и не излагают друг другу своих идей, а ведь именно в этом состоит цель речи и языка. Но когда слово обозначает очень сложную идею, составными частями которой являются другие сложные идеи, то не легко человеку образовать эту идею и удержать ее в памяти с такой точностью, чтобы имя [всегда] обозначало в общем употреблении совершенно ту же самую идею без малейшего отклонения. Отсюда получается, что имена очень сложных

идей, каковы, например, большей частью слова из области морали, редко имеют в точности одно и то же значение у двух различных лиц; ибо сложная идея одного редко совпадает со сложной идеей другого, а часто отличается и от идеи одного и того же лица, от той идеи, которая была у него вчера или которая будет у него завтра.

7. Во-вторых, из-за отсутствия образцов для них. II. Так как для имен смешанных модусов по большей части нет образцов в природе, по которым можно было бы исправлять и сличать их значения, то имена эти очень разнообразны и сомнительны. Эти модусы суть совокупности идей, соединенных вместе по воле ума, который преследует свои собственные цели в речи, и сообразованных с его собственными понятиями; при этом он имеет в виду не копировать какую-нибудь реально существующую вещь, а наименовать вещи и распределять их на виды по их соответствию с этими прообразами, или формами, им самим сделанными. Кто первый ввел в употребление слова <стыд>, <лесть>, <насмешка>, тот по собственному усмотрению связал идеи, которые он обозначил этими словами. А что происходит с новыми именами модусов, которые теперь введены в язык, то же происходило со старыми словами, когда они впервые вошли в употребление. Поэтому у имен, обозначающих совокупности идей, которые образуются умом по его желанию, значение обязательно должно быть сомнительно, когда таких совокупностей нигде в природе нельзя найти в постоянном соединении и когда нельзя указать образцов, по которым можно было бы сличать их. Значения слов <убийство>, <святотатство> и т. д. никогда нельзя узнать из самих вещей. Многие части этих сложных идей не видны в самом действии. Сознательное намерение или отношение к священным предметам, входящие в состав убийства или святотатства, не стоят в необходимой связи с внешними и видимыми действиями того, кто совершает то или другое преступление. И спуск курка у ружья, которым совершается убийство (быть может, единственное видимое при этом действие), не имеет естественной связи с другими идеями, составляющими сложную идею, именуемую <убийство>. Их связывает и сочетает только разум, объединяющий их под одним именем. Но так как соединение происходит без правила или образца, значение слова, обозначающего такие произвольные совокупности, часто не может не быть различным в уме разных людей, едва ли придерживающихся какого-нибудь постоянного правила, которым руковод-

ствовались бы они сами или их понятия в таких произвольных идеях.

8. Собственное значение слова не есть достаточное средство для уточнения. Правда, можно подумать, что обычное употребление, т. е. правила прямого значения слов, оказывает некоторую помощь в установлении значений в языке, и нельзя отрицать, что в некоторой степени это так. Обычное употребление довольно хорошо устанавливает значение слов для обычного разговора; но, так как ни у кого нет такой власти, чтобы устанавливать точное значение слов или определять, с какими идеями следует их связать, обычное употребление недостаточно для приспособления их к философским рассуждениям; ибо едва ли есть имя какой-нибудь очень сложной идеи (не говоря о других), которое не отличалось бы в обычном употреблении очень широким значением и в пределах своего прямого значения не могло быть сделано знаком весьма различных идей. Помимо того, так как нигде не установлены правило и мера для самого прямого значения, часто спорят о том, является ли то или другое употребление слова прямым значением в речи или нет. Из всего этого явствует, что имена очень сложных идей такого рода, естественно, должны быть несовершенны в этом отношении, а значение их – сомнительным и неопределенным и что даже у людей, желающих понять друг друга, они не всегда обозначают одну и ту же идею как для говорящего, так и для слушающего. Хотя слова <слава>, <благодарность> тождественны в устах всех людей целой страны, однако сложная собирательная идея, которую все представляют себе и имеют в виду этими именами, очевидно, весьма различна у людей, говорящих на одном и том же языке.

9. Способ, которым учатся этим именам, также увеличивает их сомнительность. Способ, которым обыкновенно учатся именам смешанных модусов, также немало содействует сомнительности их значения. Действительно, если мы будем наблюдать, как дети учатся языку, то найдем, что для объяснения того, что обозначают имена простых идей или субстанций, им обыкновенно показывают вещь, идею которой хотят сообщить им, и потом повторяют обозначающее ее название, например: <белый>, <сладкий>, <молоко>, <сахар>, <кошка>, <собака>. Но что касается смешанных модусов, в особенности наиболее важных, а именно слов из области морали, то обыкновенно учатся сначала звукам: затем же, чтобы знать, какие сложные

идеи обозначаются ими, люди должны или получить объяснение от других, или (что случается всего чаще) положиться на свое собственное наблюдение и усердие. И так как они не очень стараются доискаться до истинного и точного смысла слов, то в устах большинства людей эти слова из области морали представляют собой немногим больше, чем простые звуки, и если имеют какое-нибудь значение, то по большей части очень широкое и неопределенное и, следовательно, неясное и путаное. Даже люди, установившие свои понятия с большим вниманием, с трудом избегают неудобства от обозначения ими сложных идей, отличных от тех идей, знаками которых их делают другие люди, даже разумные и усердные. Разве найдется такой спор или дружеская беседа о чести, вере, милосердии, религии, церкви, где трудно было бы заметить, что у людей разные понятия обо всем этом? И это означает лишь, что люди не сошлись в значении этих слов и обозначают ими в уме не одни и те же сложные идеи. Таким образом, все вытекающие отсюда споры идут лишь о значениях звуков. Вот почему нет конца толкованию законов, церковных и светских: комментарии порождают комментарии, объяснения становятся новым материалом для объяснения, и нет конца ограничению, различению, изменению значения этих слов из области морали. Эти созданные людьми идеи умножаются *in infinitum* людьми, которые в этом наторели. Многие лица, при первом чтении достаточно уяснившие себе смысл текста священного писания или статьи кодекса, после ознакомления с комментариями совершенно утратили этот смысл и этими разъяснениями возбудили или усилили у себя сомнения, сделали место неясным. Я не хочу этим сказать, что комментарии не нужны; но мне хочется показать, как неопределенны по природе названия смешанных модусов даже в устах людей, имеющих намерение и способность говорить с наибольшей ясностью, с которой язык способен выражать их мысли.

10. Отсюда неизбежные неясности у древних авторов. Едва ли нужно особо говорить, какую неясность это неизбежно внесло в сочинения людей, живших в отдаленные времена и в разных странах: многочисленные труды работавших в этом направлении ученых приводят более чем достаточно доказательств того, какое требуется внимание, прилежание, какая пронизательность и сила рассуждения, чтобы найти истинный смысл древних авторов. Но нам очень важно разобраться в смысле только тех писаний,

которые заключают в себе или истины, которым мы должны верить, или законы,

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
которым мы должны повиноваться и непонимание или нарушение которых создает нам неудобства. Поэтому мы можем менее беспокоиться о смысле сочинений других авторов, которые излагали лишь свои личные мнения; знать их для нас необходимо не более, чем для них знать наши мнения. Так как наше счастье и несчастье не зависят от их нравоучений, мы можем спокойно не знать их понятий. Поэтому, если мы читаем их, а они употребляют свои слова недостаточно ясно и понятно, мы можем отложить их в сторону и, не оскорбляя их, принять такое решение: *Si non vis intelligi, debes negligi* 40.

11. Если значение имен смешанных модусов бывает неопределенным оттого, что в природе нет реальных образцов, к которым эти идеи можно было бы относить и с которыми их можно было бы сличать, то имена субстанций имеют сомнительное значение по противоположной причине, а именно потому, что обозначаемые ими идеи предполагаются соответствующими действительным вещам и соотносимыми с образцами, созданными природой. Из наших идей субстанций в отличие от идей смешанных модусов мы не свободны создавать сочетания, способные, по нашему мнению, служить отличительными знаками, по которым мы распределяем вещи на виды и даем им имена. Здесь мы должны следовать природе, сообразовывать свои сложные идеи с реально существующими вещами и регулировать значение их имен в соответствии с самими вещами, если мы хотим, чтобы наши имена были их знаками и обозначали их. Здесь, правда, у нас есть образцы, которым можно следовать, но такие образцы, которые делают очень неопределенным значение их имен, ибо имена должны иметь очень неустойчивое и разнообразное значение, если обозначаемые ими идеи имеют отношение к образцам вне нас, которые или вообще нельзя знать, или можно знать лишь неполно и недостоверно.

12. Имена субстанций относятся, во-первых, к реальным сущностям, которых нельзя знать. Как было показано, имена субстанций в своем обычном употреблении имеют двоякое отношение.

Во-первых, иногда ими обозначают реальное строение вещей, из которого вытекают и в котором сосредоточиваются все их свойства, и, таким образом, предполагается, что значение имени ему соответствует. Но так как это реальное строение или сущность (как следовало бы называть его) нам совершенно неизвестно, то всякий звук,

которым его обозначают, должен быть очень неопределенным в своем применении. Нельзя знать, что называют или, нужно назвать лошадью или сурьмой, когда этими словами обозначают реальные сущности, идей которых у нас вообще нет. Так как при таком предположении имена субстанций относятся к образцам, которых нельзя знать, то их значения никогда нельзя сличить и установить по этим образцам.

13. Во-вторых, к существующим вместе качествам, известным лишь неполно. Во-вторых, имена субстанций обозначают непосредственно простые идеи, совместное существование которых мы обнаруживаем в субстанциях, а ввиду этого эти идеи, как они соединены в разных родах вещей, суть для нас подлинные образцы. К ним относятся имена субстанций, и при их помощи можно всего лучше исправлять их значения. Но и эти прообразы не могут служить своей цели настолько, чтобы лишить эти названия самых разнообразных и неопределенных значений. Так как простых идей, существующих вместе и объединенных в одном и том же предмете, бывает очень много и так как все они с равным правом входят в сложную идею вида, которую должно обозначать имя вида, то, несмотря на свое намерение рассматривать один и тот же предмет, люди составляют самые различные идеи его, отчего имя, употребляемое ими для него, неизбежно получает у разных людей самые различные значения. Входящие в состав сложных идей простые качества, будучи по большей части силами, способны произвести в других предметах почти бесконечное число изменений; почти бесчисленны и изменения, которым подвергают их [самих] другие предметы. Кто понаблюдает, какое большое число изменений может произойти в любом неблагоприятном металле от различного применения одного только огня и какому еще большему числу изменений подвергнется металл в руках химика от воздействия других предметов, тому не покажется странным мое утверждение, что доступными нашим способностям приемами исследования нелегко охватить и полностью узнать свойства какого-нибудь вида предметов. Так как их по меньшей мере так много, что никто не может знать их точного и определенного числа, различные люди выявляли их различным образом в зависимости от умения, внимания и -образа действия каждого; поэтому они не могут не иметь различных идей одной и той же субстанции,

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
и поэтому значение ее обычного названия не может не быть очень разнообразным и неопределенным. Так как сложные

идеи субстанций составляются из простых идей, которые предполагаются существующими вместе в природе, то всякий вправе включить в свою сложную идею те качества, которые он находит соединенными. Так, для субстанции золота один довольствуется цветом и весом; другой считает необходимым в своей идее золота присоединить к цвету его растворимость в царской водке, а третий – его плавкость, потому что растворимость в царской водке есть качество, которое так же постоянно связано с цветом и весом золота, как плавкость и всякое другое; иные включают ковкость золота, его [химическую] устойчивость и т. д., как их учили традиция или опыт. Кто же из них установил настоящее значение слова <золото> и кто будет судьей для решения этого? У каждого свой образец в природе, на который он ссылается; каждый не без оснований считает, что он имеет такое же право включить в свою сложную идею, обозначаемую словом <золото>, те качества, которые он на опыте нашел соединенными, как и другой, менее внимательный наблюдатель – исключить их, а третий, сделавший иные опыты, – включить иные качества. Так как истинным основанием объединения этих качеств в одной сложной идее является их объединение в природе, то кто может утверждать, что у одного качества больше оснований, чем у другого, быть включенным или исключенным? Отсюда всегда и неизбежно получается, что сложные идеи субстанций у людей, употребляющих для них одно и то же название, очень разнообразны и поэтому значения этих названий очень неопределенны.

14. Кроме того, едва ли существует хотя бы одна вещь, которая по одним своим идеям не была бы связана с большим, а по другим – с меньшим числом отдельных предметов. Кто же будет определять в этом случае, какие идеи должны составлять точную совокупность, которая должна быть обозначена именем вида? Кто может с надлежащим авторитетом предписывать, какие очевидные или известные качества следует исключить, а какие более скрытые или более специфические качества следует включить в значение имени какой-нибудь субстанции? Все это вместе служит причиной того, что имена субстанций всегда или почти всегда имеют различное и двусмысленное значение, порождающее столько неопределенности, споров и ошибок при их употреблении в философии.

15. При таком несовершенстве имена субстанций пригодны для гражданского, но не для философского употреб-

ления. Правда, в обычной гражданской речи общие имена субстанций, определяемые при их обычном значении некоторыми бросающимися в глаза качествами (как, например, внешним обликом и формой у существ, размножающихся посредством семени, а у других субстанций – большей частью цветом вместе с некоторыми другими чувственными качествами), достаточно точно обозначают вещи, в разговоре о которых люди хотят, чтобы их поняли. Так, люди обыкновенно достаточно ясно представляют себе субстанции, обозначаемые словами <золото> или <яблоко>, чтобы отличить их друг от друга. Но в философских исследованиях и спорах, где нужно устанавливать общие истины и делать выводы из выставленных положений, оказывается, что не только не устанавливается как следует точное значение имен субстанций, но что его и весьма трудно установить. Например, кто сделает ковкость или определенную степень [химической] устойчивости частью своей сложной идеи золота, тот может выдвигать положения о золоте и делать из них выводы, которые верно и ясно вытекают из такого значения слова <золото>; однако никогда нельзя заставить признать их истину и убедить в ней другого человека, у которого ковкость или та же самая степень устойчивости не составляет части сложной идеи, обозначаемой в свойственном этому человеку употреблении слова <золото>.

16. Пример – жидкость. Это естественное и почти неизбежное несовершенство во всех почти именах субстанций и во всех языках легко заметить, если перейти от путаных или расплывчатых понятий к более точным и тщательным исследованиям. Тогда люди убедятся, как сомнительно и неясно значение тех слов, которые в обычном употреблении кажутся очень ясными и определенными. Я присутствовал однажды на собрании очень ученых и остроумных врачей, где случайно возник вопрос, проходит ли какая-нибудь жидкость через нервные волокна. Спор тянулся долго, и обе стороны приводили множество разных доказательств. Имея обыкновение

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
подозревать, что большая часть споров касается более значения слов, нежели действительной разницы в понятиях о вещах, я высказал пожелание, чтобы прежде, чем продолжать спор, они исследовали и установили между собой значение слова <жидкость>. Сначала они были немного удивлены предложением, и, будь они людьми менее остроумными, они, быть может, сочли бы его очень легкомысленным и нелепым, потому что все до одного были уверены, что вполне понимают значение слова <жидкость>,

которое, и по моему мнению, не принадлежит к самым трудным именам субстанций. Как бы то ни было, им было угодно принять мое предложение, и по проверке оказалось, что значение этого слова вовсе не было таким твердым и определенным, как они все представляли себе, и что у них у всех оно было знаком разных сложных идей. Это показало им, что спор главным образом касался значения этого термина и что они расходились очень немного в своих мнениях о текучем и тонком веществе, проходящем по нервным каналам, хотя и нелегко было прийти к согласию, нужно ли его называть жидкостью или нет; но, когда поразмыслили, признали, что об этом спорить не стоит.

17. Пример – золото. Быть может, у меня будет случай указать в другом месте, в какой степени то же самое бывает в большинстве споров, введущихся с таким жаром. Здесь мы рассмотрим только немного подробнее упомянутый выше пример со словом <золото> и увидим, как трудно точно определить его значение. Я думаю, все согласятся с тем, что оно обозначает тело определенного желтого, блестящего цвета; такую идею связывают с этим названием дети, и для них блестящая желтая часть хвоста павлина – настоящее золото. Другие, находя, что в некоторых частицах материи с этим желтым цветом связана плавкость, делают из, этого сочетания сложную идею, которой они дают название <золото> для обозначения одного вида субстанций; таким образом, они исключают из последнего все желтые блестящие тела, превращаемые огнем в золу, и признают принадлежащими к данному виду или охватываемыми словом <золото> только такие субстанции блестящего желтого цвета, которые в огне плавятся, но не сгорают. Другой на том же основании прибавляет вес как качество, связанное с этим цветом не менее тесно, чем плавкость, и считает, что он имеет такое же право включить вес в идею золота и обозначить его названием золота, признавая тем самым несовершенство другой идеи, составленной из тела такого-то цвета и плавкости. И то же самое со всем остальным. И никто не может здесь указать причины, почему одни неразделимые качества, в природе всегда объединенные, следует включить в номинальную сущность, а другие – исключить. Или почему слово <золото>, обозначающее вид вещества, из которого сделано кольцо на пальце человека, определяет этот вид по цвету, весу и плавкости лучше, чем по цвету, весу и растворимости в царской водке, ибо растворимость золота в указанной жидкости так же

неотделима от него, как плавление на огне, и оба качества представляют собой лишь отношения данной субстанции к двум другим телам, способным различным образом действовать на нее. В самом деле, на каком основании следует считать плавкость частью сущности, обозначаемой словом <золото>, а растворимость – только свойством ее или цвет – частью сущности, а ковкость золота – только свойством? Я хочу этим сказать, что все это лишь свойства, зависящие от реального строения золота, и не что иное, как силы, активные или пассивные в отношении к другим телам, и потому никто не властен определять значение слова <золото> (поскольку оно должно означать такое существующее в природе тело) одной совокупностью идей, которые можно найти в этом теле, более, чем другой, и поэтому значение этого слова неизбежно должно быть очень неопределенным: как было сказано, разные люди замечают разные свойства в одной и той же субстанции, и, я думаю, что вправе утверждать это, никто не замечает всех. Вот почему наши описания вещей очень несовершенны, а слова имеют очень неопределенные значения.

18. Имена простых идей всего менее сомнительны. Из сказанного легко заметить, что имена простых идей, как было указано выше, менее всех других могут ввести в заблуждение, и вот по каким причинам. Во-первых, так как каждая обозначаемая ими идея представляет собой лишь одно восприятие, эти идеи гораздо легче приобрести и удержать в памяти более ясными, чем более сложные идеи; поэтому они не бывают столь неопределенными, какими обычно бывают сложные идеи субстанций и смешанных модусов, где нелегко прийти к соглашению относительно точного числа составляющих

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
их простых идей и не так легко удержать это число в памяти. Во-вторых, их всегда относим как к сущности только к тому восприятию, которое они непосредственно обозначают, и именно это отношение делает значения имен субстанций столь трудными по природе и дает повод для стольких споров. Люди, не употребляющие слов в превратном смысле и не уступающие намеренно каверзы, на знакомом им языке редко ошибаются в употреблении и значении имен простых идей. Слова <белый>, <сладкий>, <желтый>, <горький> заключают в себе очень ясный смысл; всякий точно понимает его или же легко сознает, что не знает его, и постарается узнать его. Но не с такой достоверностью известно, какую именно совокупность простых идей обозначают в употреб-

лении другим [лицом] слова <скромность> или <умеренность>. И как ни склонны мы считать, что мы хорошо знаем смысл слов <золото> или <железо>, однако точная сложная идея, знаками которой они служат другим, не так определена; и я думаю, очень редко они обозначают точь-в-точь одну и ту же совокупность [идей] у говорящего и слушающего. Отсюда неизбежно происходят ошибки и споры, когда эти названия употребляются в рассуждениях, где людям приходится иметь дело со всеобщими положениями, устанавливать в своем уме всеобщие истины и делать вытекающие из них выводы.

19. За ними следуют простые модусы. По этой же причине имена простых модусов после имен простых идей всего менее бывают сомнительными и неопределенными, особенно имена модусов формы и числа, для которых у людей есть такие ясные и отличные друг от друга идеи. Кто когда-нибудь ошибался в обычном значении слов <семь> или <треугольник>, если он хотел понять их? Вообще названия наименее сложных идей каждого вида являются наименее сомнительными.

20. Наиболее сомнительны имена очень сложных смешанных модусов и субстанций. Поэтому смешанные модусы, состоящие из немногих и ясных простых идей, обыкновенно имеют не слишком неопределенное значение. Но имена смешанных модусов, заключающих в себе большое число простых идей, как было показано, имеют обыкновенно очень сомнительное и неопределенное значение. Имена субстанций еще более отличаются несовершенством и неопределенностью, особенно при философском их употреблении, потому что они обозначают идеи, которые не являются ни реальными сущностями, ни точными изображениями образцов, к которым их относят.

21. Почему это несовершенство приписывается словам? Так как большой беспорядок в наших именах субстанций по большей части происходит от недостаточного знания их и от неспособности проникнуть в их реальное строение, то может показаться странным, почему я приписываю это несовершенство более нашим словам, чем нашему разуму. Это возражение кажется столь справедливым, что я считаю себя обязанным объяснить, почему я следовал данному методу. Я должен признаться, что, когда я только начинал это рассуждение о разуме, да и долгое время после этого, я даже вообще не думал, что в нем будет необходимо какое бы то ни было исследование о словах. Но когда, исследовав происхождение и состав наших идей, я стал рассматривать

объем и достоверность нашего знания, я нашел, что это так тесно связано со словами, что если сначала не рассмотреть как следует их важность и способ их обозначения, то о познании можно сказать очень мало ясного и уместного, потому что, трактуя об истине, оно постоянно имеет дело с положениями. И хотя оно ограничивается вещами, однако по большей части оно так много прибегает к посредству слов, что их, по-видимому, едва ли можно отделить от нашего познания. По крайней мере слова так часто являются посредником между нашим разумом и истиной, которую разум должен рассмотреть и постичь, что, подобно среде, через которую зрим видимые предметы, они своей неясностью и беспорядком нередко затемняют наше зрение и обманывают наш разум. Если принять во внимание, что заблуждениями, в которые люди вводят себя и других, и ошибками в спорах и понятиях людей мы во многом обязаны словам и их неопределенным или неправильным значениям, то у нас будет основание считать это немалым препятствием на пути к знанию. И по моему мнению, о несовершенстве слов нужно предупреждать, тем более что до сих пор] не только не обращали на него внимание как на неудобство, но даже, как мы увидим в следующей главе, искусство увеличивать его стало предметом изысканий и приобрело славу учености и тонкости ума. Однако я склонен думать, что если бы несовершенства языка как орудия познания были взвешены более

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
основательно, то большая часть споров, создающих столько шума, прекратилась бы сама собою, а путь к знанию, а, может быть, также к миру стал бы гораздо более свободным, чем в настоящее время.

22. Это должно учить нас умеренности, когда мы по-своему интерпретируем то, что писали древние авторы. Так как во всех языках значение слов сильно зависит от мыслей, понятий и идей того, кто их употребляет, то я не сомневаюсь, что оно неизбежно должно быть очень неопределенным [даже] у людей одного языка и одной страны. У греческих писателей это так очевидно, что тот, кто внимательно будет читать их сочинения, найдет почти у каждого из них особый язык, хотя слова одинаковы. Если же добавить к этому естественному для каждой страны затруднению различие стран и отдаленность эпох, в которые ораторы и писатели имели очень различные понятия, темпераменты, обычаи, речевые украшения и обороты и т. д. (причем каждый из этих моментов оказывал на значение их слов свое влияние, между тем как для нас

теперь все это утрачено и неизвестно), то мы должны быть снисходительны друг к другу при толковании или недопонимании этих древних сочинений. И хотя понять их очень важно, они заключают в себе неизбежные трудности речи, которая (за исключением названий простых идей и некоторых очень ясных вещей) не способна без постоянного определения терминов передавать слушающему мысль и намерение говорящего, не возбуждая в слушателе каких-либо сомнений и неопределенности. А в рассуждениях о религии, праве и нравственности, представляющих собой наиболее важные предметы, и затруднения самые большие.

23. Книги толкователей и комментаторов Ветхого и Нового завета также являются очевидным тому доказательством. Хотя все сказанное в тексте – непреложная истина, однако читатель, право, не может не ошибаться сильно в его понимании. И нет ничего удивительного в том, что воля божья, облекшись в слово, стала подвержена тем сомнениям и неопределенности, которые неизбежно связаны с этим способом передачи, если сам сын божий, пока он был во плоти, был подвержен всем слабостям и недостаткам человеческой природы, за исключением греха. Мы должны восхвалять его благодать за то, что он распространил во всем мире столь четкие знаки своих дел и провидения и дал всем людям столько света разума, что даже те, к кому никогда не доходило его писаное слово, не могли (когда начинали исследовать) усомниться ни в существовании бога, ни в необходимости повиноваться ему. Если, следовательно, предписания естественной религии ясны и очень понятны для всех людей и редко оспариваются, если другие полученные путем откровения истины, сообщенные нам в книгах и посредством речи, подвержены обычной и естественной для слов неясности и трудности, то, мне кажется, в соблюдении первых мы должны быть более старательными и усердными, а в навязывании своего собственного мнения и толкования вторых – менее высокомерными, менее упрямыми и надменными.

Глава десятая О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВАМИ

1. Злоупотребление словами. Помимо естественного несовершенства языка и той неясности и путаницы, которой трудно избежать при употреблении слов, люди при этом способе общения бывают повинны в разных преднаме-

ренных ошибках и упущениях, вследствие которых эти знаки становятся менее ясными и отличными друг от друга по своему значению, чем они должны быть по природе.

2. Во-первых, слова без всяких или без ясных идей. Во-первых, первое и наиболее очевидное злоупотребление этого рода состоит в употреблении слов без ясных и отличных друг от друга идей или, что еще хуже, знаков без всякого значения. Такие слова бывают двух видов.

I. Во всех языках можно найти ряд слов, которые при рассмотрении окажутся не обозначающими никаких ясных и отличных друг от друга идей ни при своем возникновении, ни при соответствующем их употреблении. Введены они были по-большей части различными философскими и религиозными сектами. Создатели и покровители последних, желая либо выразить что-нибудь особенное и выходящее за пределы обычных понятий, либо поддержать какие-нибудь странные мнения, либо прикрыть какую-нибудь слабость своей гипотезы, редко обходятся без изобретения слов новых и таких, которые при рассмотрении можно справедливо назвать терминами

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
без значения. Так как с ними не связывали определенной совокупности идей, когда они впервые были придуманы, или в лучшем случае связали с ними такую совокупность идей, которая при надлежащем рассмотрении оказывается несостоятельной, то не удивительно, что впоследствии в обычном употреблении данной секты такие слова остаются пустыми звуками с незначительным смыслом или без всякого смысла у тех, кто довольствуется тем, что часто произносит их в качестве отличительных признаков своей церкви или школы, но не ломает голову над вопросом, каковы обозначаемые ими точные идеи. У меня нет надобности громоздить здесь примеры: каждый в достаточной мере будет их иметь из чтения и разговоров. Если же кто желает быть лучше снабжен ими, то великие мастера чеканки такого рода терминов – я имею в виду схоластов и метафизиков (к которым, мне кажется, можно причислить всех спорщиков – натурфилософов и моралистов последних веков) – с избытком удовлетворят это желание.

3. II. Есть другие, которые в своем злоупотреблении словами идут еще дальше. Они так мало стараются избегать слов, с которыми в их первичном обозначении едва ли связаны какие-нибудь ясные и отличные друг от друга идеи, что по непростительной небрежности часто употребляют вообще без всякого определенного смысла слова, с которыми правильность употребления языка связа-

ла очень важные идеи. <Мудрость>, <слава>, <милость> и т. д. – все это слова, довольно обычные в устах каждого. Но если бы у тех очень многих лиц, которые их употребляют, спросили, что они подразумевают под ними, они были бы в затруднении и не знали бы, что отвечать, – это ясное доказательство того, что хотя они и выучили эти звуки, которые всегда вертятся у них на языке, однако в их уме нет определенных идей, которые нужно было бы передать другим посредством этих звуков.

4. Причина в том, что названия заучиваются раньше, чем относящиеся к ним идеи. Люди, привыкшие с колыбели заучивать легковоспринимаемые и запоминающиеся слова раньше, чем они узнают или составят сложные идеи, которые связаны с ними или которые можно найти в вещах, ими, как думают, обозначаемых, обыкновенно продолжают поступать так всю свою жизнь; и, не давая себе труда, необходимого для установления в уме определенных идей, они пользуются своими словами для обозначения тех нетвердых и путаных понятий, какие есть у них, довольствуясь тем, что употребляют те же слова, что и другие люди, как будто самый звук необходимо заключает в себе один и тот же постоянный смысл. Хотя люди обычно довольствуются этим, однако, когда в обычных житейских обстоятельствах они желают, чтобы их точно понимали, они делают знаки, пока их наконец не поймут. Но, когда люди начинают рассуждать о своих верованиях или интересах, это отсутствие значения в их словах, явно наполняет их рассуждение массой пустого, непонятого шума и говора, особенно в вопросах морали, где слова по большей части обозначают произвольные и многочисленные совокупности идей, которые в природе не связаны между собой регулярно и постоянно, и где поэтому часто думают только о пустых звуках или в лучшем случае связывают с ними очень неясные и неопределенные понятия. Люди берут те слова, которые находят в употреблении среди окружающих, и, чтобы не могло казаться, что они не знают, что ими обозначается, употребляют их уверенно, не ломая себе головы над тем, имеют ли они какой-нибудь определенный, закрепленный за ними смысл, причем помимо этого удобства они достигают и другого преимущества: если они редко бывают правы в таких рассуждениях, то столь же редко их можно уличить в неправде. Ибо стараться вывести из заблуждения тех людей, у которых нет твердых понятий, все равно что отнимать жилище у бродяги, у которого нет определен-

ного местожительства. Мне думается, это именно так. И каждый может наблюдать на себе и других, так ли это или нет.

5. Во-вторых, неустойчивое употребление слов. Во-вторых, другое значительное злоупотребление словами – это непоследовательность в пользовании ими. Трудно найти рассуждение по какому-нибудь вопросу, особенно по спорному, где при внимательном чтении нельзя было бы не заметить, что одни и те же слова (и обычно самые важные в рассуждении, вокруг которых вращается спор) употребляются то для одной совокупности простых идей, то для другой, а это и есть полное злоупотребление языком. Слова должны быть знаками моих идей и объяснять их другим не в силу какого-нибудь естественного значения, но в силу произвольного назначения. Поэтому, когда я обозначаю ими то одно, то другое, это явный обман и

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
злоупотребление. Если это делается умышленно, то это может быть только большой глупостью или еще большей нечестностью. Обозначать в беседах или рассуждениях одними и теми же словами разные совокупности простых идей было бы так же честно, как в расчетах с другими обозначать одними и теми же цифрами то одну совокупность единиц, то другую (например, обозначать цифрой 3 то три, то четыре, то восемь). Я хотел бы знать, кто стал бы иметь дело с людьми, которые поступали бы так в своих расчетах. Если бы кто говорил так в торговых делах и называл бы восемь то семью, то девятью, смотря по тому, что для него выгоднее, его немедленно заклеямили бы одним из двух имен, постоянно вызывающих у людей отвращение. А в рассуждениях и ученых спорах совершенно такой же образ действия обычно считается остроумием и ученостью, хотя, мне кажется, что это большая нечестность, чем подделка счетов при вычислении долга, и обман больше, поскольку истина важнее и ценнее денег.

6. В-третьих, намеренная неясность, создаваемая неверным употреблением. В-третьих, другое злоупотребление языком состоит в умышленной неясности, когда употребляют старые слова в новом и необычном значении, или вводят новые и двусмысленные термины без определения их, или так соединяют слова, что можно перепутать их обычное значение. Всего более отличалась в этом направлении перипатетическая философия, но и другие школы были не совсем свободны от этого. Едва ли есть среди них такие, которым, столкнувшись с трудностями (таково несовершенство человеческого познания), не

хотелось бы прикрыть их неясностью терминов и спутыванием значений слов, чтобы, опустив как бы завесу тумана перед глазами, воспрепятствовать этим обнаружению их слабых сторон. Что <тело> и <протяженность> в обычном употреблении обозначают две различные идеи, ясно всякому, кто хоть немного поразмыслит. В самом деле, если бы значения этих слов совершенно совпадали, выражения <тело протяженности> и <протяженность тела> были бы одинаково точны и понятны. И все-таки некоторые люди находят необходимым спутывать их значения. Логика и свободные науки, как они разрабатывались в школах, создали славу этому злоупотреблению и вредному смешению значений слов. Прославленное искусство спорить во многом усилило естественное несовершенство языков, поскольку оно применялось и приспособлялось более к тому, чтобы спутать значения слов, нежели к тому, чтобы приобрести знание о вещах и раскрыть истину о них. И ознакомившись с учеными сочинениями этого рода убедится, что слова там гораздо более неясны, недостоверны и неопределенны в своем значении, чем в обычном разговоре.

7. Логика и диспуты во многом способствовали этому. Так непременно бывает там, где способности и ученость человека оцениваются по его умению спорить. И если победам, зависящим здесь более всего от изыщательства и изысканности слов, сопутствует слава и награда, то не удивительно, что применяемое таким образом остроумие людей так запутывает, затемняет и утончает значения звуков, что всегда найдется что возразить или сказать в защиту какого-либо [решения] вопроса, ибо победу присуждают не тому, на чьей стороне истина, а тому, за кем остается последнее слово в споре.

8. Называя это утонченностью. Это искусство, совершенно бесполезное и, по моему мнению, прямо противоположное подлинным путям к знанию, до сих пор выступало под похвальными и почтенными названиями <утонченность> и <проницательность>; его одобряли школы, его поощряла некоторая часть ученого мира. И не удивительно, что философы древности (я имею в виду спорящих и вздорящих философов, которых остроумно и не без основания осуждал Лукиан 42), а затем схоласты, стремясь к славе и почету за свои великие и всеобъемлющие познания, претендовать на которые гораздо легче, чем действительно их приобрести, нашли очень удобным прикрыть свое невежество искусным и необъяснимым сплетением запутанных слов и возбудить в других восхищение к себе с помощью

непонятных терминов, которыми тем более легко породить изумление, что понять их невозможно. Между тем вся история показывает, что эти глубокие ученые были не умнее и не полезнее окружающих их людей и принесли очень немного выгоды человеческой жизни и тому обществу, в котором они находились, если только не считать делом, полезным для людей и достойным похвалы и награды, изобретение новых слов без новых вещей, к которым можно было бы применять их, запутывание и затемнение смысла старых слов и порождение таким образом всяких сомнений и

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
споров.

9. Такая ученость приносит очень мало пользы обществу. В самом деле, вопреки всем этим ученым, спорщикам, всеведущим докторам все государства мира были обязаны мирной жизнью, безопасностью и свободой государственным деятелям, незнакомым со схоластикой, а успехами в полезных искусствах – необразованным и презренным ремесленникам (а это кличка презрительная). Тем не менее это искусное невежество, эта ученая галиматья в последние века получила большое распространение благодаря корыстолюбию и ловкости людей, видевших самый легкий путь к той степени влияния и власти, которой они достигли, в том, чтобы людей деловых и необразованных забавлять мудренными словами, а людей остроумных и праздных занимать запутанными спорами о непонятных терминах и постоянно держать их вовлеченными в этот бесконечный лабиринт. Кроме того, самый легкий способ добиться признания или защищать странные и нелепые учения – это окружить их легионами неясных, двусмысленных и неопределенных слов, благодаря которым, однако, такие убежища похожи более на притоны разбойников или на лисьи норы, чем на крепости благородных воинов. И если таких людей трудно выбить из укреплений, то не вследствие прочности последних, а из-за терновников и шипов, из-за темной чащи, которой они себя окружают. Так как неправда неприемлема для человеческого ума, то для защиты нелепости остается только неясность.

10. Но она портит средства познания и сообщения. Так ученое невежество и искусство держать подальше от истинного познания даже любознательных людей распространилось в мире и многое запутало, хотя претендовало на обогащение разума познаниями. Мы видим, что другие, благомыслящие и умные люди, которым ни воспитание, ни природные способности не дали такой остроты ума, могут

понятно изъясняться друг с другом и пользоваться благами языка в его безыскусном употреблении. Но хотя люди неученые достаточно хорошо понимали слова <белый>, <черный> и т. д. и имели твердые понятия идей, обозначаемых этими словами, нашлись философы, у которых хватило учености и утонченности, чтобы доказывать, что снег черен, т. е. что белое черно 43. При этом их преимущество было в том, что они портили орудия и средства рассуждения, беседы, обучения и общения, с большим искусством и утонченностью занимаясь только тем, что запутывали и смешивали значения слов, и таким образом делали язык менее полезным, чем он был в результате своих действительных недостатков, – способность, которая не дана людям необразованным.

11. Она столь же полезна, как и перепутывание звуков, которые соответствуют буквам. Эти ученые люди просвещали человеческий разум и улучшали жизнь людей в такой же степени, как тот, кто изменил бы значение общеизвестных букв и благодаря тонкой ученой изобретательности, далеко превосходящей способности необразованных, тупых и простых людей, показал бы в своем способе письма, что он может ставить А вместо Б, Д вместо Е и т. д., к великому восхищению и выгоде своего читателя. Ставить слово <черный>, которым условились обозначать одну определенную чувственную идею, вместо идеи, отличной от нее или ей противоположной, т. е. называть снег черным, так же бессмысленно, как ставить знак А – букву, которой условились обозначать одну модификацию звука, производимую определенным движением органов речи, – знаком Б, которым условились обозначать другую модификацию звука, производимую другим определенным движением органов речи.

12. Это искусство внесло путаницу в религию и правосудие. Это зло не ограничивалось логическими тонкостями и вычурными пустыми умозрениями. Оно вторглось в очень важные дела человеческой жизни и общества, затемнило и запутало существенные истины права и богословия, внесло в человеческие дела путаницу, беспорядок и неуверенность и если не разрушило, то сделало в значительной мере бесполезными два великих руководящих принципа – религию и правосудие. К чему послужила большая часть толкований и споров о законах божественных и человеческих, если не к тому, что сделала содержание их более сомнительным и запутала их смысл? Разве результатом этих разнообразных вычурных дистинкций и тонких ухищрений

не была лишь неясность и неопределенность, делающая слова еще более непонятными и оставляющая читателя в еще большем затруднении? Как еще получается, что

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
государей легко понимают в их обычных приказах, когда они говорят или пишут своим слугам, и не понимают, когда они обращаются к своему народу в своих законах? И как я заметил раньше, разве не бывает часто так, что человек средних способностей очень хорошо понимает читаемый им текст или закон, пока не обратится к толкователю или не пойдет к адвокату, который своими объяснениями добьется того, что слова или вообще ничего не будут обозначать, или будут обозначать то, что ему угодно?

13. Оно не должно считаться ученостью. Я не буду рассматривать здесь, были ли причиной этого частные интересы этих профессий. Но я ставлю на обсуждение вопрос: не лучше ли было бы для человечества, которому важно знать вещи, как они есть, и поступать, как ему надлежит, а не тратить жизнь на то, чтобы вести разговоры о вещах и швыряться словами, – не лучше ли было бы, говоря я, чтобы употребление слов сделалось ясным и точным, чтобы язык, данный нам для усовершенствования знаний и укрепления связи в обществе, употреблялся не для того, чтобы лишать истину ясности и потрясать права народа, заволакивать туманом и делать непонятными нормы нравственности и религию, а если это и будет случаться, то чтобы подобный образ действий по крайней мере не признавался ученостью и знанием? 44

14. В-четвертых, слова принимаются за вещи. В-четвертых, еще одно значительное злоупотребление словами состоит в том, что слова принимают за вещи. В некоторой степени это касается всех названий вообще, но главным образом названий субстанций. Этим злоупотребляют всего более люди, ограничивающие свои мысли какой-нибудь одной системой и проникающиеся твердой верой в совершенство раз принятой гипотезы; они приходят к убеждению, что термины их секты настолько соответствуют природе вещей, что совершенно согласуются с их действительным существованием. Какой питомец перипатетической философии не считает десяти слов, обозначающих десять категорий, в точности сообразными с природой вещей? Какой приверженец этой школы не убежден в реальности субстанциальных форм, растительных душ, боязни пустоты, интенциональных видов? Этим словам люди научились при самом вступлении в область знания;

они видели, какое большое значение придают им их учителя и системы; они не могут поэтому отказаться от мнения, что слова эти сообразны с природой и представляют собой нечто действительно существующее. У платоников есть своя <мировая душа>, у эпикурейцев – свое <стремление к движению> в их <атомах, находящихся в покое>. Едва ли существует философская школа без определенного ряда выражений, которых другие не понимают. Но эта тарабарщина, которая при слабости человеческого разума так хорошо служит для оправдания невежества людей и для прикрытия их заблуждений, благодаря постоянному употреблению у людей одного и того же племени кажется самой важной частью языка, наиболее значащей из всех его частей. И если бы где-нибудь благодаря преобладанию такой доктрины получили общее признание воздушные и эфирные повозки, то нет сомнения, что эти термины запечатлелись бы в человеческих умах и настолько же укрепляли бы их убеждения относительно реальности подобных вещей, насколько до сих пор достигали этого формы и интенциональные виды у перипатетиков.

15. Пример – материя. Внимательное чтение философских писателей в достаточной мере покажет, насколько принятие названий за вещи способно вводить в заблуждение разум, и, быть может, в словах, относительно которых едва ли можно было это предполагать. Я приведу только один пример, и очень простой. Сколько было запутанных споров о материи, как если бы действительно нечто подобное существовало в природе отдельно от тела, так как очевидно, что слово <материя> обозначает идею, отличную от идеи тела! Ведь если бы обозначаемые этими двумя терминами идеи были совершенно тождественны, можно было бы безразлично ставить везде один термин вместо другого. Но мы видим, что хотя утверждение <все тела состоят из одной материи> правильно, но нельзя сказать, что <все материи состоят из одного тела>. Мы обычно говорим, что <одно тело больше другого.-.>, но утверждение <одна материя больше другой> звучит дико (и, по моему мнению, никогда не употребляется). Отчего это? Очевидно, оттого, что хотя материя и тело в действительности не отличаются друг от друга и где есть одно, там есть и другое, однако слова <материя> и <тело> обозначают два различных понятия, из которых одно неполное и составляет только часть другого. В самом деле, <тело> обозначает субстанцию плотную, протяженную, с определенной формой; <материя> же есть

часть понятия субстанции и понятие более смутное, так как, по моему мнению, оно употребляется для обозначения субстанции и плотности тела без его протяженности и формы. Вот почему, когда мы говорим о материи, мы всегда говорим о ней как о чем-то одном: она на самом деле ясно заключает в себе только идею плотной субстанции, которая везде одна и та же, везде однообразна. Раз наша идея материи такова, мы так же мало можем представлять себе, или говорить, или мыслить о различных материях в мире как о различных плотностях, несмотря на то что мы можем и представлять себе, и говорить о различных телах, потому что протяженность и форма могут изменяться. Но плотность не может существовать без протяженности и формы; поэтому то обстоятельство что [слово] <материя> принимают за имя чего-то реально существующего под таким определением, несомненно, вызвало те непонятные и невразумительные рассуждения и споры о <Materia prima> 45, которыми полны были головы и книги философов. В какой степени подобное несовершенство или злоупотребление может касаться множества других общих терминов, предоставляю обсудить другим. Но мне кажется, я по крайней мере могу сказать: у нас на свете было бы гораздо меньше споров, если бы слова принимались за то, что они есть, [т. е.] только за знаки наших идей, а не за самые вещи. Ведь когда мы спорим о термине <материя> или другом подобном, мы на деле спорим лишь о том, соответствует ли точная идея, которую мы выражаем этим звуком, чему-нибудь реально существующему в природе или нет. И если бы люди указывали, какие идеи они обозначают употребляемыми ими словами, то при исследовании и защите истины не было бы и половины той неясности и тех споров, какие бывают теперь.

16. Это закрепляет заблуждения. Каковы бы, однако, ни были неудобства от таких ошибок в словах, я уверен в том, что путем постоянного и привычного употребления они привлекают людей к понятиям, очень далеким от истины вещей. Трудное дело - убедить кого-нибудь в том, что слова, которые употреблял его отец, школьный учитель, приходский священник или другой такой же почтенный наставник, не обозначают ничего реально существующего в природе. В этом, быть может, не последняя причина того, что людям так трудно отказаться от своих заблуждений, даже в чисто философских вопросах, где их интересует лишь одно - истина. Так как слова, которые они долгое время употребляли, остаются твердо в их уме, то не

удивительно, что и связанные с ними ложные понятия не могут быть устранены.

17. В-пятых, обозначают словами то, чего они не могут выразить. В-пятых, еще одно злоупотребление словами состоит в обозначении ими вещей, которых они вовсе не выражают или не могут выразить. Мы можем наблюдать относительно общих имен субстанций, лишь номинальная сущность которых известна нам, что, когда мы вводим их в предложения и что-то утверждаем о них или отрицаем, мы большей частью молчаливо предполагаем или имеем в виду, что они обозначают реальную сущность определенного вида субстанций. Когда кто-нибудь говорит: <Золото ковко>, он подразумевает и хочет внушить не одно только утверждение, что то, что я называю золотом, ковко (хотя в сущности утверждение сводится к этому), а нечто большее, а именно что золото, т. е. то, что обладает реальной сущностью золота, ковко. А такое утверждение сводится к тому, что ковкость зависит и неотделима от реальной сущности золота. Но так как человек не знает, в чем состоит эта реальная сущность, то ковкость на деле связывается в его уме не с сущностью, которой он не знает, а со звуком <золото>, ее обозначающим. Так, когда мы говорим, что <разумное существо> есть хорошее определение человека, а <существо без перьев, двуногое, с плоскими ногтями> - плохое, мы совершенно очевидно предполагаем, что слово <человек> в этом случае обозначает реальную сущность какого-то вида и что мы хотели указать, что слова <разумное существо> описывают эту реальную сущность лучше, чем слова <существо двуногое, с плоскими ногтями, без перьев>. Иначе почему же Платон не мог свою сложную идею, составленную из идей некоего тела, отличающегося от других определенной формой и другими внешними признаками, с такой же точностью обозначить словом $\beta\eta\chi\sigma\rho\pi\tau$, или <человек>, с какой Аристотель образовал сложную идею, получившую у него название $\beta\eta\chi\sigma\rho\pi\tau$, или <человек>, из соединения тела и способности рассуждать, если не потому, что предполагали, будто слово $\beta\eta\chi\sigma\rho\pi\tau$, или <человек>, обозначает не то, что оно выражает, а нечто отличное от идеи, которую человек, как он утверждает, хотел бы им выразить?

18. Например, слова употребляют для выражения реальных сущностей субстанций. Правда, имена субстанций были бы гораздо более полезными, а предложения с ними гораздо более достоверными, если бы реальные сущности субстанций были теми идеями в нашем уме,

которые обозначаются этими словами. Но именно из-за отсутствия таких реальных сущностей наши слова дают так мало знания или достоверности в наших рассуждениях о них; вот почему для того, чтобы устранить по возможности это несовершенство, мы на основании скрытого предположения обозначаем словами вещь, обладающую данной реальной сущностью, как будто мы этим сколько-нибудь ближе к ней подходим. Слова <человек>, <золото> на деле обозначают лишь сложную идею свойств, объединенных в определенном виде субстанций; но едва ли есть люди, которые при употреблении этих слов часто не предполагали бы, что каждое из этих слов обозначает вещь, обладающую реальной сущностью, от которой зависят данные свойства. Однако, когда мы хотим обозначить словами нечто не входящее в нашу сложную идею, знаком чего употребляемое нами имя никак не может быть, это не только не уменьшает несовершенство наших слов, но, как явное злоупотребление, даже увеличивает его.

19. Поэтому мы считаем, что не всякое изменение в нашей идее субстанций изменяет вид. Это объясняет нам, почему в смешанных модусах при устранении или изменении какой-нибудь идеи, входящей в состав сложной идеи, ее признают другой, т. е. идеей другого вида, как это очевидно из идеи нечаянного убийства, непреднамеренного убийства, преднамеренного убийства, отцеубийства и т. д. Причина здесь в том, что сложная идея, обозначаемая данным именем, есть в одно и то же время и реальная и номинальная сущность; и данное имя не приписывают, хотя бы и скрыто, никакой другой сущности. Не то с субстанциями. Так, хотя один человек включает в свою сложную идею, называемую золотом, то, что другой исключает, и наоборот, но люди обыкновенно не считают, что от этого изменяется вид, потому что в уме своем они тайно относят это название к реальной неизменной сущности какой-нибудь существующей вещи, от которой зависят данные свойства, и считают его связанным с ней. Про того, кто присоединяет к своей сложной идее золота идеи [химической] устойчивости, или растворимости в царской водке, которых он раньше не включал в нее, не думают, что он изменил вид, а считают, что у него лишь более совершенная идея благодаря присоединению другой простой идеи, на деле всегда связанной с остальными, из которых состояла его прежняя сложная идея. Но такое отнесение имени к вещи, идеи которой у нас нет, не только не приносит никакой помощи, но даже способствует

созданию еще больших затруднений. В самом деле, благодаря молчаливому отнесению к реальной сущности данного вида предметов слово <золото> (которое как обозначение более или менее полной совокупности простых идей в обычных разговорах довольно хорошо указывает данный вид предметов) вообще теряет всякое значение, поскольку оно обозначает то, идеи чего у нас вообще нет, и потому при отсутствии самого предмета не может выражать ровно ничего. Сколько бы ни считали, что это одно и то же, при надлежащем рассмотрении все же найдут, что рассуждать о <золоте> по названию и рассуждать о частице самого тела, например о лежащем перед нами кусочке листового золота, – это совершенно различные вещи, хотя в разговоре мы вынуждены заменять вещь названием.

20. Причиной злоупотребления является предположение, что природа всегда действует одинаково. По моему мнению, очень сильно склоняет людей заменять названиями реальные сущности видов упомянутое выше предположение, что природа при образовании вещей действует по правилам и устанавливает для каждого из этих видов пределы, давая совершенно одинаковое реальное внутреннее строение каждой особи, которую мы причисляем к виду под одним общим названием. Между тем всякий, кто наблюдает их различные качества, едва ли может сомневаться в том, что многие особи, которым дано одно имя, по своему внутреннему строению так же отличаются друг от друга, как и те, что обозначаемы различными видовыми именами. Как бы то ни было, из-за предположения, что одно и то же видовое имя всегда сопровождает совершенно одно и то же внутреннее строение, люди легко принимают эти имена за представителей этих реальных сущностей, хотя на деле они обозначают лишь сложные идеи, которые имеются в уме тех, кто их употребляет. Так что, если можно так выразиться, люди обозначают одну вещь, но считают ее за что-то иное либо

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org подставляют ее вместо чего-то иного; имена же при такого рода употреблении не могут не породить в рассуждениях большую неясность, особенно у людей, основательно впитавших в себя учение о субстанциальных формах, которыми, по их твердому убеждению, определяются и различаются разные виды вещей.

21. Это злоупотребление заключает в себе два ложных предположения. Но как бы ни было неразумно и нелепо обозначать нашими именами идеи, которых у нас нет, или (что одно и то же) сущности, которых мы не знаем, так как

на деле это значит превращать наши слова в ничего не обозначающие знаки, для всякого сколько-нибудь размышляющего об употреблении слов людьми очевидно, что нет явления более обычного. Когда кто-нибудь спрашивает, человек или нет тот или иной видимый им предмет, положим обезьяна или урод, ясно, что вопрос не в том, соответствует ли данный единичный предмет сложной идее, выражаемой словом <человек>, а в том, заключает ли он в себе реальную сущность вида вещей, который, по его мнению, обозначается словом <человек>. В таком употреблении имен субстанций заключаются следующие ложные предположения: во-первых, будто есть некоторые определенные сущности, согласно которым природа создает все единичные вещи и по которым они разделяются на виды. Что каждая вещь имеет реальное строение, которое делает ее тем, что она есть, и от которого зависят ее воспринимаемые чувствами качества, это несомненно. Но я думаю, выше было доказано, что это не определяет ни нашего различения и распределения видов, ни пределов для их имен; во-вторых, здесь есть и молчаливый намек, будто у нас есть идеи этих предполагаемых сущностей. К чему, в самом деле, спрашивать, обладает ли та или другая вещь реальной сущностью вида <человек>, если бы мы не предполагали, что такая видовая сущность известна? А это совершенно ложное предположение. Поэтому употребление названий в качестве обозначений идей, которых у нас нет, неизбежно должно порождать большую путаницу в наших беседах и рассуждениях о них и быть большим неудобством в общении посредством слов.

22. В-шестых, предположение, что слова имеют определенное и очевидное значение. В-шестых, есть еще другое злоупотребление словами, более распространенное, но, быть может, обращавшее на себя меньше внимания. Оно состоит в том, что из-за долгой и естественной привычки связывать со словами определенные идеи люди склонны считать связь между словами и значением, в котором они употребляются, столь тесной и необходимой, что совершенно уверены, что нельзя не понимать их смысл и поэтому следует удовлетворяться передаваемыми словами, как если бы не подлежало сомнению, что при употреблении этих общепринятых звуков говорящий и слушающий необходимо имеют совершенно одни и те же идеи. Предполагая поэтому, что, когда они употребили в разговоре какой-нибудь термин, они тем самым как бы представили

другим самое вещь, о которой говорят, и подобным же образом считая, что слова других так же естественно обозначают именно то, для чего они сами привыкли употреблять их, они никогда не дают себе труда растолковать смысл своих собственных слов или ясно понять смысл слов других. Отсюда обычно происходят толки и споры, не приводящие к успеху и ни для кого не поучительные. А люди принимают за постоянные, обычные признаки согласованных понятий слова, которые на деле представляют собой лишь произвольные и неустойчивые знаки их собственных идей. И все-таки люди находят странным, если кто-нибудь в разговоре или споре (где это часто совершенно неизбежно) иногда спросит о смысле употребленных терминов, хотя споры показывают с очевидностью – и это можно наблюдать в разговоре каждый день, – что мало есть таких имен сложных идей, которые у двух собеседников обозначали бы совершенно одну и ту же совокупность. Почти каждое слово может здесь служить примером. Нет термина употребительнее слова <жизнь> Почти всякий сочтет оскорблением вопрос, что же он под ним подразумевает. И все-таки когда возникает вопрос, обладает ли жизнью растение, находящееся в семени уже в готовом виде, жив ли зародыш в яйце до высидивания или человек в обмороке без чувств и движения, легко заметить, что употреблению такого известного слова, как <жизнь>, не всегда сопутствует ясная, отчетливая, установившаяся идея. Правда, у людей обыкновенно бывают некоторые грубые и смутные представления, для которых они употребляют обычные слова своего языка, и такое неопределенное употребление их слов в достаточной мере служит им в обыкновенных разговорах и делах. Но его недостаточно для философских исследований. Познание и рассуждение требуют точных, определенных идей. Хотя

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
люди не так невыносимо тупы, чтобы не понимать того, что говорят другие, не спрашивая у них объяснения терминов, и не так докучливо придирчивы, чтобы поправлять других в употреблении слов, которые они слышат от них, но, где речь идет об истине и познании, я не знаю, какая может быть вина в желании получить объяснение слов, смысл которых кажется сомнительным, и почему стыдно признаться в том, что не знают, в каком значении другой употребляет свои слова, ибо нет другого пути достоверно узнать это, кроме осведомления у другого. Это злоупотребление – принятие слов на веру – нигде не имеет такого широкого распространения и столь плохих последствий,

как среди ученых. Многочисленность и упрямство споров, которые произвели такие опустошения в интеллектуальном мире, есть главным образом следствие этого плохого употребления слов. Хотя обычно полагают, что в книгах и многочисленных спорах, которые возбуждают мир, можно найти огромное разнообразие мнений, по-моему, самое большее, что можно сказать о рассуждениях спорящих между собой ученых разных школ, – это то, что они говорят на разных языках. Ибо я склонен думать, что когда они перестают обращать внимание на термины и думают о вещах и знают, что они думают, то они все думают одно и то же, хотя, возможно, желали они разного.

23. Цели языка. Во-первых, передача наших идей. Закончим рассмотрение несовершенства языка и злоупотреблений им. Главные цели языка в наших разговорах с другими – следующие три. Во-первых, сообщение мыслей или идей одного человека другому. Во-вторых, достижение этого со всей возможной легкостью и быстротой. В-третьих, передача знания о вещах. Когда не достигают какой-нибудь из этих трех целей, это значит, что речью злоупотребляют или же она имеет недостатки.

Во-первых, слова не достигают первой из этих целей, не представляют идей одного человека пониманию другого: во-первых, когда слова употребляются людьми без определенных идей в их уме, знаками которых они должны быть; во-вторых, когда общепринятые в каком-нибудь языке имена прилагаются к идеям, к которым они не прилагаются в обычном употреблении; в-третьих, когда они употребляются очень неопределенно, обозначая то одну, то другую идею.

24. Во-вторых, быстрое достижение этого. Во-вторых, люди не передают своих мыслей со всей возможной быстротой и легкостью, когда у них есть сложные идеи без особых названий для них. Иногда это недостаток самого языка, в котором нет подходящего слова для данного значения; иногда в этом повинен человек, еще не узнавший названия той идеи, которую он хочет объяснить другому.

25. В-третьих, передача знания о вещах. В-третьих, слова не передают никакого знания о вещах, когда идеи людей не соответствуют реальности вещей. Хотя этот недостаток коренится в наших идеях, сообразных природе вещей не настолько, насколько их могли бы сделать такими внимание, изучение и прилежание, однако он распространяется и на наши слова, когда мы употребляем их

в качестве знаков реальных вещей, никогда, однако, в действительности не существовавших.

26. Почему слова у людей не достигают всех этих целей? Во-первых, тот, у кого есть слова какого-нибудь языка, но нет в уме отличных друг от друга идей, к которым можно было бы их отнести, производит лишь шум без смысла и значения, когда употребляет в разговоре эти слова. И каким бы ученым он ни казался из-за употребления мудреных слов или ученых терминов, он продвигается благодаря этому в познании не больше, чем в обучении тот, кто в своих занятиях ограничился бы одними заглавиями книг, не владея их содержанием. Ибо все такого рода слова равносильны простым звукам, и ничему другому, как бы верно ни применяли при их включении в речь грамматические правила или соразмерность удачных периодов.

27. Во-вторых, тот, у кого есть сложные идеи, но нет отдельных имен для них, не в лучшем положении, чем книгопродавец, у которого на складе книги лежат переплетенными и без заглавий, так что он может ознакомить других с ними, лишь показывая разрозненные листы и долго о них рассказывая. Такой человек испытывает затруднения в разговоре от недостатка слов для передачи своих сложных идей, с которыми он поэтому вынужден знакомить путем перечисления составляющих их

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
простых идей, и часто он поставлен в необходимость употреблять двадцать слов для выражения того, что другой обозначает одним лишь словом.

28. В-третьих, того, кто не всегда ставит один и тот же знак для одной и той же идеи, а употребляет одни и те же слова то в одном, то в другом значении, следует в [философских] школах и в обычном общении считать таким же честным человеком, каким на рынке и на бирже считают того, кто под одним и тем же названием продает разные вещи.

29. В-четвертых, кто прилагает слова какого-нибудь языка к идеям, отличным от тех, к которым прилагает их. обычное употребление данной страны, тот при помощи таких слов не будет в состоянии передать другим без определения своих терминов много истины и света, как бы ни был его собственный разум заполнен ими. Ибо как бы ни были звуки общеизвестны, как бы легко ни воспринимались они слухом привыкших к ним людей, но, обозначая не те идеи, с которыми они обычно связаны, и не вызывая их в уме слушателей, они не могут передавать мысли человека, употребляющего их таким образом.

30. В-пятых, кто выдумал себе субстанции, никогда не существовавшие, кто набил себе голову идеями, которые не имеют никакого соответствия в реальной природе вещей, но которым он дает установившиеся и определенные имена, тот в состоянии наполнить свою речь и, может быть, чужую голову фантастическими вымыслами собственного мозга, но будет очень далек от того, чтобы продвинуться этим хоть на йоту в действительном и истинном познании.

31. У кого есть названия без идей, у того нет смысла в словах, тот произносит лишь пустые звуки. У кого есть сложные идеи, но нет имен для них, тому не хватает свободы и быстроты в его выражениях, тот вынужден прибегать к перифразам. Кто употребляет свои слова вольно и неопределенно, того или не будут слушать, или не поймут. Кто употребляет свои слова для идей не в обычном их значении. тому не хватает точности в языке, тот говорит тарабарщину. А у кого идеи субстанций не согласуются с реальным существованием вещей, у того нет в разуме материала для истинного познания, и вместо этого [он] имеет лишь химеры.

32. Как обстоит дело с субстанциями? В наших понятиях о субстанциях мы испытываем все указанные неудобства. Например: 1) тот, кто употребляет слово <тарантул>, не имея представления или идеи о том, что оно обозначает, произносит хорошее слово, но вообще под этим ничего не подразумевает; 2) кто во вновь открытой стране увидит различные неизвестные ему дотоле породы животных и растений, может иметь такие же верные идеи их, как идеи лошади или оленя, но говорить о них может лишь описательно, пока не узнает имен, которыми обозначают их местные жители, или не даст им имен сам; 3) кто обозначает словом <тело> то одну лишь протяженность, то протяженность вместе с плотностью, тот своей речью вводит в большое заблуждение; 4) кто дает имя <лошадь> идее, которую обыкновенно называют <мул>, говорит неточно, и ею не поймут; 5) кто думает, что слово <кентавр> обозначает некоторое реальное существо, тот обманывает самого себя и принимает по ошибке слова за вещи.

33. Как обстоит дело с модусами и отношениями? В модусах и отношениях вообще мы испытываем лишь первые четыре из указанных неудобств: 1) я могу иметь в своей памяти имена модусов, например <благодарность> или <милосердие>, и не иметь, однако, связанных с этими именами точных идей; 2) я могу иметь идеи и не знать относящихся к ним имен. Например, я могу иметь идею о

человеке, пьющем до того, что у него изменяется цвет лица и настроение, язык заплетается, глаза наливаются кровью, ноги изменяют, и тем не менее я могу не знать, что это называется опьянением¹, 3) я могу иметь идеи добродетелей или пороков и имена для них, но употреблять их ошибочно, например когда я даю имя <бережливость> идее, которую другие называют и обозначают словом <скупость>; 4) я могу употреблять эти слова то в одном, то в другом значении; 5) но в модусах и отношениях я не могу иметь идей, не соответствующих существующим вещам. Модусы - это сложные идеи, произвольно образованные умом, а отношение есть лишь мой способ рассматривать вместе две вещи и сравнивать их и, следовательно, тоже идея, образованная мною самим. Едва ли может поэтому оказаться, что эти идеи не соответствуют какой-нибудь существующей вещи: они имеются в уме не как копии

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org вещей, созданных природой по своим правилам, и не как свойства, необходимо вытекающие из внутреннего строения, или сущности, какой-нибудь субстанции, но как своего рода образцы, запечатленные в памяти вместе с названиями, связанными с ними, для наименования действий и отношений, по мере того как последние получают существование. Ошибка обыкновенно состоит в том, что я даю своим представлениям неверное название. И так как я употребляю слова не в том смысле, как другие, меня не понимают и считают, что у меня неверные идеи о вещах, между тем как я даю им неверные названия. Лишь в том случае, когда в состав моих идей смешанных модусов или отношений входят какие-нибудь противоречащие друг другу идеи, я наполняю свою голову химерами, ибо при надлежащем рассмотрении оказывается, что такие идеи не могут существовать в уме и что тем более не может получаться от них наименования никакая реальная вещь.

34. В-седьмых, образная речь есть также злоупотребление языком. Так как остроумие и воображение находят себе доступ в мире легче, чем сухая истина и действительное познание, то едва ли считают, что образные выражения и игра слов являются несовершенством языка или злоупотреблением им. Я признаю, что в разговорах, где мы ищем скорее удовольствия и наслаждения, чем поучений и обогащения знаниями, едва ли могут считаться недостатками украшения, заимствуемые из этого источника. Но если мы говорим о вещах, как они есть, мы должны признать, что всякое риторическое искусство, выходящее за пределы того, что вносит порядок и ясность, всякое ис-

кусственное и образное употребление слов, какое только изобретено красноречием, имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман. Поэтому, как бы ни было похвально или допустимо такое ораторское искусство в речах и обращениях к народу, его, несомненно, нужно совершенно избегать во всех рассуждениях, имеющих в виду научать или просвещать, и нельзя не считать огромным недостатком языка или лица, употребляющего его там, где речь идет об истине и познании. Каковы и сколь разнообразны эти приемы, излишне указывать здесь: книги о риторике, которыми изобилует мир, просветят тех, кто нуждается в поучении. Я не могу не отметить одного: как мало тревожит и занимает человечество сохранение и усовершенствование истины и познания, с тех пор как поощряется и предпочитается искусство обмана! Как сильно, очевидно, люди любят обманывать и быть обманутыми, если риторика, это могущественное орудие заблуждения и обмана, имеет своих штатных профессоров, преподается публично и всегда была в большом почете! И я не сомневаюсь, что с моей стороны признают большой дерзостью, если не грубостью то, что я так много говорил против нее. Подобно прекрасному полу, красноречие обладает слишком неотразимой прелестью, чтобы когда-нибудь позволить говорить против себя. И напрасно жаловаться на искусство обмана, если люди находят удовольствие в том, чтобы быть обманутыми.

Глава одиннадцатая О СРЕДСТВАХ ПРОТИВ УПОМЯНУТЫХ НЕСОВЕРШЕНСТВ И ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ

1. Их стоит искать. Выше мы подробно рассмотрели естественные и искусственные несовершенства языков. И так как речь – это важные узы, скрепляющие общество, и обычный канал, по которому передаются от человека к человеку и от поколения к поколению успехи знания, то самого серьезного нашего внимания заслуживает рассмотрение того, какие можно найти средства против упомянутых выше недостатков.

2. Они не легки. Я не так тщеславен, чтобы думать, будто можно, не становясь посмешищем, пытаться полностью преобразовать все языки мира или хотя бы только своей собственной страны. Требовать, чтобы люди

постоянно употребляли свои слова в одном и том же смысле и только для определенных и неизменных идей, все равно что думать, что все люди должны иметь одни и те же понятия и говорить лишь о том, для чего у них есть ясные и отличные друг от друга идеи. А этого нельзя ждать ни от кого, у кого нет столько тщеславия, чтобы воображать, будто он может заставить людей быть либо очень знающими, либо совсем безмолвными. И очень мало знает мир тот, кто думает, будто болтливый язык – спутник лишь глубокого ума и что большая или меньшая разговорчивость людей сообразна только с их знаниями

3. Но они необходимы для философии. Но хотя рынку и бирже следует оставить их собственную манеру говорить и не отнимать у сплетен их старинной привилегии, хотя философские школы и спорщики обидятся, если им предложат сократить продолжительность и уменьшить число их споров, однако, думается мне, те, кто серьезно желает искать или отстаивать истину, должны считать своим долгом изучить способы, как избавиться от неясности, сомнительности, двусмысленности, которые, естественно, бывают в словах при отсутствии надлежащего внимания.

4. Неверное употребление слов – причина серьезных заблуждений. Тот, кто рассмотрит внимательно заблуждения и неясность, ошибки и путаницу, распространенные в мире от плохого употребления слов, найдет некоторые основания для сомнения в том, содействовал ли язык в употреблении его людьми больше совершенствованию знания или же служил помехой. Сколько людей при размышлении о вещах сосредоточивают свои мысли на одних словах, особенно когда они занимаются вопросами нравственности! И как после этого удивляться тому, что в результате такие рассмотрения и рассуждения, которые касаются почти только звуков и при которых связанные со звуками идеи очень смутны или очень неопределенны или, быть может, совсем отсутствуют, – как удивляться), говорю я, что подобные мысли и рассуждения приводят лишь к неясности и заблуждению без всякого ясного суждения или знания!

5. Упорствование в ошибках. Это неудобство от неправильного употребления слов люди испытывают в своих собственных размышлениях; но вытекающие отсюда недоразумения гораздо очевиднее в разговорах, рассуждениях и спорах с другими. Язык есть великий канал, по которому люди передают друг другу свои открытия, рас-

суждения и знания; и тот, кто плохо им пользуется, если и не портит источников знания, которые находятся в самих вещах, то во всяком случае, поскольку это от него зависит, ломает либо засоряет трубы, по которым знание распределяется для общественной пользы и добра человечества. Разве не вводит себя и других в заблуждение тот, кто употребляет слова без ясного и неизменного смысла? А тот, кто делает это умышленно, должен считаться врагом истины и познания. И как после этого удивляться, что все науки и отрасли знания в такой степени перегружены неясными и двусмысленными терминами, ничего не значащими и сомнительными выражениями, которые очень мало способны или совсем неспособны сделать более знающими и придерживающимися более правильных взглядов даже самых внимательных и проницательных людей, если у тех, кто делает ремеслом преподавание и защиту истины, утонченность столь часто сходила за добродетель? А на деле эта добродетель по большей части состоит лишь в ложном и призрачном употреблении неясных либо обманчивых терминов и может лишь сделать людей еще более высокомерными в своем невежестве, еще более упрямыми в своих заблуждениях.

6. И споры. Заглянем во всякого рода полемические книги. Мы увидим там, что результатом неясных, неустойчивых, двусмысленных терминов является лишь шум и спор из-за звуков, который не убеждает и не совершенствует разума. Ведь если говорящий и слушающий не согласились насчет идеи, которую обозначают слова, спор касается не вещей, а названий. При всяком употреблении такого слова, значение которого у них не установлено, тождественным для их разума является лишь звук, ибо вещи, о которых они думают в это время, что их выражает данное слово, совершенно различны.

7. Пример – летучая мышь и птица. Птица ли летучая мышь или нет? Вопрос не в том, есть ли летучая мышь нечто отличное от того, что она есть в действительности, или обладает ли она качествами, отличными от тех, какими она обладает в действительности, ибо сомневаться в этом было бы крайне нелепо. Но либо 1) вопрос возникает у людей, признавших, что их идеи одного или обоих видов животных, которые, как они полагают, обозначаются данными названиями, несовершенны. И тогда это настоящее

летучей мыши все простые идеи, которым в их соединении они оба дают название <птица>. Но это есть лишь вопрос исследователей (а не спорщиков), которые не утверждают и не отрицают, а изучают. Либо 2) это вопрос, возникший между спорящими, из которых один утверждает, а другой отрицает, что летучая мышь – птица. И тогда речь идет только о значении одного из этих слов или обоих, о том, что сложные идеи, которым они дают эти два названия, у них не совпадают и поэтому один считает, что оба этих названия могут подтверждать друг друга, а

Локк Джон Опыт о человеческом разуме. Книга 3 filosoff.org
другой это отрицает. При единодушном мнении о значении этих двух названий было бы невозможно спорить о них. Будь у них это согласие, они немедленно и ясно увидели бы, можно или нельзя найти в сложной идее летучей мыши все простые идеи более общего названия <птица>; и, таким образом, не было бы места сомнению, птица ли летучая мышь или нет. И я хотел бы здесь, чтобы рассмотрели и внимательно исследовали, не являются ли споры в мире по большей части спорами лишь о словах и их значении, и не прекратились ли бы они сами собой и не исчезли ли бы немедленно, если бы употребляемые в них термины были определены и их значение сведено (как это должно быть везде, где они что-нибудь обозначают) к определенным совокупностям простых идей, которые они обозначают или должны обозначать. После этого я оставляю на рассмотрение вопрос, что же поучительного в спорах и какую пользу приносят себе и другим те, занятие которых состоит лишь в пустом хвастовстве словами, т. е. те, кто тратит свою жизнь на споры и препирательства. Когда я увижу, что кто-нибудь из таких бойцов освобождает все свои термины от двусмысленности и неясности (а это с употребляемыми им словами может сделать каждый), я буду считать его поборником знания, истины и мира, а не рабом тщеславия, честолюбия или приверженности к какой-либо партии или школе.

8. Первое средство – не употреблять слово без идеи. Для некоторого исправления вышеупомянутых недостатков речи и для предупреждения вытекающих из них неудобств, мне кажется, может быть полезным соблюдение следующих правил, пока кто-нибудь способнее меня не сочтет достойным для себя обдумать этот вопрос более зрело и осчастливит мир своими мыслями об этом.

Во-первых, нужно стараться не употреблять ни одного слова без значения, ни одного имени без обозначаемой им идеи. Это правило не покажется совершенно излишним

тому, кто возьмет на себя труд припомнить, как часто в разговоре с другими он слышал слова <инстинкт>, <симпатия>, <антипатия> и т. д. в таком значении, что можно было бы легко заключить, что употреблявшие их не имели в уме своем относящихся к ним идей, а произносили их только как звуки, которые в подобных случаях обыкновенно заменяют разумные доводы. Хотя эти и подобные слова и имеют совершенно точное значение, в котором можно было бы употреблять их, но, так как нет естественной связи между какими-либо словами и какими-либо идеями, их и всякие другие слова могут вызубрить, произносить и писать люди, не имеющие в уме своем относящихся к ним и обозначаемых ими идей; а они непременно должны были бы иметь такие идеи, если бы хотели говорить понятно даже только для себя.

9. Во-вторых, для модусов иметь четко разграниченные идеи, связанные со словами. Во-вторых, недостаточно употреблять свои слова в качестве знаков каких-нибудь идей. Связанные с ними идеи, если они простые, должны быть ясны и отличны друг от друга, если сложные – определены, т. е. в уме должна быть установлена точная совокупность простых идей вместе со словом, связанным с нею в качестве знака данной, а не другой, точно определенной совокупности. Это крайне необходимо для названий модусов, и особенно для слов из области морали, – они могут быть очень неясными, так как не имеют в природе определенных объектов, из которых можно было бы как из источников брать их идеи. Слово <справедливость> – на устах у каждого, но большей частью с очень неопределенным, неясным значением; и оно всегда останется таким, если у человека не будет в уме ясного понимания составных частей данной сложной идеи и умения разложить ее до тех пор, пока наконец он не дойдет до составляющих ее простых идей; если же этого не делается, человек неправильно употребляет слово, будь то <справедливость>, например, или какое-нибудь другое слово. Я не говорю, что нужно обязательно припоминать и делать этот подробный анализ каждый раз, когда встречается слово <справедливость>; но по меньшей мере необходимо так исследовать значение этого названия и во всех частях закрепить в уме эту идею, чтобы быть в состоянии сделать это когда угодно. Если кто понимает свою сложную идею справедливости как сообразное с законом обращение с личностью и имуществом другого, но не имеет ясной и определенной идеи закона, составляющего часть его сложной идеи справедли-

вости. то ясно, что сама его идея справедливости будет путаной и несовершенной. Эту точность, быть может, сочтут очень тягостной, и поэтому люди по большей части будут думать, что они вправе избавиться себя от такого точного установления в уме сложных идей смешанных модусов. Я должен сказать, однако, что, пока этого

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
но будет, не следует удивляться, что у людей в уме очень много неясности и путаницы, а в разговорах с другими – очень много споров.

10. Когда речь идет о субстанции, нужно иметь идеи, сообразные вещам. Для правильного употребления названий субстанций требуется нечто большее, чем определенные идеи, – их названия должны быть также сообразны существующим вещам. Но об этом я вскоре буду иметь случай говорить подробнее. Такая точность совершенно необходима в вопросах философского знания и в спорах об истине. Конечно, хорошо было бы распространить ее и на обыкновенные разговоры, на повседневные житейские дела, но, мне кажется, этого едва ли можно ожидать. Обычные понятия соответствуют обычным разговорам, и, хотя в тех и других достаточно много путаницы, они довольно хорошо удовлетворяют рынок и храмовые праздники; у купцов и любовников, поваров и портных есть слова, при помощи которых они могут быстро устроить свои обычные дела; в таком же положении, думается мне, могли бы быть и философы, и участники диспутов, если бы у них было желание понимать и быть ясно понятыми.

11. В-третьих, следует точно употреблять слова. В-третьих, недостаточно иметь определенные идеи, обозначаемые данными знаками; нужно также стараться прилагать свои слова по возможности точнее к тем идеям, с которыми связало их обычное употребление. Слова, особенно в языках, уже полностью развитых, не частное достояние кого-либо одного, а общее средство обмена и общения; поэтому никто не должен по собственному желанию менять ни чеканку, под которой они обращаются!, ни идеи, к которым они прикреплены, а когда сделать это необходимо, он по крайней мере обязан сообщить об этом. В разговоре человек имеет намерение или по крайней мере должен иметь намерение быть понятым, а там, где люди не следуют обычному употреблению слов, этого нельзя добиться без частых объяснений, вопросов и прочих неудобных перерывов подобного рода. Точность речи всего легче и удобнее дает нашим мыслям проникнуть в чужой ум и потому заслуживает часть нашего внимания и

усердия, особенно в названиях слов из области нравственности. Точному значению и употреблению терминов лучше всего учиться у тех, кто в своих сочинениях и речах, по-видимому, имел наиболее ясные понятия и выбирал для них наиболее точные и подходящие термины. Такой способ употребления слов в соответствии с правилами языка не всегда, правда, имеет счастье быть понятым; но большей частью вина падает на того, кто столь несведущ в своем языке, что не понимает его и тогда, когда им правильно пользуются.

12. В-четвертых, объяснять значения слов. В-четвертых, обычное употребление связало значения со словами не столь явственно, чтобы всегда было известно, что именно они обозначают, а люди, добившись успеха в своем познании, приходят к идеям, отличным от обычных и общепринятых, и должны либо образовать для них новые слова (на что решаются редко из страха быть обвиненными в искусственности или новшествах), либо употреблять старые в новом значении. Поэтому при соблюдении предыдущих правил иногда для подтверждения значения слов необходимо объявлять их смысл, если обычное употребление оставило его неопределенным и расплывчатым (как это бывает с большей частью имен очень сложных идей), если кто-либо употребляет их в таком значении, которое придает им только сам говорящий, или если очень важные для рассуждения термины, вокруг которых оно главным образом вращается, могут возбудить некоторое сомнение или ввести в заблуждение.

13. Делать это следует тремя путями. Поскольку имеются различного рода обозначаемые словами идеи, постольку различен и способ делать их известными, когда представляется случай. Хотя определение считается подходящим способом объяснения точного значения слов, не все слова, которые не поддаются определению, тогда как точный смысл других можно объяснить только через определение и, может быть, через третий способ, имеющий нечто общее с обоими первыми, как мы увидим при рассмотрении названий простых идей, модусов и субстанций.

14. Во-первых, в простых идеях посредством синонимов или указания на примеры. Во-первых, когда человек употребляет, имя какой-нибудь простой идеи и видит, что его не понимают или могут истолковать превратно, то откровенность и желание того, чтобы его верно поняли, обязывают человека объяснить смысл этого имени и разъ-

яснить обозначаемую им идею. Как было показано, путем определения сделать это нельзя. А потому, когда нет синонимичного слова, остается одно из следующих средств: 1) иногда достаточно произнести название предмета, в котором можно найти данную простую идею, чтобы сделать его понятным для лиц, знакомых с данным предметом и знающих его под данным названием. Так, чтобы разъяснить жителю деревни, какой цвет обозначает *feuille morte*, достаточно сказать ему, что это цвет опавших осенью листьев; 2) но единственно верный способ объяснить значение названия простой идеи – представить чувствам предмет, который может вызвать в уме обозначаемую данным словом идею, и сделать так, чтобы он действительно имел ее.

15. Во-вторых, в смешанных модусах – посредством определения. Во-вторых, смешанные модусы, особенно относящиеся к нравственности, по большей части представляют собой такие сочетания идей, которые ум составляет по собственному выбору и для которых не всегда можно найти постоянные образцы. Поэтому значение их названий нельзя объяснить путем какого-нибудь указания, как это бывает с названиями простых идей, но зато его можно определить полностью и точно. Так как смешанные модусы суть сочетания разных идей, соединяемых умом произвольно, безотносительно к каким-либо прообразам, то при желании можно точно знать идеи, составляющие каждое сочетание, и, с одной стороны, употреблять эти слова в определенном, несомненном значении, с другой – при необходимости точно указать, что они обозначают. Если принять это как следует во внимание, то большая вина падет на тех, кто не делает своих рассуждений по вопросам нравственности совершенно ясными и четкими. Так как смешанные модусы образованы не природой, а человеком, то может быть известно точное значение их названий, или, что одно и то же, реальная сущность каждого вида. Поэтому большая небрежность и испорченность – рассуждать о вопросах нравственности неопределенно и неясно, что более извинительно в рассуждении о естественных субстанциях, где трудно избежать неясных терминов, а также, как мы вскоре увидим, и по совершенно противоположной причине.

16. В этике доказательство возможно. Вот почему я осмеливаюсь думать, что в этике доказательство так же возможно, как и в математике, ибо точная реальная сущность вещей, обозначаемых словами из области нрав-

ственности, может быть точно известна и, следовательно, может с достоверностью раскрыть соответствие или несоответствие самих вещей, в чем и состоит совершенное познание. И пусть не возражают, что в этике наравне с именами модусов часто приходится употреблять названия субстанций, откуда и возникает неясность, ибо что касается субстанций, затрагиваемых в рассуждениях по вопросам нравственности, то их разнообразная природа не столько исследуется, сколько предполагается. Так, когда мы говорим, что <человек подчинен закону>, под словом <человек> мы разумеем лишь телесное, разумное существо; какова в данном случае реальная сущность или другие качества этого существа, – это не рассматривается вовсе. Поэтому натуралисты могут сколько угодно спорить о том, являются ли человеком в физическом смысле ребенок или идиот; это несколько не касается нравственного человека, поскольку я бы назвал его, представляющего данную неподвижную, неизменную идею, телесным и разумным существом. Если бы можно было найти обезьяну или какое-либо другое существо, одаренное разумом в такой степени, чтобы понимать общие знаки и делать выводы относительно общих идей, оно, несомненно, было бы подчинено закону и в этом смысле было бы человеком, как бы ни отличалось оно по своему внешнему облику от других существ с этим названием. При надлежном употреблении названия субстанций могут мешать рассуждениям по вопросам нравственности так же мало, как математическим: если математик говорит о золотом кубе, шаре или другом теле, у него есть ясная, определенная идея, которая не изменяется, хотя по ошибке ее можно приложить к какому-то отдельному телу, к которому она не относится.

17. Определения могут сделать ясными рассуждения по вопросам нравственности. Я упомянул здесь об этом между прочим, чтобы показать, как важно для людей в именах смешанных модусов и, следовательно, во всех рассуждениях по вопросам нравственности давать определения своих слов, когда это требуется, ибо благодаря этому познание нравственности может быть приведено к большей ясности и достоверности. И нужно иметь очень мало искренности (чтобы не выразиться хуже), чтобы отказываться делать это: ведь определение – единственный способ, при помощи которого можно объяснить точный смысл слов из области нравственности, и в то же время такой способ, при помощи которого можно объяснить их смысл с

достоверна

стью, чтобы не осталось места ни для какого спора о нем. Поэтому нельзя оправдать небрежность и испорченность людей, если их рассуждения по вопросам нравственности немногим яснее, чем рассуждения в естествознании, ведь они касаются идей в уме, которые не являются ложными или несоразмерными, потому что у них нет внешних вещей в качестве прообразов, к которым их могли бы отнести и которым они должны были бы соответствовать. Гораздо легче составить в уме идею, которая будет образцом, дать ей название <справедливость> и затем все согласные с нею действия подводить под это наименование, нежели увидеть Аристидида 46 и составить идею, вполне и во всем похожую на Я него, ибо он есть то, что он есть, какую бы идею ни имели о нем другие. В одном случае нужно только знать сочетание идей, соединяемых в уме; в другом нужно не следовать всю природу, неясное, скрытое строение и разнообразные качества существующей вне нас вещи.

18. Это и есть единственный способ. О другой причине того, почему столь необходимо определение смешанных модусов, особенно для слов из области нравственности, я говорил выше: дело в том, что такое [определение] - единственный способ, при помощи которого можно с достоверностью узнать значение большей части модусов. Так как составные части обозначаемых ими идей по преимуществу нигде не существуют вместе, а бывают разбросаны и перемешаны с другими, то лишь ум связывает их и соединяет в одну идею; и только посредством слов, перечисляющих различные простые идеи, объединенные умом, мы можем показать другим, что обозначают имена [смешанных модусов]. В этом случае чувства не могут путем показа чувственно воспринимаемых предметов помочь нам в объяснении идей, обозначаемых такого рода именами, как они часто помогают при назывании простых чувственных идей и до некоторой степени также при назывании идей субстанций.

19. В-третьих, в субстанциях - посредством показа и определения. В-третьих, чтобы объяснить значение имен субстанций, обозначающих наши идеи различных видов субстанций, во многих случаях следует прибегать к обоим упомянутым выше способам - и к показу, и к определению. В каждом виде обычно имеются некоторые основные качества, с которыми связаны, как мы предполагаем, другие идеи, составляющие нашу сложную идею данного вида; поэтому мы охотно даем видовое имя предмету, в котором можно найти характерный признак, принимае-

мый нами за наиболее отличительную идею данного вида. Такой ведущей, или характерной (если можно так выразиться), идеей для видов животных и растений обычно является, как было отмечено выше (гл. 6, § 29 и гл. 9, § 15), внешний облик, для тел неодушевленных - цвет, а для некоторых [субстанций] - и то и другое.

20. Идеи основных качеств субстанций всего лучше приобретаются путем показа. Эти основные чувственные качества составляют главную часть наших идей вида и, следовательно, наиболее заметную и неизменную часть в определениях наших видовых имен, приписываемых видам субстанций, которые становятся предметом нашего познания. Слово <человек> по своей природе может обозначать сложную идею, составленную из соединяемых в одном субъекте одушевленности и разумности, совершенно так же, как и всякое другое сочетание, однако когда оно употребляется как знак для обозначения одного вида существ - существ нашего собственного вида, то, быть может, в нашу сложную идею, обозначаемую словом <человек>, необходимо так же включить внешний облик, как и всякую другую обнаруживаемую в ней идею. Поэтому не легко показать, почему определение Платона - *animal implete, bipes, latis unguibus* 47 - не будет столь же удовлетворительным определением слова <человек>, обозначающего данный вид существ: ибо именно внешний облик, как ведущее качество, определяет, по-видимому, данный вид в большей степени, чем разумность, которая проявляется не сразу, а у иных - никогда. И если с этим не соглашаются, то я не знаю, как можно не обвинять в убийстве людей, умерщвляющих так называемых уродов за необычный вид, не зная, есть или нет у них разумная душа, которую одинаково невозможно различить у нормальных и уродливых новорожденных. И кто учил нас, что разумная душа не может жить в помещении, если у него нет именно такого фасада, или не может соединиться с телом и оживить его, если у того нет именно такой внешней структуры?

21. Эти основные качества всего лучше познаются посредством показа и едва ли могут быть познаны иначе. Так, внешний облик лошади или казуара можно запечатлеть в уме словами лишь грубо и несовершенно: если этих животных показать, то это будет в тысячу раз лучше. Идею особого цвета золота можно приобрести только частым наблюдением, а не каким-нибудь описанием его. Об этом

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
ясно свидетельствуют люди, имеющие дело с этим метал-

лом: они обыкновенно на вид отличают настоящее золото от поддельного, чистое от нечистого, в то время как другие лица (обладающие таким же хорошим зрением, но не получившие на практике вполне точной идеи этого желтого цвета) не заметят между ними никакой разницы. То же можно сказать про другие простые идеи, свойственные лишь какой-нибудь одной субстанции, но не имеющие особых имен. Для особого звона золота, отличного от звука других тел, нет особого названия, как нет его и для особого желтого цвета этого металла.

22. Идеи сил субстанций лучше всего приобретаются посредством определения. Но многие простые идеи, составляющие наши видовые идеи субстанций, суть силы и способности, которые не являются нашим чувствам в вещах в их обычном виде; поэтому часть значения наших имен субстанций можно выяснить лучше посредством перечисления таких простых идей, чем путем показа самой субстанции. Кто усвоил с помощью зрения блестящий желтый цвет золота и прибавит к нему после того, как я их перечислил, идеи большой ковкости, плавкости, стойкости и растворимости в царской водке, у того будет более совершенная идея золота, чем в том случае, если бы он рассматривал кусок золота и на основании этого запечатлел в уме только его бросающиеся в глаза качества. Если бы действительное строение куска этого блестящего, тяжелого, ковкого вещества (из которого вытекают все эти свойства его) было открыто нашим чувствам так же, как и формальное строение или сущность треугольника, то значение слова <золото> можно было бы установить так же легко, как и значение [слова] <треугольник>.

23. Размышление о познании у духов. Отсюда можно видеть, в какой степени все наше познание материальных вещей зависит от наших чувств. Как познают их духи, не связанные с телом (у которых знание и идеи этих вещей, конечно, гораздо совершеннее нашего), мы не имеем никакого понятия, никакой идеи. Весь объем нашего познания и воображения не выходит за пределы наших собственных идей, ограниченных способами нашего восприятия. Хотя нет сомнения, что духи более высокого порядка, чем духи, погруженные в плоть, могут иметь столь же ясные идеи основного строения субстанций, как мы имеем идею треугольника, и таким образом постигать, как отсюда вытекают все их свойства и действия, но способ, которым эти духи ходят к такому познанию, выше нашего понимания.

24. Идеи субстанций также должны быть сообразны

вещам. Но хотя определения служат для объяснения имен субстанций, поскольку они обозначают наши идеи, они тем не менее делают это очень несовершенно, как бывает и тогда, когда имена субстанций обозначают вещи. Так как имена субстанций даются нами не только для выражения идей, но употребляются в конечном счете и для изображения вещей и, таким образом, ставятся на их место, то значение имен должно соответствовать истине вещей точно так же, как и идеям людей. Поэтому мы в отношении субстанций не всегда можем ограничиваться обычной, сложной идеей, составляющей, как это принято, значение данного слова, но должны идти немного дальше – расследовать природу и свойства самих вещей и тем самым по возможности усовершенствовать имеющиеся у нас идеи их различных видов или же учиться им у таких людей, которые имеют дело с данным видом вещей и знают их по опыту. Так как имена [субстанций] должны обозначать не только сложные идеи в уме других людей в своем обычном значении, но и такие сочетания простых идей, какие действительно существуют в самих вещах, то для правильного определения этих имен нужно обратиться к помощи естественной истории и обнаружить свойства субстанций путем внимательного их изучения. Чтобы избавиться от неудобств в беседах и рассуждениях о природных телах и субстанциальных вещах, недостаточно взять из повседневного языка обычную, но путаную и очень несовершенно идею, с которой связывают то или другое слово, и употреблять последнее только для данной идеи. Нужно еще, ознакомившись с историей данного вида вещей, исправить и установить для себя сложную идею, относящуюся к каждому видовому имени, а в разговоре с другими (если мы заметим, что те нас не понимают) мы должны указать, какую сложную идею мы обозначаем данным названием. Тем более это необходимо всем, кто ищет знания и философской истины. Дети, учась словам еще тогда, когда имеют несовершенные понятия о вещах, употребляют слова наугад, не очень задумываясь, и редко составляют определенные идеи, ими обозначаемые. И, став взрослыми, они склонны сохранять эту привычку, удобную и в достаточной мере удовлетворяющую обычным потребностям жизни и общению. Таким образом, они начинают не с того конца; словам они учатся сначала и основательно, а понятия, для которых употребляют эти слова, они образуют потом очень поверхностно. Отсюда получается,

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org
что люди говорят правильным языком своей страны, т.е. по пра-

вилам его грамматики, но о самих вещах говорят очень неправильно и в своих спорах друг с другом ненамного продвигаются в выявлении полезных истин и в познании вещей таковыми, как они существуют сами по себе, а не в нашем воображении; ибо для успехов нашего знания не имеет большого значения, как вещи называются.

25. [Идеи субстанций] нелегко сделать такими. Поэтому было бы желательно, чтобы люди, имеющие опыт в исследованиях природы и знакомые с различного рода естественными телами, изложили те простые идеи, с которыми, по их наблюдению, постоянно согласуются индивиды каждого вида. Это в весьма значительной мере устранило бы путаницу, происходящую оттого, что разные лица употребляют одно и то же слово для совокупности то большего, то меньшего числа чувственных качеств в зависимости от большего или меньшего знакомства с каким-нибудь видом вещей, подходящих под одно наименование, или от точности изучения их качеств. Но словарь такого рода, содержащий в себе как бы всю естественную историю, требует слишком много рук, времени, издержек, труда и проницательности, чтобы можно было когда-нибудь надеяться на него; а пока его нет, мы должны довольствоваться определениями имен субстанций, объясняющими смысл, в котором они употребляются. И было бы хорошо, если бы они, где необходимо, давали нам хоть это. Но и этого обычно не делается: люди говорят и спорят друг с другом словами, смысл которых они не согласовали между собой, исходя из заблуждения, будто значения обычных слов установлены с достоверностью и будто обозначаемые ими идеи совершенно точно известны и стыдно не знать их. Оба этих предположения ошибочны: ни у каких имен сложных идей нет такого установленного, определенного значения, чтобы они постоянно обозначали точь-в-точь одни и те же идеи. И вовсе не стыдно не обладать тем, достоверным познанием какой-нибудь вещи, которое достигается лишь одним-единственным возможным путем, поэтому нет ничего позорного в том, что не знают, какую точно идею обозначает звук в уме другого человека, если тот не объясняет мне этого каким-нибудь путем помимо простого произнесения данного звука, ибо нет другого пути достоверно познать это, кроме такого объяснения. В самом деле, необходимость общения посредством языка приводит людей к соглашению относительно значения обычных слов – в пределах некоторых границ, – удовлетворяющему потребностям обычного разговора; и потому нельзя

предполагать, чтобы кто-нибудь в привычном ему языке совсем не знал идей, связываемых со словами в обычном употреблении. Но обычное употребление дает правила очень неопределенные, сводящиеся в конце концов к идеям отдельных лиц, и оно часто оказывается очень неустойчивым образцом. Хотя упомянутый мною выше словарь потребует слишком много времени, издержек и труда, чтобы надеяться на его составление в настоящее время, однако, думается мне, нельзя назвать неразумным предложение, чтобы слова, обозначающие вещи, известные и различающиеся по своему внешнему виду, были изображены в нем небольшими рисунками и гравюрами. Составленный по такому способу словарь, быть может, легче и скорее всяких пространственных и утомительных комментариев ученых критиков научил бы истинному значению многих терминов, особенно в языках отдаленных стран и эпох, и закрепил бы в уме людей более верные идеи различных вещей, названия которых мы вычитываем у древних авторов. Натуралисты, толкующие о растениях и животных, знают выгоды этого приема: кто имел случай обращаться к ним, будет иметь основание признать, что от небольшого рисунка *arūm* или *ibex* 48 он получил более ясные идеи этого растения и этого животного, чем от любого длинного определения каждого из этих названий. Несомненно яснее стали бы для него и идеи *strigil* и *sistrum*, если бы вместо слов <скребница> и <цимбаль>, как переводят их словари, он увидел напечатанным на полях небольшой рисунок этих инструментов, как они были в употреблении у древних. Слова *toga*, *tunica*, *palium* легко переводятся словами <верхняя одежда>, <легкое платье>, <плащ>; но при помощи этих слов мы приобретаем верные идеи покроя этих римских одежд так же мало, как идеи лиц портных, изготовлявших эти одежды. Подобные вещи, которые глаз различает по их внешнему виду, всего лучше становятся известными уму благодаря их изображениям; последние делают значение таких слов более ясным, чем всякие другие слова, которыми обозначают данные слова и дают их определение. Но об этом лишь между прочим.

26. В-пятых, постоянством значения слов. В-пятых, если люди не хотят брать на себя труд указывать смысл своих слов и определения их терминов получить нельзя, то можно по крайней мере надеяться, что во всех рассуждениях, где желают поучать или убеждать, одно и то же имя будут употреблять постоянно в одном и том же

Локк Джон Опыт о человеческом разумии. Книга 3 filosoff.org

смысле.

можно только при большой недобросовестности), многие теперешние книги стали бы ненужными, многим спорам и диспутам был бы положен конец, много толстых томов, разбухших от двусмысленных слов, употребляемых то в одном, то в другом смысле, сжались бы до очень скромного объема, много философских и поэтических произведений (не говоря о других) уместилось бы в ореховой скорлупе.

27. Когда нужно объяснять изменение значения? Но в конце концов запас слов так скуден в сравнении с бесконечным разнообразием мыслей, что при отсутствии терминов для подходящего и точного выражения какого-либо своего понятия люди при всей своей осмотрительности часто будут вынуждены употреблять одно и то же слово в различных до некоторой степени значениях. Но хотя во время рассуждения или при развитии доказательства едва ли остается место для побочных замечаний, чтобы можно было дать отдельные определения при всяком изменении значения данного термина, однако при отсутствии умышленного обмана сам смысл рассуждения по большей части в достаточной мере наводит беспристрастных и понятливых читателей на его истинное значение. А где этого недостаточно для того, чтобы указать читателю путь, там писатель должен объяснить смысл своих слов и показать, в каком значении он здесь употребляет данный термин.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!